ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

ОФМБ.

3463

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.)
1865.

HF
3163

16811

HF
3163
Библиот
Исключено
16811.

Дозволено цензурой. Москва, 13-го мая 1865 года.

Б.М.К.С.

I.

Едва ли найдется на всей нашей государственной территоріи пунктъ, болѣе важный по всей совокупности своихъ географическихъ условій чѣмъ то мѣсто, на которомъ происходитъ нынѣ Макарьевская ярмарка, эта главная уставщица всего русскаго ярмарочнаго торга и всей внутренней нашей торговли. Это мѣсто—уголъ, образуемый насупротивъ Нижняго-Новгорода сліяніемъ Оки съ Волгой, на правомъ берегу первой и на лѣвомъ послѣдней. Здѣсь Волга,—прикасающаяся своими истоками къ бассейну Балтійскаго моря и искусственно даже соединенная съ нимъ, а потому и со всѣми коммерческими путями Европы и всего образованнаго міра, и оканчивающая свое теченіе въ бассейнѣ центральной Азіи, въ другомъ историческомъ и политическомъ мірѣ,—принимаетъ въ себя одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ своихъ притоковъ, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи едва ли не важнѣйшій. Къ этому послѣднему заключенію легко придти, принявъ въ соображеніе разнообразіе омываемыхъ Окой мѣстностей (губерніи Нижегородская, Владимірская, Тамбовская, Рязанская, Московская, Тульская, Калужская и Орловская), историческое и нынѣшнее ихъ экономическое значеніе, ихъ коренное русское народонаселеніе, многочисленность изгибовъ этой рѣки, дающихъ 2.400 верстъ теченія на этомъ относительно небольшомъ пространствѣ, гдѣ самая мануфа-

ктурная полоса Россіи соприкасается съ земледѣльческою и черноземною, въ предѣлахъ которой Ока начинаетъ свое теченіе. Не такъ далеко отъ впаденія Оки въ Волгу находится устье и другаго самаго великаго притока Волжскаго бассейна—Камы, соединяющей этотъ пунктъ съ самыми дальними сѣверными и сѣверовосточными краями Россіи, съ Ураломъ и Сибирью. Такимъ образомъ нынѣшнее мѣсто Макарьевской или Нижегородской ярмарки болѣе или менѣе соединено, посредствомъ водяныхъ сообщеній, съ самыми противоположными и отдаленными краями Россіи, а водяныя сообщенія пока преобладаютъ надъ всѣми другими путями внутреннихъ нашихъ сообщеній, и пока наиболѣе опредѣляютъ собою направленіе всѣхъ нашихъ коммерческихъ путей. Непосредственно принадлежа къ бассейну Волги, издавна и до сихъ поръ первенствующей во всей водяной системѣ Россіи, это мѣсто вмѣстѣ съ тѣмъ представляется пунктомъ наиболѣе *срединнымъ* въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ рѣчнымъ нашимъ бассейнамъ и находится въ непосредственной связи съ первенствующимъ внутреннимъ коммерческимъ и промышленнымъ центромъ—Москвой, которая принадлежитъ также къ Окской системѣ, и откуда прямой путь къ государственному центру и къ преобладающимъ пока въ нашей внѣшней торговлѣ балтійскимъ портамъ. Русскіе купцы, въ сужденіяхъ о значеніи Нижегородской ярмарки, справедливо указываютъ на *воды* какъ на главное и неотъемлемое ея богатство. Дѣйствительно, едва ли найдутся у насъ въ другомъ мѣстѣ такія *воды*, съ такимъ настоящимъ и съ такимъ прошедшимъ.

Но не однѣ воды, какъ способъ переѣзда людей и перевозки товаровъ, благопріятствуютъ нынѣшнему мѣсту Макарьевской ярмарки: это мѣсто лежитъ въ средоточіи самаго населеннаго и самаго бойкаго какъ въ промышленномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи пространства Волжскаго бассейна. Здѣсь, приблизительно между границами Костромской и Казанской губерній (отъ Юрьевца до Казани), и въ особенности между Окой и Камой, происходитъ самое сильное встрѣчное движеніе судоходства вверхъ и внизъ по Волгѣ; здѣсь она течетъ посреди самыхъ энергическихъ промышленныхъ и коммерческихъ поселеній во всемъ ея бассейнѣ, пересѣкаетъ самую мануфактурную область Россіи, и здѣсь же, на этомъ пространствѣ теченія Волги, разыгрывались

знаменательнѣйшія движенія въ исторіи сложенія Русскаго государства. Здѣсь былъ театръ самыхъ ожесточенныхъ схватокъ въ борьбѣ племенныхъ элементовъ, на сліяніи которыхъ зиждется все могущество господствующей государственно-этнографической стихіи—великорусскаго племени; здѣсь происходилъ, между прочимъ, тотъ великій процессъ поглощенія финскаго племени славянскимъ, который составляетъ одно изъ первостепенныхъ явленій въ нашей исторіи, и который здѣсь продолжается въ самыхъ ясныхъ чертахъ и до сихъ поръ. Здѣсь же происходилъ главный отпоръ русскаго народа противъ кочующихъ ордъ азіятскаго востока и противъ этихъ многочисленныхъ, полуевропейскихъ и полуазіятскихъ, полуисторическихъ и полугражданскихъ угрскихъ племенъ, значительно стѣснявшихъ на востокѣ естественный ростъ нашей государственной территоріи. Здѣсь, наконецъ, совокупно съ борьбой племенныхъ элементовъ христіанство, въ лицѣ русскаго народа, осиливало міръ язычества и магометанства, и это движеніе продолжается здѣсь и до сихъ поръ.

Происхожденіе Макарьевской ярмарки безъ всякой натяжки можетъ быть отнесено къ глубочайшей древности; ея начало, безъ сомнѣнія, надо искать въ Великой Болгаріи на Волгѣ и Камѣ. Уже съ X вѣка Болгарское царство, на среднемъ теченіи Волги, преимущественно на правомъ ея берегу, до самаго Урала, явственно выступаетъ въ исторіи, даже на памяти русскихъ лѣтописцевъ. Съ самыхъ древнихъ временъ Болгары были особенно знамениты какъ народъ коммерческій; ихъ главное становище *Болгары*, на Волгѣ ниже Камы (въ Спасскомъ уѣздѣ), съ незапамятныхъ временъ (по крайней мѣрѣ съ середины IX столѣтія) славилось какъ складочное мѣсто товаровъ. Всемірное географическое положеніе Болгарскаго царства чрезвычайно благопріятствовало развитію его коммерческой дѣятельности:* съ одной стороны, Волга свя-

---

* См. F. H. Müller. *Historisch-geographische Darstellung des Stromsystems der Wolga.* Berlin 1839, p. 410 и слѣд.; p. 309 и слѣд. Тутъ же цитируются относящіяся къ историческому развитію Макарьевской ярмарки мѣста изъ исторіи Карамзина. Также Бѣляева, *Разказы изъ Русской Исторіи.* 1861 г. p. 11, 16, 222 и др. H. Storch. *Hist.-Statist. Gemälde des Russischen Reichs*, 1800, p. 107, 121, 152, 158 и 456. Въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* 1836 г., ст. „Болгары".

зывала ихъ съ Хозарами, также дѣятельно занимавшимися торговлей съ Каспійскимъ моремъ, Среднею Азіей, Персіей и даже Индіей; съ другой стороны, къ сѣверу, посредствомъ системы Камы и Вятки, Болгарія непосредственно соприкасалась съ *Біарміей* (гдѣ славился издревле торговлей Чердынь), съ сѣверо-двинскимъ коммерческимъ путемъ (Холмогоры); сюда съ сѣвера проникали воинственные и коммерческіе набѣги Норманновъ, сюда же въ послѣдствіи распространилась колонизаціонная и торговая дѣятельность Великаго Новгорода, съ которымъ связывало Болгарію и верхнее теченіе Волги. Такимъ образомъ, черезъ Волжскую или Великую Болгарію лежалъ одинъ изъ всемірныхъ коммерческихъ путей, шедшій по всѣмъ окраиннымъ и пограничнымъ пространствамъ между Азіей и Европой, и соединявшій эти двѣ части свѣта, югъ съ сѣверомъ, и востокъ съ западомъ.

Судя по всѣмъ историческимъ преданіямъ и памятникамъ, здѣсь въ Болгарахъ (или Брахимовѣ) происходило издревле (по крайней мѣрѣ съ половины IX столѣтія) весьма оживленное торжище, къ которому стекались разные народы Азіи, изъ самыхъ отдаленныхъ ея краевъ (въ томъ числѣ, въ особенности, Арабы, Персіяне, Армяне и даже Индійцы), и Европы, и на которомъ пробуждалась коммерческая дѣятельность племенъ, населявшихъ сѣверные, сѣверозападные и сѣверовосточные края Россіи.

Болгарское царство мало-по-малу падаетъ подъ натисками возникающаго Русскаго государства (походы русскихъ князей въ XI и XII вѣкахъ противъ Болгаровъ) и потомъ подъ ударами Монголовъ; на развалинахъ его образуется Казанское царство, въ которомъ болгарское племя, слившись съ тюркъ-татарскими племенами, исчезаетъ изъ исторіи, и въ которомъ проявилось послѣднее могущество Монголовъ на русской территоріи. Коммерческое значеніе Болгаръ переходитъ въ концѣ XIV вѣка къ Казани, гдѣ образуется средоточіе финскихъ, угрскихъ и монгольскихъ народовъ сѣверовосточной Россіи, и гдѣ на Арскомъ полѣ, до сихъ поръ существующемъ по имени, уже по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, происходилъ въ лѣтніе мѣсяцы важный ярмарочный торгъ, на который сходились купцы Азіи, Россіи и, кажется, даже Западной Европы. Уже съ этихъ временъ казанскіе Татары или Монголы начинаютъ отличаться коммерческимъ духомъ, который мало-по-малу поглощаетъ въ

себѣ ихъ воинственныя наклонности. Эта ярмарка, происходившая на Арскомъ полѣ въ лѣтніе мѣсяцы, очевидно, перешла въ Казань изъ Болгаръ, хотя на это и нѣтъ положительныхъ историческихъ доказательствъ; она славилась преимущественно въ теченіе XV столѣтія и до начала XVI. Съ конца XIV столѣтія начинаются походы Московскаго государства противъ Казани и постепенное подчиненіе ея русскому владычеству, которое ознаменовалось въ 1487 г. взятіемъ Казани царемъ Іоанномъ III, а потомъ окончательнымъ покореніемъ Казанскаго царства Іоанномъ Грознымъ въ 1552 г.

Но до этой важной въ нашей исторіи эпохи окончательнаго присоединенія средняго и нижняго теченія Волги къ Московскому государству, отношенія Москвы къ Казани, политическія, а съ ними и коммерческія, не были еще прочны и перемѣшивались съ оскорбительными для Москвы дѣйствіями Казани. Вслѣдствіе умерщвленія русскихъ купцовъ на одной изъ ярмарокъ на Арскомъ полѣ, по распоряженію казанскаго хана, Махметъ-Аминя, въ концѣ царствованія Іоанна III, Василій Іоанновичъ воспретилъ московскимъ купцамъ торговать въ Казани и учредилъ въ 1524 году ярмарку въ крайнемъ граничномъ восточномъ пунктѣ Московскаго государства, на Волгѣ же, въ Васильсурскѣ, куда онъ думалъ перетянуть Арскую ярмарку изъ-подъ владычества Татаръ. Этотъ періодъ въ исторіи нашей ярмарки самый темный; сколько можно судить по существующимъ историческимъ извѣстіямъ, ярмарка слабо принялась въ Васильсурскѣ и все еще продолжалась въ Казани, когда, наконецъ, съ покореніемъ ея, восточный ярмарочный торгъ перешелъ мало-помалу съ Арскаго поля къ окрестностямъ Макарьевскаго монастыря.

Съ переходомъ ярмарки * къ Макарьевскому Желтоводскому монастырю, на лѣвомъ или луговомъ берегу Волги, въ 80 верстахъ ниже Нижняго, насупротивъ знаменитаго села *Лыскова*, начинается для нея новый періодъ.

Желтоводскій монастырь (при урочищѣ Желтыя воды)

---

* Для этого періода Макарьевской ярмарки должно въ особенности указать на статьи П. И. Мельникова, которыми мы отчасти и пользовались: „Исторія Нижегородской ярмарки“ (см прибавл къ *Нижегородскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* 1845 г.).

былъ построенъ въ первой половинѣ XV столѣтія, Св. Макаріемъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода и инокомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Макарій прославился своею иноческою жизнію и миссіонерскою дѣятельностью посреди инородческаго народонаселенія, которое онъ здѣсь обращалъ въ христіанство. Этотъ монастырь, на самомъ пути какъ торговаго движенія по Волгѣ, такъ и завоевательныхъ движеній Русскихъ противъ инородцевъ, былъ посѣщаемъ многочисленными поклонниками, и здѣсь, какъ всюду у насъ, въ мѣстѣ связанномъ съ религіозными вѣрованіями, преданіями и церковными обрядами народа, торговля нашла благопріятныя для себя условія.

Вскорѣ, однако, послѣ своего основанія (1439), Желтоводскій монастырь былъ разрушенъ казанскимъ ханомъ, Улу-Махметомъ. Самъ Св. Макарій съ своими учениками удалился послѣ этого погрома на Унжу, въ Костромской губерніи, гдѣ и скончался (въ 1504 г.). Но память о Св. Макаріи и по уничтоженіи монастыря не прекласъ въ окрестномъ народонаселеніи. Въ 1624 г., при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, муромскій инокъ, Авраамій, возобновилъ Желтоводскій или Макарьевскій монастырь и перенесъ туда съ Унжи чтимую народомъ икону съ изображеніемъ Св. Макарія, и затѣмъ, 25-го іюля, день кончины Св. Макарія, дѣлается днемъ огромнаго стеченія поклонниковъ и днемъ ярмарки, которая, подъ наименованіемъ *Макарьевской*, уже дѣлается окончательно правильною ежегодною ярмаркой и безостановочно усиливается. Съ этого времени (1624 г.) начинается положительная и достовѣрная исторія Макарьевской ярмарки, и 1624 г. почитается многими * настоящимъ годомъ ея основанія. Все значеніе казанскаго торга на Арскомъ полѣ перешло на Макарьевскую ярмарку; Казань и Москва сдѣлались ея самыми дѣятельными участниками. Съ покореніемъ Сибири и съ развитіемъ коммерческихъ связей Москвы съ сибирскими городами, а чрезъ Сибирь съ Китаемъ, присоединяется къ Макарьевской ярмаркѣ новый важный ея элементъ—сибирскій и китайскій торгъ, весьма дѣятельный на ней и доселѣ.

Всѣ пошлинные доходы отъ ярмарки отданы были царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ монастырю на свѣчи, ладанъ и

---

* Таково мнѣніе г. Мельникова (см. вышеприведенныя его статьи стр. 341).

церковное строеніе, и братіи на пропитаніе. Вся ярмарочная администрація и даже полиція были сосредоточены въ лицѣ архимандрита. Всѣ ярмарочныя помѣщенія были монастырскія. Монастырскія привилегіи по сбору доходовъ съ ярмарки, которыя то были отбираемы отъ монастыря въ казну, то вновь ему возвращаемы, были окончательно уничтожены только Петромъ Великимъ; по его же повелѣнію ярмарка была передана въ распоряженіе коммерцъ-коллегіи (1718 г.), которая командировала въ 1719 г. ассессора Мякинина, для описанія ярмарки. Любопытныя послѣдствія этого перваго изслѣдованія ярмарки неизвѣстны. Въ 1755 году были построены первые казенные деревянные балаганы на Макарьевской ярмаркѣ, и доходъ отъ раздачи въ нихъ лавокъ сталъ поступать въ казну. Въ 1809 г. былъ уже открытъ казенный каменный гостиный дворъ, сооруженіе котораго начато было въ 1804 г., по докладу министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея. *

Мѣсто ярмарки, на зыблющихся пескахъ (по выраженію канцлера Румянцева) лѣваго берега Волги, подлѣ монастыря, постепенно превратившееся въ незначительный городъ, сдѣлалось съ развитіемъ ярмарки не совсѣмъ удобно для перевозки и склада товаровъ и для помѣщенія многочисленныхъ посѣтителей, и уже давно родилась мысль о переводѣ ярмарки на правый берегъ (въ Лысково), откуда, болѣе чѣмъ съ лѣваго берега, стекаются товары къ Макарьевскому торгу. При разлитіи Волги вся ярмарка на низкомъ лѣвомъ берегу затоплялась водой; послѣ высыханія, перевозка товаровъ по глубокимъ пескамъ была весьма затруднительна; много товаровъ оставалось на правомъ берегу Волги, въ Лысковѣ, откуда сообщеніе съ лѣвымъ было нелегко. Въ 1816 году, когда пожаръ уничтожилъ казенный гостиный дворъ, ярмарка была переведена, согласно мнѣнію графа Румянцева, въ Нижній-Новгородъ, который уже издавна (съ половины XVI вѣка) славился своимъ коммерческимъ значеніемъ, служилъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для Волги и всего востока, и гдѣ при устьѣ Оки представлялось столько благопріятныхъ географическихъ условій. ** Нижній-

---

* См. „Матеріялы для исторіи Нижегородской ярмарки", въ *Нижегородскомъ ярмарочномъ листкѣ* №№ 30, 31 и 33.

** См. Костомаровъ *Очеркъ торговли Московскаго государ.* въ XVI и XVII ст., стр. 101.

Новгородъ былъ уже давно, по своимъ торговымъ оборотамъ и по судоходству, въ тѣсной связи съ Макарьевскимъ торгомъ; притомъ онъ ближе чѣмъ Макарьевъ къ Москвѣ. Эта бо́льшая близость къ Москвѣ, болѣе и болѣе дѣлающейся распорядительницей и хозяйкой на Макарьевской ярмаркѣ, была однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, указанныхъ правительствомъ при переводѣ ярмарки.

Распланировка ярмарки подъ Нижнимъ и сооруженіе огромнаго казеннаго гостинаго двора поручены были извѣстному строителю нашему, генералу Бетанкуру. * Этотъ знаменитый гостиный дворъ сдѣлался въ послѣдствіи яблокомъ раздора, продолжающагося до сихъ поръ, и отчасти уже былъ предметомъ сужденій въ печати. ** Бетанкуровскія замѣчательныя сооруженія стали приходить въ упадокъ и настоятельно требовать исправленій; были исчислены огромныя (свыше милліона) суммы денегъ, необходимыя для кореннаго ремонта, а купечество, чрезвычайно недовольное нынѣшнимъ содержаніемъ казенныхъ ярмарочныхъ помѣщеній, заявило готовность избавить казну отъ этого расхода, съ тѣмъ чтобы весь казенный гостиный дворъ былъ проданъ въ его собственность. Дѣло, кажется, весьма простое, и для казны очевидно выгодно продать это имущество, противное всѣмъ современнымъ понятіямъ о государственномъ хозяйствѣ, за денежный капиталъ, который ей предлагаютъ, и который своими процентами обезпечитъ, лучше чѣмъ невыгодное казенное хозяйство, доходъ получаемый отъ найма лавокъ. Но что̀ выгодно для казны, то не всегда выгодно для разныхъ интересовъ связанныхъ съ казеннымъ дѣломъ; вотъ причина почему такое дѣло нерѣдко является на глаза самого правительства такъ замаскированнымъ различными соображеніями, которыя вызваны этими интересами и способны ввести въ заблужденіе и вовсе незаинтересованныхъ людей,— что очевидно-выгодное дѣло получаетъ нерѣдко характеръ убыточнаго. Кромѣ, впрочемъ, финансовой стороны и многія другія причины заставляютъ желать скорѣйшей продажи

---

* См объ этомъ подробнѣе въ *Современной Лѣтописи* 1864 г. № 36, статью г. Пановскаго: „Десять дней на Нижегородской ярмаркѣ "

** См. *Совр Лѣт.* 1864 № 36 г, статью г. Пановскаго, „*Торговый Сборникъ* 1864 г № 22 "

казеннаго ярмарочнаго гостинаго двора въ собственность торгующаго на ярмаркѣ купечества. Мы сочли необходимымъ безотлагательно заявить это, въ виду противоположныхъ мнѣній, отчасти уже высказавшихся въ печати; мы предоставляемъ себѣ ближе разсмотрѣть это дѣло въ послѣдствіи, и коснулись его здѣсь только мимоходомъ, отступивъ нѣсколько отъ нити нашего изложенія.

Такъ этотъ знаменитый Макарьевскій торгъ, возникшій за окраинами Русскаго государства, на перепутьи между Азіей и Европой, постепенно, но неуклонно, въ теченіе вѣковъ передвигался съ востока на западъ и приближался къ Москвѣ, которая уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ, собравъ и подчинивъ Русской державѣ всѣ земли и племена необъятной сѣверо-восточной равнины, сдѣлалась также и коммерческимъ ея центромъ уже въ этихъ столѣтіяхъ „торговля всей Россіи управлялась Москвой; Москва давала ей вѣсъ, мѣру, монету, направленіе.“ * Нельзя не замѣтить также, что совокупно съ движеніемъ отъ востока къ западу срокъ Макарьевской ярмарки начинается все позже, и это передвиженіе продолжалось даже въ самое послѣднее время, такъ что съ 1864 г. даже офиціяльное окончаніе ярмарки назначено вмѣсто 25-го августа на 10-е сентября.

Мы не можемъ и не имѣемъ намѣренія излагать здѣсь исторію Макарьевской ярмарки; ея исторія какъ и статистика, строго говоря, до сихъ поръ еще не существуютъ. ** Но нашъ историческій очеркъ, кажется, достаточно выясняетъ тѣсную связь развитія Нижегородской ярмарки съ важнѣйшими событіями въ исторіи Русскаго государства и народа: съ колонизаціей Славянъ по всему теченію Волги на сѣверъ и сѣверо-востокъ, съ постепеннымъ поглощеніемъ ими всѣхъ раз-

---

* Костомаровъ. *Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.* С.-Петерб. 1862 г., стр. 84.

** Кромѣ источниковъ вышеупомянутыхъ, отрывочныя историческія свѣдѣнія о Макарьевской ярмаркѣ можно найдти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Гурьянова. *Историческое Обозрѣніе Нижняго-Новгорода* 1824. Зубова. *Описаніе Нижегородской ярмарки.* С.-Петерб. 1837 г. Кандидата коммерціи А. И. *Обозрѣніе торговли на Нижегородской ярмаркѣ съ 1821 по 1843 г.* Москва, 1843 г. Впрочемъ, мы приводимъ всѣ эти сочиненія, мало заслуживающія вниманія, только для полноты библіографическихъ указаній.

нообразныхъ инородческихъ племенъ, финскихъ и азіятскихъ, занимавшихъ бассейнъ Волги и служившихъ первоначальными двигателями (Болгары) и посредниками торговли на этомъ бассейнѣ; связь исторіи ярмарки съ борьбой противъ Монголовъ, съ проповѣданіемъ Евангелія и водвореніемъ европейскаго просвѣщенія на этихъ окраинныхъ сѣверо-восточныхъ пространствахъ Европы, наконецъ, съ собираніемъ Русской земли около Московскаго государства. Можно ли послѣ этого удивляться тому глубоко-историческому, народному характеру, который имѣетъ это торжище въ понятіяхъ и преданіяхъ русскаго народа? Самая же замѣчательная черта въ историческомъ развитіи этой ярмарки, неразрывно связующая ее съ исторіей Россіи, есть это постепенное, въ теченіе вѣковъ, съ первоначальныхъ временъ Русскаго государства и донынѣ, передвиженіе ея вверхъ противъ теченія Волги, съ востока на западъ. Въ этомъ передвиженіи такъ мало случайнаго, оно такъ сильно запечатлѣно внутреннимъ смысломъ всей нашей исторіи, что на немъ нельзя не остановиться.

Очевидно, что согласно теченію водъ Волги и направленію всѣхъ главныхъ ея притоковъ (кромѣ Камы) всѣ *чисто-географическія* или физическія условія влекутъ этотъ необъятный Волжскій бассейнъ къ востоку, въ глубину Азіи, откуда нѣтъ никакого естественнаго исхода къ мореходнымъ путямъ, къ этимъ могущественнѣйшимъ проводникамъ всемірной торговли и всемірной цивилизаціи. Нѣкоторое и единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Кама, съ своимъ теченіемъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Этотъ характеръ Камскаго бассейна едва ли и не послужилъ первымъ благопріятнымъ естественнымъ условіемъ, первымъ исходнымъ пунктомъ для тѣхъ иныхъ, противоположныхъ и противоазіятскихъ тяготѣній цивилизаціи и торговли, которыя издавна обнаружились на этихъ крайнихъ порубежныхъ пространствахъ Европы на востокѣ, и которыя, въ противоположность къ чисто-географическимъ тяготѣніямъ Волжскаго бассейна, стали медленно, но неуклонно привлекать его къ западу,—туда, гдѣ сосредоточились въ нашей части свѣта всемірная торговля и просвѣщеніе. Близкое соприкосновеніе Камскаго бассейна съ сѣвернымъ—Двинскимъ открывало для волжской торговли нѣкоторый доступъ ко всемірнымъ переходнымъ путямъ. Дѣйствительно, устье

Камы, составляющее настоящее средоточіе Волжскаго бассейна, безъ всякаго отношенія къ южнымъ и западнымъ краямъ и бассейнамъ Россіи,—устье Камы дѣлается съ давнихъ временъ центромъ торговли Волги и восточной Россіи.

Все внутреннее и внѣшнее развитіе Московскаго государства заключалось въ приближеніи къ западному образованному и политическому міру; расширяясь къ востоку, собирая и перерабатывая его земли, народы и языки, и сплавливая, претворяя всѣ народности въ одну общую для всѣхъ славянскихъ племенъ народность, *русскую*, наше государство постепенно придвигало всѣ эти восточные географическіе и историческіе элементы къ западу, куда оно всячески пробивало себѣ пути, поборая духомъ и мечомъ физико-географическія влеченія всѣхъ этихъ элементовъ, земель и народовъ къ востоку. Вся исторія Волжскаго бассейна заключается въ этомъ всемірно-историческомъ процессѣ, постепенно обратившемъ движеніе всего волжскаго судоходства отъ устья къ истокамъ.

Первымъ всемірнымъ мореходнымъ путемъ, послѣ покинутаго Сѣвернаго океана, открывшимся для Россіи, было Балтійское море, куда съ такою силой передвинулся государственный центръ и устремилась вся внѣшняя наша торговля, въ которой даже до сихъ поръ преобладаютъ балтійскіе порты. До пріобрѣтенія балтійскихъ портовъ и до пріобрѣтенія вслѣдъ за ними прибрежій Чернаго и Азовскаго морей, въ нашей иностранной торговлѣ, обусловливающей собою и направленіе внутренней, преобладала сухопутная западная граница наша, также постепенно подвигавшаяся на западъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, очевидно, и была такъ тѣсно связана въ то время Макарьевская ярмарка съ Свенскою (близь Брянска) и Коренною, упавшими послѣ пріобрѣтенія балтійскаго и черноморскаго поморій. Нынѣ эти югозападныя связи Макарьевской ярмарки съ Украйной ослабли: важнѣйшія ея иностранныя связи направлены къ Москвѣ и Петербургу, къ которымъ она еще усиленно приближена, сверхъ водяныхъ путей, желѣзными дорогами. Такъ постепенно приближался главный центръ всей нашей внутренней торговли и торговли съ Азіей къ западу, изъ Болгаръ перешелъ въ Казань, потомъ въ Василь-Сурскъ, Макарьевъ, и наконецъ, въ Нижній-Новгородъ, въ этотъ самый западный и раньше всѣхъ усвоенный западу и Европѣ центръ нашего востока, въ

это важнѣйшее западное средоточіе Волжской системы, въ Окскій, то-есть важнѣйшій западный бассейнъ ея, въ этотъ срединный пунктъ для всѣхъ рѣчныхъ бассейновъ Россіи, для всей водяной ея системы, которая до сихъ поръ преобладаетъ въ нашихъ путяхъ сообщенія и въ нашей торговлѣ, и въ которой Волга, съ своими каналами, составляетъ главную артерію, соединяющую Каспійское море съ Балтійскимъ. Географическое значеніе этого пункта уже было нами указано выше. Желѣзныя дороги пока только усилили это значеніе; въ послѣдствіи мы увидимъ въ какой степени измѣненіе обстоятельствъ можетъ измѣнить и значеніе нынѣшняго географическаго пункта Нижегородской ярмарки.

II.

Мы вовсе не имѣемъ претензіи представить читателямъ сколько-нибудь полное *описаніе* Нижегородской ярмарки. Еслибы мы даже и хотѣли, мы не были бы въ состояніи сдѣлать ничего болѣе *очерковъ*, ибо для сколько-нибудь исчерпывающаго описанія не только всего этого торжища, но даже важнѣйшихъ его отраслей, мы рѣшительно не имѣемъ достаточнаго количества данныхъ. Мы разумѣемъ здѣсь данныя, собранныя на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ помощію собственныхъ наблюденій. Какъ ни многочисленны данныя, собранныя нами, благодаря радушному содѣйствію со стороны многихъ торгующихъ лицъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, * проведеннаго нами на ярмаркѣ 1864 года, когда всѣ дни, можно сказать, почти всѣ часы наши были посвящены исключительно этому торжищу, предварительное знакомство съ которымъ мы уже имѣли, посѣтивъ его въ 1860 г.,—какъ ни многочисленны эти данныя, мы спѣшимъ, для предупрежденія всякихъ упрековъ, напередъ заявить, что считаемъ ихъ недостаточными для полнаго описанія ярмарки или даже главнѣйшихъ отраслей ея торговли. Мы признаемъ запасъ нашихъ данныхъ недостаточнымъ, ибо всячески старались избѣгнуть данныхъ, которыя извѣстны лишь изъ вторыхъ рукъ **

---

* Со 2-го августа по 3-е сентября.

** Иногда мы должны были пользоваться и чужими данными, и вообще старались имѣть въ виду всѣ безъ изъятія опубликованныя о ярмаркѣ свѣдѣнія. Ниже будутъ сдѣланы указанія на нѣкоторые источники.

(въ особенности офиціяльныхъ), и которыя, конечно, можно было бы выдвинуть въ длинныхъ колоннахъ, въ качествѣ обширнаго статистическаго описанія Нижегородской ярмарки. Наши офиціяльныя статистическія свѣдѣнія о ярмаркахъ, хотя нѣсколько, сравнительно, болѣе совершенныя относительно Нижегородской ярмарки чѣмъ относительно другихъ ярмарокъ, * никакъ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ всякаго безпристрастнаго неофиціяльнаго изслѣдователя. Наша цѣль, впрочемъ, вовсе и не заключалась въ статистическомъ изслѣдованіи Нижегородской ярмарки. Для этой цѣли были бы далеко недостаточны усилія одного лица: Нижегородская ярмарка находится въ такой связи со всею нашею торговлей, со всѣмъ нашимъ фабричнымъ производствомъ, не исключая и крестьянскаго, что полное изслѣдованіе ея повело бы къ изученію всего нашего торговаго движенія и всѣхъ важнѣйшихъ коммерческихъ путей, по которымъ слѣдуютъ главнѣйшіе потребляемые и производимые у насъ товары, наконецъ, къ изученію источниковъ и условій ихъ производства и потребленія. Такое изслѣдованіе могло бы служить лучшею точкой отправленія для промышленной и коммерческой статистики Россіи.

Но полное статистическое изслѣдованіе Нижегородской ярмарки было бы возможно лишь при дружныхъ и совокупныхъ усиліяхъ правительства и самого торгующаго на ярмаркѣ купечества. Этого даже мало: необходимо чтобы купечество само сознало пользу такого предпріятія и стало во главѣ его, передавъ исполненіе одному изъ нашихъ ученыхъ обществъ и снабдивъ его для этого нужными денежными средствами. Чисто-практическая польза такого дѣла для самихъ торгующихъ на ярмаркѣ лицъ несомнѣнна; точно также мы не сомнѣваемся и въ томъ, что она будетъ ими сознана, а до тѣхъ поръ лучше отложить всякое помышленіе о статистикѣ Нижегородской ярмарки. Вызывать это сознаніе искусственно,

* На Нижегородской ярмаркѣ обычныя статистическія свѣдѣнія (представляемыя начальниками губерній министерству внутреннихъ дѣлъ) собираются чрезъ маклера, который, благодаря своей многолѣтней опытности и коммерческимъ связямъ, гораздо лучше чиновниковъ и полиціи можетъ провѣрить сообщаемыя ему отъ торгующихъ цифры. Однако и эти данныя заключаютъ въ себѣ слишкомъ много ошибочнаго, чтобы можно было положиться на выводы, дѣлаемые на ихъ основаніи.

офиціяльными приказаніями, хотя бы они и были замаскированы формой предложенія и сопровождались одобрительными тостами за здравіе купечества, — только испортило бы дѣло. Польза его такъ очевидна, что не можетъ остаться не сознанною, и даже въ близкомъ будущемъ. Не можемъ не припомнить здѣсь одной встрѣчи на ярмарочномъ самокатѣ, куда не разъ придется намъ обращаться за наблюденіями и даже данными для Нижегородской ярмарки: одинъ простой работникъ (землекопъ) примѣтилъ насъ въ пестрой толпѣ, среди которой мы слишкомъ отличались нашею одеждой, и неотступно просилъ сообщить ему, какія предполагаются работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и въ особенности по южной линіи, какія проектируются новыя линіи и т. д. Между нами завязалась бесѣда на нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ мы должны были изложить нашему собесѣднику всѣ виды, обстоятельства и экономическія условія сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Онъ разспрашивалъ насъ съ самымъ жаднымъ любопытствомъ и въ оправданіе своихъ вопросовъ замѣтилъ, что до рабочихъ газеты не доходятъ, и дальше своей артели они ничего не знаютъ, а нынче чтобы добыть себѣ выгодный кусокъ хлѣба, надо рабочему знать не только гдѣ какая есть работа, а какая можетъ быть и будетъ, и не только въ своей губерніи, а во всей *Россеѣ*, какіе въ разныхъ мѣстахъ есть заработки, какіе могутъ быть, на какія условія соглашаться, чего обождать, и прочее. Однимъ словомъ, нашъ собесѣдникъ сообразилъ, что нынче безъ статистическихъ и, пожалуй, даже политическихъ свѣдѣній не получишь себѣ много пользы. Онъ тутъ же записалъ въ своемъ бумажникѣ всѣ сообщенныя нами данныя. Не могутъ не сознать практической пользы статистики и сами *хозяева*, или купечество и фабриканты. Такого сознанія, казалось бы, можно было ожидать отъ купечества, когда оно, даже независимо отъ всякой практической для себя надобности, соревнуя успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія, дѣлало иногда значительныя пожертвованія на совершенно для него ненужныя географическія экспедиціи въ глубину Азіи или на столько же ему чуждыя учебныя заведенія, въ которыхъ притомъ въ ученикахъ тщательно воспитывалось чувство презрѣнія не только къ торговому, но и ко всякому дѣлу, и возбуждались стремленія къ разрѣшенію высшихъ задачъ

просвѣтленія человѣческаго рода, посредствомъ химическаго анализа фосфорныхъ соединеній въ мозгахъ, и т. п. Мысль * о необходимости точной статистики Нижегородской ярмарки не можетъ не возникнуть въ средѣ купечества, при нынѣшнемъ рѣшительномъ умственномъ пробужденіи нашего торговаго класса, и напрашивается въ виду поразительныхъ фактовъ незнанія ярмарки, какіе встрѣчаешь на каждомъ шагу въ средѣ самихъ торговцевъ.

Достаточно сказать, что не только торговцы по одной отрасли товаровъ не имѣютъ (исключая развѣ особыхъ случаевъ) никогда свѣдѣній о ходѣ дѣлъ по другой отрасли, но даже въ одномъ ряду трудно, а иногда и невозможно, узнать какъ пройдти въ другой рядъ, хотя бы онъ былъ подлѣ перваго. Это обстоятельство сперва насъ озадачивало, но въ послѣдствіи мы такъ къ нему привыкли, что никогда и не обращались за мѣстными географическими свѣдѣніями къ служителямъ, стоящимъ передъ каждою ярмарочною лавкой несмотря на то что иногда приходилось на одной квадратной верстѣ блуждать около часу, чтобъ отыскать какую-нибудь лавку, *палатку* или *кладовую* ** (какъ по старинному обычаю называютъ лавки и магазины). Очень можетъ быть, что къ этому невѣдѣнію примѣшивается, какъ намъ объясняли, и значительная доля нехотѣнія отвѣчать, основаннаго на вкоренившемся убѣжденіи, что всякое раскрытіе истины о торговлѣ вредно для ея интересовъ, а тѣмъ болѣе сообщеніе свѣдѣній о чужой лавкѣ, могущее служить къ усиленію невыгодъ конкурренціи: можетъ-быть категорія лавоч-

---

* Сколько намъ извѣстно, уже сдѣлано, со стороны одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ фабрикантовъ и главнѣйшихъ участниковъ Нижегородскаго торга, предложеніе нѣсколько подобное высказанному нами. Но это предложеніе—предпринять на способы купечества изданіе исторіи ярмарки, — по нашимъ понятіямъ, далеко отстоитъ отъ главной насущной потребности въ статистическомъ и экономическомъ ея изслѣдованіи. Жертвуя на удовлетвореніе этой потребности, купечество дѣйствовало бы съ ясно сознанною для него самого цѣлію, и независимо отъ денежнаго содѣйствія, могло бы даже само принять дѣятельное участіе въ ея достиженіи.

** Палатками зовутъ большею частію мѣста розничной продажи, а *кладовыми* и *амбарами* — лавки съ гуртовою продажей и также лавки весьма часто занимаемыя (особенно московскими купцами) единственно для разчетовъ и имѣющія характеръ конторъ.

ныхъ служителей, *молодцевъ*,* стоящихъ фронтомъ передъ лавками, дѣйствительно заражена, еще по преданію отцевъ, страхомъ этого предразсудка, хотя новое поколѣніе ихъ хозяевъ, къ чести современной нашей торговли, положительно отказалась отъ подобныхъ грубыхъ воззрѣній на свое дѣло. Впрочемъ, другая высшая категорія служителей (собственно *прикащики* и *довѣренные*), сидящихъ внутри лавокъ и составляющихъ самый передовой классъ ярмарочнаго люда, заправляющій всѣмъ ходомъ ярмарки, весьма радушно дѣлится обширными коммерческими свѣдѣніями, которыми этотъ классъ обладаетъ, и которыя онъ даже иногда самъ не прочь пустить въ *Вѣдомости*, читаемыя здѣсь почти исключительно прикащиками. Укажемъ еще на одинъ фактъ, доказывающій не менѣе рѣзко какъ и предыдущій безызвѣстность ярмарки для самихъ ея участниковъ часто вся группа торговцевъ одной отрасли не знаетъ ничего о новомъ товарѣ въ первый разъ появившемся на ярмаркѣ, даже въ этой самой отрасли Такъ намъ первымъ случилось показать многимъ ситцевымъ фабрикантамъ новый, весьма замѣчательный, возбудившій общее любопытство товаръ одного изъ нихъ (Ивановскаго фабриканта Я. И. Горелина)—*набивное полотно* или прежнюю нашу выбойку, но только механически отпечатанную. Въ послѣдствіи, когда мы познакомились въ ярмарочномъ мірѣ, намъ приходилось безпрестанно сообщать купцамъ о ходѣ дѣлъ на ярмаркѣ, даже по собственной ихъ части; и это весьма натурально каждый занятъ своею торговлей и не имѣетъ никакой возможности не только слѣдить за всею ярмаркой, но даже обнять обороты своего собственнаго торга, который онъ знаетъ только въ своемъ углѣ, и который представляется ему лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у него *внизу*, * за его собственнымъ

* Не можемъ здѣсь не замѣтить удивительной и отвратительной привычки стоящихъ въ рядахъ *молодцевъ* зазывать публику въ свои лавки. Казалось бы, это привычка несовмѣстима съ гуртовыми, а иногда и милліонными оборотами въ лавкахъ, имѣющихъ по большей части свой кругъ покупателей и свою публику и пользующихся всеобщею, часто всероссійскою извѣстностью.

** Надъ каждою ярмарочною лавкой въ рядахъ расположены комнаты, въ которыхъ живутъ купцы съ своими служителями. Надо замѣтить, что свита послѣднихъ такъ велика, что мы знаемъ нѣкоторыхъ значительныхъ Москвичей, пріѣзжающихъ на ярмарку съ 30 человѣками прикащиковъ и всякихъ молодцевъ.

прилавкомъ, и потому часто въ весьма фальшивомъ видѣ. Этимъ объясняется между прочимъ и невѣрность извѣстій объ ярмаркѣ, сообщаемыхъ не только въ газетахъ, но и самими торговцами, поневолѣ судящими о ней по своимъ личнымъ, нерѣдко исключительнымъ впечатлѣніямъ.

Каждая отрасль товаровъ составляетъ особый міръ, съ своими интересами, съ своими воззрѣніями и съ своими даже нравами и обычаями, чуждыми другимъ отраслямъ: то что̀ совершается въ Китайскомъ ряду находится отъ оборотовъ рыбнаго торга на Пескахъ (то-есть на баржахъ на Окѣ) на такомъ же разстояніи, какъ китайскія чайныя плантаціи отъ мѣсторожденія огромныхъ массъ астраханской рыбы, сюда привозимой, а не какъ не на разстояніи одной версты, какъ есть въ дѣйствительности. Въ то время какъ рыбные хозяева, не имѣющіе помѣщеній на мѣстѣ своей торговли и только наѣзжающіе сюда по утрамъ изъ города, ведутъ правильный городской образъ жизни, чуждый ярмаркѣ,—обитатели Китайскаго ряда поневолѣ преданы всѣмъ ея треволненіямъ. Между тѣмъ какъ эти Китайцы * (то-есть кяхтинскіе торговцы и московскіе чайные и другіе амбарщики, не вѣдающіе розничнаго торга), въ качествѣ высшей аристократіи Макарьевской ярмарки, обѣдаютъ не иначе какъ въ 5—6 часовъ, у фашіонебельнаго Никиты,—гдѣ собираются всѣ иностранцы (большею частію Нѣмцы и Петербуржцы) и обѣдаютъ не иначе какъ съ шампанскимъ и труфелями, хотя бы и безъ всякой неправославной скоромной приправы,—въ то же время бокъ-о-бокъ съ ними торгующіе, не менѣе первостатейные и не менѣе знатные хозяева стараго покроя (изъ какого-нибудь Пестрядиннаго или Пушнаго ряда) оканчиваютъ свою трапезу въ полдень, съ учащенными пріемами роднаго хлѣбнаго вина, безъ всякой виноградной примѣси, хотя бы и съ тѣми же пищеварительными результатами. Спросите у первыхъ что̀ дѣлается у вторыхъ, и если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь товарѣ не идущемъ въ Кяхту или идущемъ мимо рукъ представителей крупной торговли, также занимающихъ палатки въ аристократическомъ Китайскомъ ряду, то вы получите такой же отвѣтъ какъ еслибъ обратились съ тѣмъ же вопросомъ къ жителямъ Марселя или Нью-Йорка. Что̀ имѣютъ, напримѣръ, общаго

* Настоящихъ Китайцевъ не бываетъ на ярмаркѣ.

Армяне, торгующіе калмыцкими тулупами, Хивинцы и Бухарцы, торгующіе хлопкомъ, и т. д. съ неменѣе ихъ кореннымъ участникамъ Макарьевскаго торга—иностранцами, торгующими галантерейнымъ и всякимъ инымъ панскимъ или дворянскимъ товаромъ *въ Главномъ Домѣ* * и до тонкости изучившими la foire de Nijny. Эти послѣдніе, большею частію французскіе парикмахеры и всякаго рода мелочники, съѣзжаются изъ Петербурга и Москвы сбывать здѣсь, à l'interieur de la Russie, всѣ свои залежавшіеся остатки и всякій заморскій бракъ и хламъ, подъ титуломъ разныхъ вновь изобрѣтенныхъ рѣдкостей и диковинныхъ штукъ, въ родѣ говорящихъ куколъ, раковинъ, издающихъ при поднесеніи къ уху необыкновенные внутренніе звуки и т. п., вообще вещи и всякія пошлости (напримѣръ соблазнительныя картинки) никому не нужныя и по преданію сбываемыя à la noblesse Russe, тожь an die Russischen Herrschaften, которымъ будто бы, какъ увѣряютъ ярмарочные Французы, достаточно разказать всякій вздоръ, (il faut leur dire, voyez vous, des choses impossibles), чтобъ они заплатили баснословныя деньги за всякую дрянь не идущую съ рукъ въ Петербургѣ. Замѣтимъ кстати, что эти люди единодушно вопіютъ нынѣ противъ раззоренія россійскаго дворянства и никакъ не успѣваютъ сбывать тотъ же товаръ этимъ невѣжественнымъ бородачамъ, заступающимъ нынѣ, какъ они говорятъ, мѣсто дворянства въ Россійской имперіи à ce tiers-état ignorant et ces moujiks enrichis aux frais de leurs seigneurs. ** Что̀ имѣетъ общаго эта особая

---

* *Главный* ярмарочный *Домъ*, составляющій средоточіе въ планѣ всѣхъ ярмарочныхъ рядовъ и вмѣщающій въ себѣ настоящій базаръ всякихъ магазиновъ, прилавковъ и шкапчиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ квартиры для важнѣйшихъ ярмарочныхъ учрежденій и властей, въ томъ числѣ и генералъ-губернатора. Здѣсь цѣлый день торгъ, музыка, прогулка и мѣсто всеобщихъ rendez-vous, и здѣсь же рѣшаются всѣ административныя и политическія дѣла ярмарки.

** Любопытно видѣть разницу между нынѣшними покупщиками всѣхъ этихъ бездѣлушекъ и прежними: бывало накинется помѣщичье семейство на прилавокъ пріѣзжаго Француза и разомъ все захватитъ, не спрашивая о цѣнѣ; а разжирѣвшій купецъ послушаетъ музыку какой-нибудь табакерки съ секретомъ, раза три подойдетъ спросить о цѣнѣ, почешетъ затылокъ и кончитъ ничѣмъ; показываетъ Французъ *хозяйкамъ* перчатки, которыя, по его словамъ, въ Петербургѣ продаются по 15 руб. дюжина, и которыя онъ здѣсь

группа коренныхъ макарьевскихъ торговцевъ съ другими не менѣе коренными, каковы напримѣръ Ярославки, составляющія свой замѣчательный рядъ, гдѣ продается всякая ветошь, въ томъ числѣ, однако, и самыя драгоцѣнныя вещи, самые неподдѣльные и дорогіе бриллианты и жемчугъ, или эти безчисленные мелкіе торгаши-крестьяне, эти коробочники и офени, одна изъ важнѣйшихъ стихій Макарьевскаго торга, только-что проснувшаяся и выпорхнувшая изъ-подъ гнета крѣпостной зависимости?

Не легко отыскать внутреннія нити, связующія въ одно цѣлое всѣ эти разобщенныя между собою группы, эти отдѣльные торги, и можно сказать, цѣлыя отдѣльныя ярмарки, каковы хлѣбная, чайная, хлопчато-бумажная, пушная, рыбная, оптовая и розничная, иностранная и русская, азіятская и европейская, разыгрывающіяся здѣсь въ одинъ мѣсяцъ. Нужна длинная предварительная работа собиранія и разбора матеріяловъ и наблюденій, для того чтобы сдѣлалась ясною невидимая коммерческая связь оборотовъ, обнаруживающаяся между самыми отдаленными одна отъ другой составными частями ярмарки, между предметами и обстоятельствами не имѣющими между собою, повидимому, никакой связи, между среднеазіятскимъ хлопкомъ и льняными издѣліями Костромской и Владимірской губерній и шелковыми Москвы; между кавказскою мареной, тюленьимъ жиромъ, который идетъ на фабрики хлопчато-бумажныхъ издѣлій, и котораго спросъ зависитъ отъ усиленія производства послѣднихъ, * и американскимъ хлопкомъ; между польскимъ вопросомъ и цѣнами на сахаръ (съ 1862 г. стали меньше привозить сахару); между нижегородскими сундуками, идущими въ Азію, и движеніями въ Китаѣ, ослабившими спросъ на сундуки. Есть внутренній

уступаетъ по 5 руб. „Rien que pour le plaisir de vous parler“, прибавляетъ онъ. Но не вѣрятъ *хозяйки*, зная хорошо по опыту своихъ *хозяевъ*, что не торгуютъ же люди изъ одного удовольствія. Барыни, les grandes dames Russes, повѣрили бы, зная также по опыту своихъ супруговъ, что можно предпринимать безконечныя коммерческія операціи дѣйствительно изъ одного удовольствія. Къ тому же и не привыкли *хозяйки*, какъ ни богаты ихъ наряды, къ такому галантерейному обращенію, наводящему на нихъ сомнѣніе, хотя оно и плѣняетъ барынь.

* Такъ уже въ 1862 г американскій кризисъ уменьшилъ распродажу тюленьяго жира на Нижегородской ярмаркѣ.

экономическій смыслъ, объемлющій все движеніе ярмарки, на всѣхъ ея концахъ, есть общія явленія отзывающіяся на всемъ ея механизмѣ, какъ напримѣръ: свободный трудъ, замѣнившій крѣпостной трудъ прежняго работника и разомъ отозвавшійся и на металлахъ уральскихъ горныхъ заводовъ, и на всѣхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ, и на хлѣбѣ, — паденіе ассигнаціоннаго рубля и вексельныхъ курсовъ, или ослабленіе спроса на всѣ предметы роскоши, или недостаточность путей сообщенія, обусловливающая самое существованіе ярмарки; или, наконецъ, самыя коммерческія привычки русскаго купца, даже его чаепитіе и нескончаемые разговоры при сдѣлкахъ, его кредитный азартъ въ данную минуту и его необыкновенная осторожность въ другую.

Есть что-то общее посреди всего этого разнообразія и посреди всѣхъ этихъ противуположностей, но это общее можетъ раскрыться лишь по различеніи и сличеніи частностей; оно ни въ какомъ случаѣ не сознается даже самими участниками торга, въ той мѣрѣ чтобъ они въ состояніи были дать какой-нибудь готовый отвѣтъ на какіе-нибудь общіе вопросы. Есть общая связь всѣхъ оборотовъ и жизненныхъ отправленій ярмарки, но эта внутренняя связь не сознается участниками торга и всего менѣе замѣчается на самой ярмаркѣ, которая даже во внѣшней своей обстановкѣ не имѣетъ никакого средоточія и правильности. Послѣднее обстоятельство представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и характеристическихъ особенностей ярмарки. Симметрія *первоначальнаго*, утвержденнаго правительствомъ, плана ярмарки и казенныхъ ярмарочныхъ рядовъ, — единственная и притомъ чисто внѣшняя симметрія, какая здѣсь встрѣчается,—давно уже нарушена позднѣйшими пристройками и разростаніемъ ярмарки во всѣ стороны не только на сушѣ, но даже и на водѣ (торгуютъ на судахъ и на Окскихъ отмеляхъ, гдѣ возводятся временные балаганы). Недавно (почти съ 1863 г.) возникъ цѣлый огромный кварталъ съ каменнымъ гостинымъ дворомъ, такъ-называемая *Лубянка*,* за чертою первоначальной площади пред-

---

* Лубянкой и Лубянками стали называть эту часть въ воспоминаніе деревянныхъ балагановъ прежде здѣсь бывшихъ, называвшихся въ насмѣшку лубками. Здѣсь торгуютъ пушнымъ и хлопчатобумажнымъ товаромъ главнымъ образомъ для низшаго класса народа. Многіе купцы и фабриканты имѣютъ лавки и здѣсь и въ

назначенной для ярмарки, и уже превзошелъ размѣрами и отдѣлкою главную и центральную группу лавокъ—казенный гостиный дворъ, примыкающій къ Главному Дому. Не знаемъ какъ другимъ, а намъ пріятно видѣть это отсутствіе симметріи, доказывающее естественный ростъ, которому, къ счастію, не помѣшали ни административная распланировка, ни разнообразныя офиціяльныя регламентаціи, изданныя для ярмарки; слава Богу, администрація еще не убила здѣсь жизни, со всѣми ея прихотливыми обнаруженіями, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію бываетъ; и гдѣ только торговля и жизнь могли здѣсь избѣжать централизующихъ и опекающихъ предписаній ярмарочной конторы, онѣ распространились и распахнулись не вѣдая для себя никакихъ внѣшнихъ ограниченій и средоточій. Правильныя, уединоображенныя линіи рядовъ и ихъ категорическія названія. Пушной, Пестрядинный, Часовой, Сундучный, Напиточный, Китайскій, Кожаный, суть только наружные обманчивые признаки правильности. Весьма ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы исчерпать статистику сундуковъ въ Сундучномъ ряду, или въ Напиточномъ ряду занялся бы исключительно статистикой напитковъ. Какъ ни изумительны массы сундуковъ въ Сундучной линіи, однако не меньшія массы ихъ можно встрѣтить и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Въ Напиточныхъ рядахъ торгуютъ мыльнымъ товаромъ, но этотъ же товаръ встрѣчается и въ другихъ рядахъ, напримѣръ, въ Кожаномъ, Пушномъ, Пестрядинномъ, между косметическими лавками. Въ Пестрядинномъ ряду вовсе нѣтъ теперь пестряди, а въ Часовомъ хотя и пребываютъ часовщики, но рядомъ съ часовыми находятся мѣняльныя лавки, играющія здѣсь важную роль. Въ тѣхъ же краяхъ ярмарки, гдѣ прекращаются ряды и лавки, какъ напримѣръ, на Сибирской и другихъ пристаняхъ, прекращается даже и всякое наружное благоустройство· горы товаровъ сложены во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ и самыми ломаными проулками; тамъ и сямъ горы ободьевъ, мочалъ, азіятскаго хлопка, чайныхъ цибиковъ и т. д. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ внѣшнемъ безпорядкѣ есть внутренній порядокъ, есть притягательныя силы, сближающія одни товары съ другими, какъ напримѣръ, чай, сахаръ и кофе, или желѣзо и стекло, почти вездѣ въ Россіи соединяющіяся въ

то же время въ казенномъ гостиномъ дворѣ, такъ какъ покупатели въ томъ и другомъ мѣстѣ различные.

торговлѣ; есть экономическое сродство, соединяющее товары при ихъ производствѣ, перевозкѣ или потребленіи.

Трудно было бы сказать, гдѣ главное средоточіе ярмарки. одинъ торгъ приросталъ здѣсь къ другимъ или наросталъ на другихъ; это, скорѣе, нѣсколько громадныхъ ярмарокъ, идущихъ въ одно время и на одномъ мѣстѣ и не имѣющихъ никакого общаго средоточія. На каждой изъ нихъ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ концѣ всего ярмарочнаго пространства, можно подумать, не зная о другихъ, что вотъ находишься въ самомъ средоточіи, куда стекаются всѣ обороты ярмарки. Такое впечатлѣніе могутъ произвести порознь: и Главный Домъ, и площадь передъ въѣздомъ на мостъ съ ярмарки, кишащая рабочимъ народомъ, и площадка передъ мостомъ со стороны города, гдѣ прежде сидѣли на скамейкахъ купцы и составляли нѣчто въ родѣ биржи, и Сибирская пристань (вовсе, впрочемъ, не обращенная къ Сибири, а къ Европейской Россіи), и Напиточная линія.

Положительно можно двумъ коротко знакомымъ между собою людямъ прожить на ярмаркѣ отъ перваго и до послѣдняго дня, принимать непосредственное участіе въ ея дѣлахъ и увеселеніяхъ и ни разу не услышать о существованіи другъ друга, а услыхавъ не добиться встрѣчи, при самыхъ энергическихъ усиліяхъ. Крайнее усиліе въ этомъ отношеніи должно заключаться въ обращеніи за содѣйствіемъ къ высшей ярмарочной власти, которая одна можетъ, посредствомъ полиціи, и то съ грѣхомъ пополамъ, и лишь при самомъ непреодолимомъ желаніи, отыскать кого ей нужно. Единственными средоточіями, куда стекаются на Нижегородской ярмаркѣ люди всякаго рода и происхожденія, служатъ правительственныя учрежденія и увеселительныя заведенія. Надъ всѣми отношеніями къ правительственнымъ учрежденіямъ преобладаютъ личныя отношенія къ представителю высшей ярмарочной власти, у порога которой и разрѣшаются всякія недоумѣнія. Въ пріемной генералъ-губернатора толпятся, отыскивая высшей защиты и справедливости, послѣ тщетныхъ усилій на низшихъ ступеняхъ правосудія, и Бухарецъ, и Еврей, и великороссійскій старообрядецъ, и первостатейный московскій купецъ, и вязниковскій коробочникъ, и житель Тюмени, и житель Новочеркасска,—окидывая другъ друга взглядами, и не вступая, даже во время многочасовыхъ ожиданій, ни въ какія разговоры. Обычный, собственно дѣловой, результатъ этихъ

ожиданій, если очистить его отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, любезностей или неудовольствія, неизмѣнно тотъ же: передача ходатайства въ существующія учрежденія, — результатъ, впрочемъ, самый законный и естественный. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что при всей нашей вынужденной страсти къ ходатайствамъ, пріемная высшей власти постепенно рѣдѣетъ, ибо каждый мало-по-малу, наконецъ, убѣждается въ необходимости идти въ дѣлахъ законнымъ порядкомъ.

Что касается до другаго средоточія ярмарочной жизни — увеселительныхъ заведеній, то они до послѣдней крайности разрозненны и разобщены, распредѣлясь по группамъ и типамъ народонаселенія. Каждый знаетъ большею частію только свой трактиръ или свою харчевню, или, вѣрнѣе, только свою компанію, съ которою, смотря по надобности и обстоятельствамъ, располагается въ томъ или другомъ заведеніи. Въ этомъ заключается, между прочимъ, и важное затрудненіе въ отысканіи людей даже въ трактирахъ, гдѣ все-таки проводится бо́льшая и лучшая часть жизни на ярмаркѣ. Только веселье въ своемъ крайнемъ выраженіи централизовано въ двухъ или даже одномъ заведеніи, устроенныхъ на подобіе петербургскихъ танцовальныхъ вечеровъ и заимствованныхъ сѣверною столицей для просвѣщенія Россіи изъ западно-европейскаго Вавилона. Но значительнѣйшая часть ярмарочнаго народонаселенія не посѣщаетъ вовсе и этихъ двухъ единственныхъ средоточій жизни на Нижегородской ярмаркѣ, — ни пороговъ высшей власти, въ такъ-называемомъ Главномъ Домѣ, ни танцовальныхъ вечеровъ, слывущихъ здѣсь подъ названіемъ маскарадовъ или мушкарадовъ.

Водвореніе маскарадовъ въ обширной и прекрасной залѣ Главнаго Дома, предназначенной для собраній ярмарочнаго купечества и для офиціяльныхъ торжествъ, было весьма прогрессивнымъ шагомъ въ исторіи макарьевскихъ маскарадовъ, довольствовавшихся значительно болѣе скромными помѣщеніями; однако, несмотря на либерализмъ этой мѣры, несмотря на сгущеніе посредствомъ ея въ одномъ мѣстѣ всѣхъ принадлежностей ярмарочнаго веселья, съ прибавленіемъ моднаго удовольствія—лоттереи-аллегри; несмотря, наконецъ, на покровительство или, по крайней мѣрѣ, на весьма либеральное обращеніе съ маскарадомъ со стороны полиціи, какъ будто уничтожавшейся во время самыхъ отчаянныхъ проявленій канкана, мѣра эта не удалась: маскарадъ былъ весьма

малолюденъ, окончился скандаломъ, даже не случавшимся при менѣе торжественной обстановкѣ, и затѣмъ не повторялся. Онъ не сосредоточилъ публики въ Главномъ Домѣ, а скорѣе разогналъ ее, ибо маски и дебардеры буквально ворвались въ залу посреди засѣдавшаго тутъ собранія купечества, въ минуту произнесенія одной изъ энергическихъ рѣчей по вопросу, занимавшему всѣ умы,—о продажѣ казенныхъ лавокъ. Купечество послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ предсѣдателя биржеваго комитета воспрепятствовать на нѣсколько времени вторженію маскарада въ засѣданіе, вынуждено было, однако, покориться этому нашествію парижскаго мабиля посѣтившаго Макарьевскую ярмарку съ Сѣвера, и закрыть засѣданіе.... Такая же почти участь постигла и другія попытки къ соединенію публики (напримѣръ, обѣды, устроенные для *общенія* купечества съ пріѣзжими литераторами, весьма размножившимися на ярмаркѣ 1864 г.), хотя эти попытки и были относительно болѣе удачны. Но здѣсь приходится только повторить столь общеизвѣстную фразу: „какъ трудно соединять у насъ общество!“

Иная мѣра, уже гораздо болѣе серіозная, по крайней мѣрѣ въ своихъ преднамѣреніяхъ, чѣмъ описанныя, и исходившая изъ совершенно другаго источника также, кажется, не удалась. Почтенный предсѣдатель ярмарочнаго биржеваго комитета, воодушевленный самыми благими и просвѣщенными желаніями, возымѣлъ мысль сдѣлать это новое учрежденіе, вступившее въ силу лишь съ 1863 г., средоточіемъ для всего торгующаго купечества. Съ этою цѣлію зала биржеваго комитета снабжена была газетами, даже такими, которыя, вслѣдствіе своего вреднаго духа (свободы торговли въ нихъ проповѣдуемой), не покровительствовались биржевымъ комитетомъ; конечно, подлѣ нихъ разложены были, какъ противуядіе, изданія * пользовавшіяся особымъ покровительствомъ комитета, вслѣдствіе своего протекціонистскаго направленія. Входъ въ залу былъ свободно открытъ для публики съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера; рядскіе старосты (до 170 человѣкъ) приглашались разъ въ недѣлю въ эту залу въ видахъ

* Такъ петербургскій журналъ *Торговый Сборникъ* былъ въ особенности рекомендованъ биржевымъ комитетомъ для чтенія торгующимъ на ярмаркѣ лицамъ (см циркуляръ предсѣдателя комитета 24 іюля 1864 г. напечатанный въ *Ярмарочномъ листкѣ* № 8).

общенія и обмѣна мыслей; они же обязывались при этомъ представлять подробныя свѣдѣнія о ходѣ торговли, и между прочимъ даже о количествѣ товаровъ поступившихъ и проданныхъ въ каждой лавкѣ въ теченіе недѣли. * Однако, и всѣ эти благія намѣренія, воодушевившія главу учрежденія уже не только правительственнаго, но и общественнаго, каковъ биржевой комитетъ, не увѣнчались успѣхомъ: затѣянное собраніе данныхъ о ходѣ ярмарочной торговли изъ первыхъ рукъ не обогатило вовсе, сколько намъ извѣстно, отечественную статистику. Торгующіе продолжали видѣть и въ новыхъ требованіяхъ, хотя и исходившихъ отъ представителя власти ими самими поставленнаго, тѣ же искони имъ извѣстныя статистическія свѣдѣнія, сочиняемыя по требованію начальства. Зала биржеваго комитета оставалась пустою, и къ ея литературнымъ сокровищамъ прикасались лишь изрѣдка обычные посѣтители этого помѣщенія, просители и ходатаи по дѣламъ до биржеваго комитета касающимся. И самые циркуляры председателя биржеваго комитета, составленные съ жаромъ, заслуживавшимъ бо́льшаго успѣха, — циркуляры, въ своихъ частныхъ обращеніяхъ и возваніяхъ къ купечеству, ** гораздо болѣе проникнутыхъ духомъ литературы *** и педагогіи нежели какой бы то ни было офиціяльности,—нисколько однако не собрали купечества около биржеваго комитета, на который, несмотря на его либеральныя отношенія къ публикѣ, продолжали смотрѣть какъ на правительственное учрежденіе. Самыя газеты и то исключительно для извѣстій о сѣверо-американской борьбѣ и цѣнахъ на хлопокъ, читались въ лавкахъ прикащиками, этими услужливыми снабдителями своихъ хозяевъ всякаго рода извѣстіями. Изъ всего нами сказаннаго не должно однако заключать, чтобы мы не цѣнили добрыхъ намѣреній почтеннаго председателя биржеваго комитета, употребившаго всѣ свои усилія, чтобъ оправдать довѣріе

* См. любопытный печатный циркуляръ председателя биржеваго комитета 6 августа 1864 г.

** Любопытствующихъ обращаемъ къ *Ярмарочному листку*, гдѣ пропечатаны всѣ эти циркуляры и объявленія отъ председателя биржеваго комитета.

*** Въ нѣкоторыхъ циркулярахъ означались даже политико-экономическія начала (впрочемъ въ духѣ протекціонизма) и рекомендовались къ прочтенію разныя сочиненія.

многочисленнаго сословія его избравшаго и придать своей должности все то значеніе, какое она должна была бы имѣть подлѣ административныхъ и казенныхъ властей. Этого значенія мы отъ всей души ей желаемъ, хотя и знаемъ какъ трудно какому бы то ни было офиціяльному учрежденію сдѣлаться общественнымъ центромъ.

Будущему свободному развитію нашей общественной жизни предстоитъ создать въ нашемъ общественномъ быту тѣ средоточія и узлы, которыми до сихъ поръ былъ крѣпокъ только нашъ офиціяльно-государственный бытъ, и которые или совершенно заглохли, или же появлялись въ нашемъ общественномъ быту, загроможденномъ со всѣхъ сторонъ бытомъ казеннымъ. Но эти средоточія всего менѣе могутъ быть устроены чужою, хотя бы то и самою попечительною рукой; они могутъ выработаться только сами собою, изъ движенія элементовъ самой жизни, освобожденной отъ всякихъ внѣшнихъ и искусственныхъ преградъ; наконецъ, для нихъ нужно время, ибо кому неизвѣстно, до какой степени издавна запугано у насъ всякое образованіе какихъ бы то ни было общественныхъ узловъ.

Вопросъ объ учрежденіи *биржи* и *клуба* уже не разъ возникалъ на Нижегородской ярмаркѣ, и мы сами были свидѣтелями громкихъ объ этомъ заявленій со стороны разныхъ торговцевъ участвующихъ въ ярмаркѣ. * Нынѣшняя биржа исключительно наполняется хлѣбными и рыбными торговцами и почти не имѣетъ отношеній къ другимъ ярмарочнымъ оборотамъ. Никакъ нельзя сказать, чтобы сами торгующіе не чувствовали потребности въ биржѣ, замѣняемой нынѣ встрѣчами въ трактирахъ и въ разныхъ закоулкахъ, и нельзя сказать чтобъ они не замѣчали дикихъ явленій, происходящихъ отъ недостатка какого-либо средоточія для коммерческихъ оборотовъ. Укажемъ здѣсь на обращикъ этихъ явленій: цѣны, по которымъ состоялись сдѣлки, или вообще цѣны, которыя, что̀ называется, стоятъ на ярмаркѣ, составляютъ вообще тайну, которую каждый по своему старается узнать, и которая, безъ сомнѣнія, не можетъ оставаться тайною, но только узнается не во̀время и съ большими или меньшими промахами; понятно какія вред-

* Между прочимъ, мы припоминаемъ слова шуйскаго городскаго головы, г. Калужскаго, на обѣдѣ данномъ имъ шуйскому купечеству, принимающему большое участіе въ ярмаркѣ.

ныя послѣдствія для *правильной* торговли (а съ успѣхами правильной торговли связано,—что̀ бы ни говорили,—большинство личныхъ интересовъ торгующихъ) имѣетъ отсутствіе открытыхъ, гласныхъ биржевыхъ или ходячихъ цѣнъ на товары. Отсюда, между прочимъ, происходитъ поразительное явленіе, котораго мы сами были свидѣтелями: въ одной и той же линіи, въ одинъ и тотъ же часъ, тотъ же самый товаръ, фундаментальный, приводящій въ движеніе милліоны, продавался по разнымъ цѣнамъ. Понятна поэтому неурядица, отсюда происходящая.

Также точно не слѣдуетъ думать, чтобы купечество предпочитало для своихъ бесѣдъ грязные трактиры клубу; доказательствомъ можетъ служить развитіе Московскаго коммерческаго клуба. Но не вдругъ измѣняются привычки, сложившіяся вѣками, и во всякомъ случаѣ онѣ могутъ измѣниться лишь сами собой, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, хотя бы даже оно было столь же благонамѣренно какъ мѣропріятія одного извѣстнаго намъ просвѣщеннаго градоначальника, въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Дѣятельный начальникъ до того воодушевился благороднымъ негодованіемъ противъ испорченности нравовъ подвластныхъ ему гражданъ и желаніемъ водворить между ними начала благоустроеннаго общежитія, что на первыхъ же десяти дняхъ своего управленія запретилъ мущинамъ и женщинамъ ходить вмѣстѣ по улицамъ позже десяти часовъ вечера, подъ угрозой арестованія безъ разбора чиновъ и сословія, возбранилъ бабамъ ходить по улицамъ на босую ногу, запретилъ купаться въ Волгѣ и проч., и затѣмъ приказалъ, никого не спросясь, строить на счетъ города общественную купальню и воксалъ для публичныхъ увеселеній. Многіе, въ особенности изъ нашихъ передовыхъ администраторовъ, оплакивая медленные успѣхи просвѣщенія и общественной нравственности и недостатокъ въ этомъ отношеніи *самодѣятельности* въ нашемъ обществѣ, никакъ не хотятъ понять, что не говоря уже о положительныхъ внѣшнихъ преградахъ, отучившихъ публику въ теченіе вѣковъ отъ всякой самодѣятельности, самая начальническая заботливость на этомъ пути можетъ оказаться столь же вредною какъ и препятствія, ибо она водворяетъ, съ одной стороны, убѣжденіе, что все должно идти отъ начальства, а съ другой—способна внушить недовѣріе къ самому прогрессу, нерѣдко являясь въ такого рода прогрессивныхъ формахъ, ко-

торыя противорѣчатъ самому обыкновенному здравому смыслу практическихъ людей.

Такова, между прочимъ, и наша офиціяльная статистическая дѣятельность относительно ярмарокъ. Какъ ни желательно было бы имѣть вѣрныя до единицъ цифръ данныя о количествѣ каждаго товара, привезеннаго, проданнаго и оставшагося у каждаго торговца, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и понятіяхъ торговаго дѣла, не только у насъ, но и повсемѣстно въ Европѣ, мы рѣшительно отрицаемъ возможность даже приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній относительно этого предмета.

Количество товара, привезеннаго каждымъ купцомъ на ярмарку и имъ *непроданнаго*, составляетъ слишкомъ щекотливую сторону въ торговыхъ оборотахъ, чтобы можно было требовать отъ торговца по этому вопросу не только полной, но даже и приблизительной откровенности; точный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы въ большей части случаевъ полнымъ раскрытіемъ всего коммерческаго положенія торговца, а такое раскрытіе признается всюду, и не въ одной русской торговлѣ, рѣшительно невозможнымъ для торговаго дѣла; оно можетъ иногда нанести торговцу смертный ударъ. Только дѣла въ исключительныхъ обстоятельствахъ могутъ безвредно подвергаться подобному раскрытію. Между тѣмъ упомянутый вопросъ составляетъ главный элементъ нашей офиціяльной ярмарочной статистики. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были желательны точные отвѣты на подобные вопросы, ихъ невозможно задавать самимъ торговцамъ и ожидать чтобъ они сами поднимали на себя руки. Если же трудно ожидать отъ нихъ подобныхъ показаній о движеніи ихъ оборотовъ по окончаніи торга, то еще менѣе можно ихъ ожидать въ продолженіи торга, напримѣръ еженедѣльно; такія показанія, еслибъ они были откровенны, могли бы разстроить весь ходъ торговли, ибо нерѣдко та или другая цѣна на товаръ, та или другая сдѣлка, зависятъ единственно отъ бо́льшей или меньшей извѣстности запасовъ товара, существующихъ и ожидающихся на рынкѣ. Уже изъ этого обстоятельства можно видѣть какъ щекотлива коммерческая статистика: въ ней соприкасаются и переплетаются интересы публичные съ интересами частными и домашними, общеполезное изслѣдованіе общихъ вопросовъ, каковъ, напримѣръ, вопросъ о паденіи или развитіи Нижегородской ярмарки, смѣши-

вается съ изслѣдованіемъ вопросовъ чисто *личныхъ*, разборъ которыхъ нерѣдко можетъ повредить частнымъ интересамъ того или другаго торговца. Вотъ, кажется намъ, самая трудная сторона коммерческой статистики, слишкомъ пренебрегаемая въ нашихъ офиціяльныхъ статистическихъ пріемахъ. Что сказали бы мы, еслибы составители нравственной статистики, не ограничиваясь свѣдѣніями о преступленіяхъ и проступкахъ, сдѣлавшихся достояніемъ полиціи и уголовнаго суда, то-есть достояніемъ публичнымъ, задались бы собираніемъ своихъ данныхъ изъ жизни каждаго гражданина и стали бы вторгаться съ своими вопросами въ его частный и домашній бытъ, требовать отъ каждаго члена государства чистосердечной исповѣди о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ и его ближними и избѣжавшихъ преслѣдованія закона? Такое направленіе нравственной статистики было бы едва ли болѣе нелѣпо чѣмъ указанное нами направленіе коммерческой статистики, хотя, очевидно, нравственная статистика далеко не исчерпывается статистикой судебною и полицейскою. Нравственная статистика, ограничиваясь собираніемъ числовыхъ данныхъ въ предѣлахъ публичнаго разбирательства, старается, по возможности, пополнить эти данныя общими, наиболѣе крупными и характеристическими признаками нравственныхъ явленій страны, избѣгая всякаго обличенія какихъ-либо частныхъ и личныхъ обстоятельствъ. Также точно и задача коммерческой, въ томъ числѣ и ярмарочной статистики едва ли не заключается прежде всего въ выборѣ такихъ вопросовъ, относительно изслѣдуемыхъ ею явленій, и такихъ общихъ ихъ признаковъ, которые, по возможности, были бы отрѣшены отъ всякихъ личныхъ обстоятельствъ торгующихъ; конечно, при этомъ пришлось бы вовсе отказаться отъ многихъ числовыхъ данныхъ; но неужели эти данныя, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, могутъ быть для кого-нибудь обольстительны? Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобъ объяснить всеобщее недовѣріе, возбуждаемое нашими офиціяльными статистическими пріемами, не прибѣгая къ восклицаніямъ о невѣжествѣ купеческаго сословія, его свѣтобоязни и равнодушіи къ успѣхамъ просвѣщенія, о чемъ такъ часто слышимъ мы возгласы въ кругу офиціяльныхъ статистиковъ. Признаемся чистосердечно, что какою бы горечью для самихъ насъ ни сопровождались иногда наши изысканія, мы все-таки, размышляя безпристрастно, обязаны свидѣтель-

ствовать, что всѣ эти возгласы весьма несправедливы, что радушная помощь была намъ оказываема со стороны коммерческихъ людей, всякій разъ когда они приходили *къ убѣжденію въ искренности* нашихъ намѣреній, и когда имъ дѣлались положительно и несомнѣнно извѣстны наши цѣли и задачи. Такое убѣжденіе необходимо вездѣ и всегда, а въ особенности у насъ, гдѣ подъ покровомъ науки и именно статистическихъ изслѣдованій совершалось не мало злоупотребленій, которыя не могли не возбудить недовѣрія.

Мы не можемъ, однако, не упомянуть здѣсь, хотя мимоходомъ, о затрудненіяхъ, какія встрѣчаютъ со стороны купечества весьма размножившіеся нынѣ авторы газетныхъ статей о положеніи коммерческихъ дѣлъ,—о затрудненіяхъ также нерѣдко поставляемыхъ въ обвиненіе противъ купечества. Дѣйствительно, наши изысканія были всего болѣе затруднительны въ тѣхъ случаяхъ, когда насъ принимали за корреспондента какой-нибудь изъ столичныхъ газетъ. Положительно можно сказать, что эта категорія изслѣдователей внушаетъ нынѣ коммерческимъ людямъ даже болѣе недовѣрія и ненависти, чѣмъ другая совершенно ей противоположная — полицейская категорія. И этому нечего удивляться, и за это, конечно, всего менѣе можно винить купечество, какъ мы въ особенности убѣдились во время посѣщенія Нижегородской ярмарки. Если офиціяльная статистика по необходимости и безъ особыхъ намѣреній касается весьма щекотливыхъ для торговыхъ людей вопросовъ, и поневолѣ вторгается въ частныя дѣла, то наши газетныя корреспонденціи какъ будто исключительно посвятили себя обличенію коммерческой тайны и описанію частныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, не имѣющихъ инаго интереса кромѣ интереса празднаго любопытства и скандала. Бо́льшая часть статеекъ такого рода ничто иное какъ обличенія, и даже въ самыхъ невинныхъ изъ нихъ разказываются вещи совершенно чуждыя вопросу объ общемъ положеніи дѣлъ: сколько такой-то такому-то продалъ и по какой цѣнѣ, и сколько при этомъ получилъ барыша и т. д. Притомъ обличенія эти почти всегда основываются на ложныхъ слухахъ и сплетняхъ, какъ иначе и быть не можетъ. Представьте же себѣ удовольствіе видѣть себя пропечатаннымъ на весь міръ, да еще иной разъ съ самыми наглыми искаженіями и комментаріями; какое право имѣемъ мы требовать чтобъ обличенный занимался каждый разъ возраженіе-

ями и разъясненіями въ газетахъ, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла? Какъ же послѣ этого удивляться, что серіозные торговцы обращаются рѣшительно въ бѣгство отъ литераторовъ. Газетныя корреспонденціи, до сихъ поръ мало подвинувшія изученіе коммерческихъ дѣлъ, сдѣлались новымъ препятствіемъ для добросовѣстнаго изслѣдователя. Не легко было прежде уничтожить всякое подозрѣніе въ своемъ полицейскомъ характерѣ, но чуть ли не труднѣе теперь доказать свою неприкосновенность къ неменѣе заподозрѣнному газетному дѣлу.

Цѣль нашихъ изысканій на Нижегородской ярмаркѣ не была, впрочемъ, собственно статистическая, а скорѣе экономическая; мы сосредоточили наши изслѣдованія преимущественно на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и спеціяльныхъ экономическихъ вопросахъ, которыхъ разрѣшеніе преслѣдовали на ярмаркѣ и около которыхъ старались сгруппировать собираемыя нами свѣдѣнія. Многіе другіе не менѣе и даже болѣе важные вопросы мы должны были вовсе оставить въ сторонѣ, ограничивая притомъ наши изслѣдованія лишь нѣсколькими отраслями торговли и вовсе не касаясь другихъ. Мы не занимались вовсе собираніемъ числовыхъ данныхъ о количествѣ товаровъ, для которыхъ личныхъ нашихъ усилій было бы совершенно недостаточно, и старались ограничиться лишь общими или качественными признаками явленій, наиболѣе поддававшимися наблюденію.

Главными задачами, занимавшими насъ на Нижегородской ярмаркѣ 1864 года, были двѣ слѣдующія:

1) Обозрѣть въ ходѣ этой ярмарки тѣ факты, которые могутъ служить признаками общаго положенія нашихъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ, и вывести общія заключенія относительно этого положенія.

2) Изучить, измѣняется ли, и въ чемъ именно, характеръ Макарьевской ярмарки подъ вліяніемъ современныхъ условій торговли, народнаго хозяйства и всѣхъ вообще успѣховъ просвѣщенія (усовершенствованныхъ путей и способовъ сообщенія, усиленія коммерческихъ центровъ въ разныхъ краяхъ Россіи, открытія новыхъ рынковъ, новыхъ обычаевъ торговли и проч.), и наконецъ коснуться вопроса о томъ, какое значеніе можно предвидѣть для ярмарки въ будущемъ?

Излагая собранныя нами свѣдѣнія по этимъ главнымъ во-

просамъ, мы постараемся, по возможности, коснуться и другихъ болѣе или менѣе сродственныхъ вопросовъ, нисколько, впрочемъ, не принуждая себя къ систематическому изложенію данныхъ. Въ заключеніе же мы приведемъ нѣкоторыя наблюденія характеристическихъ чертъ народнаго быта и признаковъ современнаго нравственнаго состоянія нашего общества, насколько они отражаются въ тѣхъ явленіяхъ, какія намъ удалось изучить на ярмаркѣ.

III.

Обращаемся къ первому вопросу, поставленному нами въ предыдущей статьѣ. какіе были въ ходѣ Нижегородской ярмарки 1864 г. признаки общаго положенія нашихъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны, по возможности, устранить въ описаніи ярмарки все что̀ имѣло лишь временный интересъ въ эпоху ея совершенія, и удовольствоваться самыми общими и крупными чертами. Впрочемъ, говоря о разныхъ отрасляхъ нашей промышленности и торговли, мы позволимъ себѣ касаться нѣкоторыхъ изъ ихъ характеристическихъ особенностей, не совсѣмъ необходимыхъ для нашего предмета; подобныя отступленія совершенно соотвѣтствуютъ общему характеру труда, названнаго нами *очерками*.

Одинъ смышленый и бойкій ярмарочный торговецъ средней руки на вопросъ нашъ о результатахъ Нижегородской ярмарки 1864 г. отвѣчалъ намъ: „Торговали пожалуй-что и не больно плохо, да и не *задорно*!“ Этотъ отвѣтъ кажется намъ весьма мѣткимъ и хорошо характеризующимъ эту ярмарку. Она была *не задорна* — въ этомъ ея сущность и ея современное народно-хозяйственное значеніе.

Судя по предшествовавшему ярмаркѣ оживленію торговыхъ дѣлъ въ Москвѣ (въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ), особенно по части хлопчато-бумажныхъ издѣлій играющихъ столь важную роль на Макарьевскомъ рынкѣ, и принявъ въ соображеніе небольшое, сравнительно съ предыдущими годами (преимущественно съ 1863 г.), количество всѣхъ вообще товаровъ, отправленныхъ на ярмарку, можно было ожидать, и всѣ ожидали, что она бу-

детъ чрезвычайно бойкая, или, какъ говорятъ, *горячая*. Между тѣмъ эта надежда рѣшительно не сбылась: ярмарку 1864 г. можно назвать вообще *тихою*. Въ этомъ заключается, кажется, причина, почему многіе были такъ недовольны ею, и почему о ней составилось даже мнѣніе, отчасти высказанное и въ журналистикѣ, что результаты ея весьма *неутѣшительны*. Дѣло въ томъ, что ярмарка положительно не удовлетворила составившимся относительно ея ожиданіямъ. Несмотря, однако, на это, и отчасти даже именно поэтому, мы признаемъ результаты ярмарки 1864 г., съ общей народнохозяйственной точки зрѣнія, для интересовъ всей нашей торговли и промышленности *весьма утѣшительными*. Нижегородская ярмарка, выражающая собою все движеніе отечественной торговли и промышленности въ каждый минувшій годъ и опредѣляющая собою движеніе ихъ въ послѣдующій годъ, была въ 1864 г. такова какъ только можно было пожелать.

Оживленіе дѣлъ, до ярмарки, въ Москвѣ произошло, по всѣмъ признакамъ, преимущественно отъ истощенія запасовъ мануфактурныхъ товаровъ, для которыхъ Москва—главное складочное мѣсто всей Имперіи. Производство и потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, какъ извѣстно, усилились въ неслыханныхъ прежде размѣрахъ, вслѣдъ за Восточною войной и экстраординарными выпусками бумажныхъ денегъ, въ эпоху всеобщаго лихорадочнаго нашего промышленнаго возбужденія и акціонернаго ажіотажа; но съ наступленіемъ промышленнаго и монетнаго кризиса (приблизительно съ 1859 г.), при всеобщемъ усиленіи дороговизны, непроизводительной растратѣ капиталовъ на военныя операціи, а также и на безчисленное множество необдуманныхъ предпріятій, съ перемѣщеніемъ имуществъ и потрясеніемъ всѣхъ частныхъ хозяйствъ, вслѣдствіе всеобщей государственной перестройки и въ особенности крестьянской реформы, — потребленіе сократилось. Насколько оно сократилось, и сократилось ли въ сравненіи съ нормальною эпохой до Восточной войны, это трудно опредѣлить; и хотя нельзя, повидимому, предполагать послѣдняго, однако, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ внутренніе сбыты уменьшились, въ сравненіи съ чрезвычайнымъ оживленіемъ ихъ въ эпоху 1856—59 гг. Между тѣмъ и послѣ этого перелома (приблизительно въ 1859—

1860 гг.) производство мануфактурныхъ товаровъ, несмотря на неуспѣшный ходъ ярмарокъ и повсемѣстные случаи банкротствъ, *никакъ не рѣшалось* (по крайней мѣрѣ въ средѣ производителей, располагавшихъ достаточными капиталами чтобы выдержать кризисъ) *сократиться* и выйдти изъ чрезвычайныхъ размѣровъ, принятыхъ имъ вслѣдъ за Восточною войной. * Рѣшительное сокращеніе выработки на крупныхъ фабрикахъ, дающихъ тонъ всему производству, произошло не ранѣе какъ съ 1862 и даже 1863 гг. Главнымъ толчкомъ къ этому неизбѣжному повороту былъ, кажется, сѣверо-американскій хлопчато-бумажный кризисъ, весьма кстати сошедшійся съ нашимъ внутреннимъ кризисомъ; въ томъ же направленіи намъ послужили также, до извѣстной степени, результатъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету (въ 1862—1863 гг.), изъятіе нѣкоторой части билетовъ изъ обращенія (въ 1863 г.) и польская смута. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы (1859—1863) накопились у насъ огромные запасы мануфактурныхъ товаровъ, которые тщетно искали для себя сбытовъ на всѣхъ ярмаркахъ, и въ торговлѣ которыми обнаружился всѣми ощущавшійся застой. Эти запасы начали, однако, въ 1864 г. истощаться, и тутъ-то произошло въ Москвѣ то оживленіе дѣлъ, о которомъ мы упомянули выше, и которое вмѣстѣ съ оживленіемъ нашего вывоза, подъ дѣйствіемъ низкаго вексельнаго курса, многіе считали предвѣстникомъ болѣе благопріятнаго оборота во всей отечественной промышленности и торговлѣ. Таковъ, кажется намъ, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, ходъ нашихъ коммерческихъ дѣлъ, предшествовавшій Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. Нѣкоторыя извѣстныя намъ и заслуживающія вниманія частности въ этомъ общемъ движеніи и его дальнѣйшіе повороты мы увидимъ ниже.

Всего лучше отражаются разнообразныя превратности, испытанныя нашею промышленностью въ послѣднія десять лѣтъ, на хлопчато-бумажной фабрикаціи, которая, впрочемъ,

---

* Подъ ненормальнымъ усиленіемъ производства надо всегда понимать чрезмѣрное усиленіе однѣхъ отраслей насчетъ ослабленія другихъ, а не общее усиленіе народнаго производства, которое желательно и никогда не можетъ быть чрезмѣрно (какъ мы это объясняли подробно въ другомъ мѣстѣ).

заслуживаетъ вниманія и сама по себѣ. Чтобы судить до какой степени важно значеніе этой фабрикаціи въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, достаточно сказать, что она производила въ послѣдніе нормальные годы, по приблизительному исчисленію, до 120 милл. руб. всякихъ издѣлій * ежегодно. Она же обусловливаетъ собою множество другихъ отраслей отечественной фабрикаціи и торговли. Едва ли хлопчато-бумажнымъ издѣліямъ не принадлежитъ нынѣ на Макарьевской ярмаркѣ та роль, которая въ прежнее время приписывалась кяхтинскимъ чаямъ; едва ли отъ какого-нибудь другаго товара зависятъ судьба такого множества другихъ товаровъ и развязка такого огромнаго количества дѣлъ на ярмаркѣ какъ отъ хлопчато-бумажнаго. Съ нимъ неразлучно связана привозная и отвозная торговля наша съ Азіей, привозъ средне-азіятскаго хлопка и красильныхъ веществъ, вывозъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ и всякихъ иныхъ издѣлій и звонкой монеты, идущихъ въ обмѣнъ на хлопокъ, занимающій весьма значительное мѣсто на Нижегородской ярмаркѣ. Наконецъ, отъ хлопчато-бумажнаго товара зависятъ многія условія сбыта сродственныхъ ему товаровъ, относящихся къ нашей одеждѣ.

Послѣ чрезвычайнаго возбужденія, произведеннаго таможеннымъ тарифомъ 1822 г. и, сверхъ того, еще нѣкоторыми позднѣйшими частными возвышеніями покровительственныхъ и запретительныхъ пошлинъ, наша хлопчато-бумажная фабрикація непомѣрно усилилась и даже нисколько не остановилась въ своемъ развитіи съ пониженіемъ пошлинъ въ 1851 и 1857 годахъ. Такъ съ 1843 по 1853 г. число бумагопрядильныхъ веретенъ почти утроилось (съ 350 тысячъ до 1 милл.). ** Въ періодъ съ 1814 по 1824 г. привозилось къ намъ, среднимъ числомъ, въ годъ до 200 т. пудовъ хлопка, въ 1852 г. 1.750.000, а между 1858 и 1860 г. отъ 2.300.000 до 2.500.000. Во время Восточной войны и послѣ нея эта фабрикація, несмотря на преды-

---

* Эту цифру, по ея источнику (рукописному), мы считаемъ достовѣрною, насколько, конечно, могутъ быть достовѣрны подобныя приблизительныя исчисленія. Нѣкоторые (г. Шереръ) полагаютъ ее нѣсколько ниже.

** Ср. Шерера о хлопчато-бумажной промышленности въ *Обзорѣ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи*. Спб. 1863 г. Изъ этой статьи заимствованы нами нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше цифръ

дущее усиленное развитіе, и несмотря на ослабленіе таможеннаго покровительства въ 1851 и 1857 гг., получила еще бо́льшіе размѣры, такъ что привозъ хлопка, постоянно возрастая съ 1853 г., достигъ въ 1859 г. 2.800.000 пуд., а въ 1860 г.— 2.600.000 пуд. Эти замѣчательныя цифры наводятъ на многія размышленія: онѣ, между прочимъ, указываютъ на страшное усиленіе у насъ хлопчато-бумажнаго дѣла * не только подъ вліяніемъ естественныхъ условій потребленія и искусственнаго таможеннаго покровительства отечественному производству, но также и подъ вліяніемъ экстренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, столь неимовѣрно и болѣзненно усилившихъ потребленіе и роскошь въ 50-хъ годахъ (1856—1859). Могло ли такое усиленіе быть нормальнымъ и здоровымъ, и могло ли оно не сократиться? Прибавимъ далѣе, что до американскаго кризиса, или до 1861 г., мы вывозили изъ Америки $^1/_{14}$ часть всей массы туземнаго хлопка. Россія занимаетъ по хлопчато-бумажному производству пятое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, почти равняется Германскому Союзу и уступаетъ только Англіи, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ и Франціи. Изъ всѣхъ главныхъ волокнистыхъ веществъ (хлопка, льна, пеньки, шерсти и шелка) на долю хлопка приходится у насъ одна треть всего итога; $^1/_{70}$ часть рукъ всего народонаселенія Россіи занята тою или другою работой, входящею въ составъ хлопчато-бумажной фабрикаціи. Если можно хоть приблизительно довѣриться офиціальнымъ статистическимъ цифрамъ, то хлопчато-бумажный товаръ составляетъ на Нижегородской ярмаркѣ около 15 проц. всего количества товаровъ по цѣнѣ.

Изъ всего этого уже можно заключить не только о томъ какое громадное значеніе имѣетъ у насъ хлопчато-бумажная фабрикація сама по себѣ, но и о томъ сколь вразумительнымъ свидѣтельствомъ, относительно общаго положенія промышленныхъ дѣлъ Россіи, могутъ служить всѣ перевороты, испытанные у насъ этою фабрикаціей. Всего любопытнѣе взглянуть на движеніе цѣнъ. Приблизительно до 1860 г., въ теченіе 20 лѣтъ, цѣны на хлопчато-бумажныя издѣлія у насъ, какъ и на всемірныхъ рынкахъ, постоянно понижались

* Потребленіе *индиго*, служащаго однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ хлопчато-бумажной фабрикаціи, возросло у насъ съ 1822 по 1859 г. слишкомъ *въ семь разъ*.

(отъ 20% до 30%); * усовершенствованіе техническихъ, въ особенности механическихъ приспособленій, и конкурренція, подстрекаемая какъ чрезвычайнымъ размноженіемъ фабрикъ, такъ и пониженіями таможеннаго тарифа въ 50-хъ годахъ, низводила до-нельзя цѣны на всѣ бумажныя ткани. Выдѣланный хлопчато-бумажный товаръ не дорожалъ, несмотря даже на всеобщее вздорожаніе всѣхъ нашихъ товаровъ послѣ Восточной войны; фабриканты наверстывали свои барыши на *количествѣ* товара, вслѣдствіе чрезвычайно усилившейся его распродажи въ 1856 — 1859 годахъ; и такъ продолжалось до той поры, когда, съ обнаруженіемъ нашего внутренняго кризиса, всѣ расходы производства стали возрастать, а потребленіе и сбытъ сокращаться. Посреди заминки хлопчато-бумажнаго товара, излишняго накопленія его запасовъ и, вообще, невыгоднаго оборота дѣлъ, начавшихся приблизительно съ 1859 г., разразился сѣверо-американскій кризисъ. Движеніе, принятое цѣнами, было весьма не одинаково въ разныхъ категоріяхъ хлопчато-бумажнаго товара, начиная отъ первоначальнаго матеріяла до окончательно обдѣланныхъ издѣлій. Общее направленіе заключалось въ томъ, что вздорожаніе хлопчато-бумажнаго товара было обратно пропорціонально степени его обработанности (хлопокъ, пряжа, миткаль (или бязь), ситцы): всего болѣе дорожалъ хлопокъ и всего менѣе ситецъ. Таково было общее направленіе цѣнъ съ 1861 по 1864 г., при нѣкоторыхъ необходимыхъ исключеніяхъ и колебаніяхъ. Мы уже имѣли случай въ другомъ мѣстѣ ** говорить объ этомъ фактѣ; всѣ наши изысканія на Нижегородской ярмаркѣ и многочисленныя данныя, собранныя на ней отъ торговцевъ о цѣнахъ на разные хлопчато-бумажные товары въ періодъ 1861—1864 г., еще болѣе подтвердили для насъ справедливость этого взгляда. Мы не можемъ утомлять читателей приведеніемъ всѣхъ добытыхъ нами цифръ, но укажемъ здѣсь только на ихъ важнѣйшія особенности и на отношеніе ихъ къ обстоятельствамъ всего нашего народнаго хозяйства за послѣднее время.

До какой степени возвышались, съ возникновеніемъ американскаго кризиса, цѣны на хлопокъ, это можно видѣть изъ слѣ-

---

* Существующія теперь высокія цѣны на ситцы, по показанію старыхъ прикащиковъ, такія же, какія были 47 лѣтъ тому назадъ.

** См. *О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи.*

дующихъ цифръ. средне-азіятскій, или бухарскій, хлопокъ продавался до кризиса по 5 и 4 р. за пудъ; на Нижегородской ярмаркѣ 1861 г. онъ поднялся до 7 р. 75 k., въ 1862 г. до 12—13 р., а въ 1864 г. (въ началѣ ярмарки) до 22 и 23 р. Средне-азіятскій хлопокъ цѣнился у насъ до кризиса весьма низко и поднялся сильнѣе американскаго. Американскій хлопокъ въ этомъ періодѣ учетверился въ цѣнѣ. Вообще можно принять, что хлопокъ (бухарскій) возвысился въ цѣнѣ на 300, даже на 400 и болѣе процентовъ.

Пряжа сильно вздорожала, но уже не въ такой пропорціи: * Въ то время, напримѣръ, какъ хлопокъ на Нижегородской ярмаркѣ 1862 г. поднялся на 70% пряжа на той же ярмаркѣ поднялась только на 20—25%. Вообще цѣна пряжи въ періодъ 1861—1864 увеличилась приблизительно *втрое* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже нѣсколько болѣе.

Въ слабѣйшей пропорціи возвысились цѣны на миткаль и вообще на категорію суровыхъ (набивныхъ) хлопчато-бумажныхъ тканей. ** Сколько намъ извѣстно, вздорожаніе миткаля не достигло вовсе тройной цѣны (или 200% на цѣну до американскаго кризиса), а по нѣкоторымъ низкимъ сортамъ, какова напримѣръ бязь, цѣна увеличилась только вдвое или нѣсколько болѣе. ***

* Такъ:

	1861 г.	1864 г
Пряжа № 20	10	32—33
Утокъ №№ 38—40	13½	42—43
Американскій медіо . . .	17	52—55
Основа №№ 30—32 . . .	18	47—51

Если мы не ошибаемся, цѣны высшихъ нумеровъ поднялись слабѣе низшихъ. Если это такъ, то это объясняется вполнѣ общимъ нашимъ взглядомъ.

** Замѣчательно-сильнѣйшее вздорожаніе *сезонныхъ* хлопчато-бумажныхъ издѣлій, сравнительно съ *отечественными*, въ нѣкоторой степени обусловлено паденіемъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, хотя только въ *нѣкоторой* степени, ибо всякое вздорожаніе иностранныхъ товаровъ само по себѣ уже дѣйствуетъ и на вздорожаніе отечественныхъ

*** Машинный миткаль, продававшійся въ 1861 г. по 8 и 9 коп. аршинъ, продавался въ 1864 г. 21 и 22 k.; девятиершковая бязь самаго низшаго сорта въ 1861 г —4 k , а въ 1864 — 8 k.; широкая бязь въ 1861 г.—7 k , а въ 1864 — 16 k.; миткаль низкаго сорта въ 1861 г. стоилъ 6 k. аршинъ, а въ 1864—10, 12½ коп.

Между тѣмъ ситецъ и всѣ вообще набивныя хлопчато-бумажныя издѣлія вздорожали въ періодъ 1861—1864 г. въ гораздо слабѣйшей пропорціи; въ то время какъ хлопокъ удвоивался и утроивался въ цѣнѣ, продавцы ситцевъ, на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ въ 1862 и 1863 гг., едва могли повысить цѣну, а иногда и вовсе не могли, такъ что каждая копѣйка возвышенія доставалась послѣ самой упорной борьбы, оканчивавшейся, какъ мы много разъ сами видѣли, въ эти годы, увозомъ съ ярмарокъ огромныхъ запасовъ не проданнаго товара. Всѣ помнятъ громкія и несомнѣнно искреннія жалобы продавцовъ, сопровождавшія окончаніе почти всѣхъ нашихъ ярмарокъ въ 1862 и 1863 гг. Кажется, самымъ крайнимъ предѣломъ вздорожанія ситцевъ должно признать удвоеніе цѣны (или 100%), но этотъ крайній предѣлъ достигнутъ былъ лишь послѣ быстраго и почти внезапнаго возвышенія цѣнъ (на 10%—20%) весной 1864 г. въ Москвѣ и къ началу Нижегородской ярмарки, о чемъ было сказано выше. Въ большей части случаевъ цѣны обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ тканей даже въ эпоху самаго высшаго вздорожанія были нѣсколько ниже двойной (или 100%), въ сравненіи съ цѣнами 1860 и 1861 гг. *

Всего очевиднѣе будетъ различіе въ степени вздорожанія обдѣланныхъ и не обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, когда мы скажемъ, что вздорожанію ситца, въ періодъ 1861—1864 г., съ 16 до 27 коп. соотвѣтствовало вздорожаніе того миткаля, который идетъ на этотъ ситецъ, съ 8 до 21½, и вздорожанію набивной бязи съ 5½ до 10½ коп.,—вздорожаніе той же не набивной бязи съ 4 до 8 коп. И здѣсь еще взяты самые низкіе сорты товара; чѣмъ выше сортъ ситца и

---

* Мы можемъ указать на слѣдующія цифры въ низшихъ сортахъ, идущихъ въ Азію:

	1861 г. к.	1864 г. к.	
Самый низкій сортъ ситца	5	9	аршинъ
Другой сортъ	12	22	—
Бѣлоземельный	10	17½	—
Александрійка	9	13	—
Кубовые	13	23	—
Высшіе кубовые	25	43	—
Высшіе (прохоровскіе) ситцы . . .	20	33	—
Платки (прохоровскіе) . . .	1 р. 70	2 р. 30	штука

вообще хлопчато-бумажныхъ тканей (какъ видно изъ приведенныхъ цифръ), чѣмъ болѣе сортъ подходитъ къ предметамъ роскоши, чѣмъ болѣе идетъ въ сравнительно высшіе слои потребителей, тѣмъ слабѣе было его вздорожаніе, несмотря на то что на высшіе сорты тканей идетъ гораздо болѣе американскаго хлопка чѣмъ азіятскаго, изъ котораго нынѣ почти исключительно работаются низшія ткани, и который долженъ былъ бы (вслѣдствіе вексельнаго курса и американскаго кризиса) вздорожать менѣе чѣмъ американскій или вообще западно-европейскій хлопокъ. * Это обстоятельство всего разительнѣе выставляетъ указанный нами общій фактъ чрезвычайнаго накопленія у насъ отечественнаго мануфактурнаго товара въ послѣдніе годы и ослабленія спроса и потребленія, очевидно угнетавшихъ цѣны на ситцы и не позволявшихъ имъ подняться соразмѣрно съ цѣнами хлопка и пряжи. **

Конечно, въ расходы производства или *стоимости* хлопчато-бумажныхъ издѣлій входитъ многое сверхъ первоначальнаго матеріяла, и чѣмъ обдѣланнѣе товаръ, тѣмъ онъ менѣе долженъ обусловливаться цѣною одного хлопка: работа, краски, машины и другіе элементы стоимости ситца не должны утроиваться и учетверяться въ цѣнѣ, вслѣдствіе вздорожанія хлопка въ 3 и 4 раза. Но это соображеніе не только не ослабляетъ, а еще болѣе усиливаетъ наше предположеніе, что относительная дешевизна обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій произошла у насъ вслѣдствіе упадка спроса и потребленія, и вслѣдствіе накопленія запасовъ; ибо отъ всеобщаго вздорожанія у насъ всѣхъ цѣнъ послѣ Восточной войны, и въ томъ числѣ въ особенности заработной платы, и прочіе расходы производства хлопчато-бумажныхъ издѣлій значительно увеличились, и притомъ гораздо прежде хлопковаго кризиса. По всѣмъ этимъ причинамъ ситцами тор-

* Сильнѣйшее вздорожаніе средне-азіятскаго хлопка, сравнительно съ американскимъ въ періодъ 1861—1864 гг., объясняется сильнѣйшимъ спросомъ среднихъ и низшихъ тканей сравнительно съ высшими. Подъ общимъ названіемъ американскаго хлопка надо всегда разумѣть хлопокъ привозимый къ намъ чрезъ посредство западной Европы (Англіи), то-есть, кромѣ американскаго, и египетскій, индѣйскій, и проч.

** Ясно, между прочимъ, что потребители высшихъ сортовъ тканей переходили къ низшимъ сортамъ.

говали у насъ нѣкоторое время послѣ хлопковаго кризиса въ Лбытокъ; но тотъ кризисъ въ то же время былъ въ одномъ отношеніи для насъ даже благодѣтеленъ. онъ усилилъ и ускорилъ разрѣшеніе нашего собственнаго промышленнаго кризиса, съ послѣдствіями котораго наша мануфактурная производительность никакъ не хотѣла примириться. Съ 1863 г. фабричное производство рѣшительно сократилось, и производство начало соразмѣряться со сбытами. Оживленіе цѣнъ передъ Нижегородскою ярмаркой возбудило новыя надежды, которыя никакъ не могутъ покинуть фабрикантовъ и торговцевъ, вспоминающихъ бойкія дѣла 1856—1858 гг. Но окончательный розыгрышъ ярмарки значительно отрезвилъ умы: въ началѣ ея цѣны на хлопчато-бумажныя издѣлія еще держались, но подъ конецъ, вмѣстѣ съ азіятскимъ хлопкомъ, быстро пошли подъ гору. Послѣ ярмарки, въ Москвѣ, гдѣ она окончательно разрѣшается, цѣны упали еще ниже (такъ хлопокъ, продававшійся въ началѣ ярмарки по 27 руб. пудъ, упалъ въ концѣ ярмарки ниже 20 и пряжа съ 55—до 45 руб.) и продолжали падать въ теченіе зимы (1864—1865), когда дѣла были весьма тихи. Только послѣ Святой недѣли 1865 г. чрезвычайное паденіе цѣнъ на хлопокъ и хорошая развязка зимнихъ ярмарокъ вызвали естественную реакцію, и нынѣ (въ апрѣлѣ и маѣ 1865 г.) дѣла нѣсколько оживились въ центрахъ нашей хлопчато-бумажной фабрикаціи.

Паденіе цѣнъ на хлопчато-бумажные товары, съ окончаніемъ Нижегородской ярмарки 1864 г., нельзя приписывать вліянію однѣхъ внѣшнихъ причинъ: надеждамъ на близкій миръ въ Америкѣ и дѣйствію иностранныхъ рынковъ, на которыхъ далеко не было такого крутаго паденія цѣнъ и застоя въ сбытахъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ какъ у насъ. Внезапно распространившіяся въ концѣ ярмарки 1864 г. вѣсти о близкомъ мирѣ дѣйствительно послужили рѣшительнымъ переломомъ въ движеніи цѣнъ, но послѣдующія событія въ Америкѣ, не оправдавшія первоначальныхъ надеждъ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на цѣны, которыя неуклонно продолжали падать. (Послѣднее оживленіе сбытовъ у насъ даже совпало съ рѣшительнымъ поворотомъ дѣлъ въ Америкѣ къ окончанію междуусобія.) Огромные запасы средне-азіятскаго хлопка, не проданные въ Нижнемъ, отправлены были въ Москву на коммиссію и на расплату по обязательствамъ Азіятцевъ предыдущаго года: никакія уступки и усилія развязаться, съ ихъ

стороны, не помогли имъ сбыть товаръ за деньги. Это обстоятельство нельзя также объяснить, какъ многіе дѣлали на ярмаркѣ, стачкой московскихъ гуртовщиковъ для прижатія Азіятцевъ. Если даже и были подобныя поползновенія, то они были бы невозможны безъ извѣстнаго общаго положенія рынка, общихъ его условій, неблагопріятныхъ для предложенія и сбыта товара. Конечно, поздній пріѣздъ Бухарцевъ, задержанныхъ сперва на границѣ, по распоряженію правительства, неблагопріятно подѣйствовалъ на развязку хлопчато-бумажнаго дѣла на ярмаркѣ, но все-таки эта развязка главнѣйше обусловливалась общимъ состояніемъ торговыхъ дѣлъ во всей внутренней Россіи. Наконецъ, чтобъ еще болѣе подтвердить мысль о происхожденіи застоя въ распродажѣ хлопчато-бумажнаго товара отъ внутреннихъ, а не внѣшнихъ причинъ, и отклонить предположеніе, будто бы сбытъ былъ парализованъ дороговизной товара (а не наоборотъ), напомнимъ, что заминка въ сбытѣ началась у насъ гораздо ранѣе (въ 1859 г.) американскаго междуусобія и всемірнаго хлопковаго кризиса.

Поворотъ промышленности отъ тишины и застоя къ оживленію, конечно, желателенъ какъ нельзя болѣе, но для этого необходимы такія условія народнаго хозяйства, какія способны были бы поддержать это оживленіе, оправдать его нормальными продолжительными требованіями сбытовъ и не дали бы оживленію обратиться въ болѣзненное раздраженіе, за которымъ неминуемо слѣдуетъ реакція.

Болѣе бойкій ходъ Нижегородской ярмарки 1864 г. непремѣнно послужилъ бы для нашихъ фабрикантовъ ободреніемъ къ усиленію производства, для котораго они ожидаютъ малѣйшаго толчка со стороны покупателей, и которому они готовы тотчасъ, по свойственной имъ привычкѣ, дать самые преувеличенные размѣры. Но ярмарка была чрезвычайно *благоразумна*; благоразуміе и сдержанность, столь у насъ рѣдкія, были ея отличительными чертами по всѣмъ отраслямъ товаровъ, и въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ эти черты были особенно явственны. Нѣкоторую бойкость придавала ярмаркѣ только продажа товара въ Азію (между прочимъ, для Кяхты, какъ увидимъ ниже) и въ особенности на Кавказъ, котораго умиротвореніе замѣтно возбудило надежды на усиленіе сбыта русскихъ мануфактурныхъ товаровъ. По многимъ отраслямъ и отъ многихъ торговцевъ намъ приходилось

слышать слова: „Кавказъ выручилъ“, и онъ выручилъ бы, вѣроятно, еще болѣе, еслибы не чрезвычайный неурожай въ Ставропольской губерніи и вообще въ сѣверномъ Кавказѣ, въ 1864 г. Доказательствомъ вообще оживленія нашей торговли съ Азіей (задержка Бухарцевъ была не болѣе какъ временнымъ и для будущаго не безвреднымъ событіемъ) служитъ относительно хорошій сбытъ мануфактурныхъ товаровъ, спеціяльно назначаемыхъ для азіятской торговли, и, между прочимъ, кубовыхъ ситцевъ, продававшихся лучше всякихъ другихъ.

Несмотря на истощеніе запасовъ, покупатели, и именно городовые купцы, внутренніе наши гуртовщики и мелочники съѣзжающіеся въ такомъ огромномъ количествѣ къ Макарію, упорно удерживались забирать товаръ и крайне ограничивали свои покупки, хотя и пріѣхали съ деньгами. Послѣднее доказывается *положительно* хорошими полученіями на ярмаркѣ 1864 г.: платежи, въ общей сложности, были весьма удовлетворительны, и о банкротствахъ, связанныхъ съ общимъ ходомъ дѣлъ, не было слышно ни съ окончаніемъ ярмарки, ни послѣ нея. Въ деньгахъ не было недостатка, и рѣшительно не было жалобъ на *безденежье*. Это подтверждается низкимъ учетнымъ процентомъ, бывшимъ на ярмаркѣ, въ послѣдствіи еще упавшимъ въ Москвѣ и сравнявшимся, что̀ бываетъ чрезвычайно рѣдко, съ размѣромъ учета государственнаго банка. Кажется, достовѣрно, что предложеніе денегъ превосходило спросъ, и значительныя суммы свободныхъ денегъ (намъ извѣстны многіе случаи) возвратились съ ярмарки, гдѣ онѣ не пошли ни на покупку товаровъ, ни на учетъ векселей. Торговый кредитъ, какъ извѣстно, подвергся у насъ въ послѣдніе годы сильному сжатію; сроки значительно сократились, и о прежнемъ необузданномъ кредитѣ, по всѣмъ показаніямъ, нѣтъ болѣе и помину. Сдержанность замѣтна была съ обѣихъ сторонъ; покупатели, не ожидая оживленія сбытовъ въ своихъ краяхъ, не хотѣли пользоваться всѣми размѣрами даже тѣхъ кредитовъ по отпуску товаровъ, которые имъ были открываемы и часто вовсе отъ него отказывались. Конечно, высокія цѣны именно хлопчато-бумажнаго товара отпугивали покупателей, и въ этомъ, какъ мы уже замѣтили, заключалось важнѣйшее благодѣтельное вліяніе хлопковаго кризиса на нашу промышленность; но высота цѣнъ была здѣсь только одною изъ причинъ усилившею дѣй-

ствіе другихъ, тѣмъ болѣе что уровень цѣнъ и на прочіе товары, кромѣ хлопчато-бумажнаго, вообще не былъ высокъ, а по нѣкоторымъ отраслямъ даже скорѣе низокъ.

Такое вялое и тихое состояніе нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, конечно, не представляетъ собою ничего утѣшительнаго, но оно задано было всѣми предыдущими экономическими обстоятельствами; Нижегородская ярмарка, дающая рѣшительный тонъ всей внутренней торговлѣ, ничего въ 1864 г. не прибавила и не убавила въ этомъ общемъ положеніи, она ничего въ немъ не измѣнила, нисколько не ободрила отечественной промышленности, продуктами которой она преимущественно снабжается, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и не нанесла внутреннему производству никакого удара. Эта ярмарка только самымъ явственнымъ образомъ закрѣпила сдержанность и отрезвленіе внутреннихъ рынковъ, уже не отваживающихся на новыя испытанія, послѣ бурныхъ порывовъ и коловратныхъ приключеній, предшествовавшихъ нынѣшнему затишью и сопровождавшихся крушеніями и банкротствами, очистившими коммерческій воздухъ на злополучныхъ ярмаркахъ въ 1862—1863 гг. Къ усиленію производительности, къ затратѣ новыхъ капиталовъ и оживленію спекуляціи нѣтъ достаточныхъ побужденій: таково общее мнѣніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что къ веснѣ 1864 года замѣчается накопленіе свободныхъ денегъ и на петербургской биржѣ. Лучшимъ доказательствомъ нашего (по своему весьма благопріятнаго) взгляда на ярмарку 1864 г. служитъ ходъ всѣхъ прочихъ ярмарокъ послѣ нея; ни одна не отличалась излишнею бойкостью, но не было слышно и жалобъ на дурныя развязки: ярмарки Ирбитская, Харьковская, Кіевская, Крещенскія и Ростовская (великопостная) были, по общимъ отзывамъ, хороши, вслѣдствіе уступки въ цѣнахъ товаровъ (или, по крайней мѣрѣ, *при* уступкѣ). Нижегородская ярмарка 1864 г. разыгралась для внутренней промышленности и торговли *настоящимъ нулемъ, что и требовалось* какъ для настоящаго времени, такъ и для ближайшаго будущаго. Но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, порадоваться завершенію (относимому нами преимущественно къ 1864 г.) нашего внутренняго промышленнаго кризиса и развязкѣ коммерческихъ затрудненій, сопровождавшихся банкротствами въ предыдущіе годы. Этой развязкѣ сопутствуетъ тишина

въ дѣлахъ, весьма благопріятная для затраты капиталовъ и возбужденія предпріимчивости, необходимыхъ для успѣховъ народнаго благосостоянія. Мы достигли, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго равновѣсія въ *фабричномъ* производствѣ (не сельско-хозяйственномъ) и сбытѣ. Дальнѣйшее движеніе дѣлъ будетъ зависѣть отъ выгоднаго сочетанія многихъ обстоятельствъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и въ числѣ послѣднихъ—преимущественно отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и *упроченія монетной единицы*. Дальнѣйшія колебанія монетной единицы могутъ произвести новыя потрясенія въ промышленности.

Возвратимся къ хлопчато-бумажной фабрикаціи. Не мало благопріятнымъ для нея условіемъ служатъ наши низкіе иностранные курсы, парализующіе ввозъ иностранныхъ хлопчато-бумажныхъ тканей. Этотъ ввозъ, лишь весьма кратковременно усилившійся послѣ тарифа 1857 года, постепенно падалъ, такъ что съ одного милліона, въ 1856 г., таможенный доходъ отъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій спустился, въ 1863 г., до ½ милліона.* О конкурренціи иностранныхъ хлопчато-бумажныхъ тканей нынѣ на внутреннихъ рынкахъ совсѣмъ не слышно.

Въ числѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ хлопковый кризисъ, одно можетъ имѣть въ будущемъ важныя послѣдствія. Мы говорили о значеніи, которое пріобрѣлъ для хлопчато-бумажной фабрики средне-азіятскій хлопокъ. Этого хлопка привозили къ намъ въ тридцатыхъ годахъ, когда хлопчато-бумажная фабрикація уже имѣла большое развитіе, только десятки тысячъ пудовъ (30 и 40 т.), а теперь его привозятъ сотни тысячъ; уже въ 1861 г. опредѣляли привозъ приблизительно въ 200 т. п., а въ 1864 г. на одну только Нижегородскую ярмарку привезено было около 500 тыс. пуд. Прежде было немыслимо работать изъ этого хлопка тѣ №№ пряжи и издѣлія, которыя выдѣлываются теперь: напримѣръ, не такъ давно считалось невозможностью прясть изъ него основу, а теперь нѣкоторые сорты тканей выдѣлываются изъ него

---

* По опубликованнымъ свѣдѣніямъ, привозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ 1864 г. былъ еще меньше чѣмъ въ 1863 г., ибо, несмотря на чрезвычайное издорожаніе цѣнъ (по нѣкоторымъ товарамъ удвоившихся), всего ввезено въ 1864 г. на 2 милліона руб., а въ 1863 г. на 1.700.000 руб.

цѣликомъ, безъ всякой примѣси американскаго хлопка. * Хлопковый кризисъ послужилъ поэтому къ значительнымъ техническимъ усовершенствованіямъ въ нашей хлопчато-бумажной фабрикаціи. Можно предполагать, что, по минованіи Сѣверо-американской войны, эта отрасль промышленности будетъ поставлена въ особенно благопріятное положеніе и должна получить еще большее развитіе. Азіятскій хлопокъ учетверился въ цѣнѣ и до американскаго кризиса продавался по 5 и 4 р. за пудъ и даже дешевле, тогда какъ въ послѣднее время доходилъ до 18 и даже 20; ** но онъ можетъ не только снизойдти до прежнихъ цѣнъ, а даже обходиться еще дешевле ихъ, вслѣдствіе чрезвычайно расширившагося нынѣ производства хлопка въ Средней Азіи и болѣе тѣснаго сближенія съ нею, нашихъ купцовъ, если только средне-азіятскіе правители не заразятся таможенными теоріями русскихъ протекціонистовъ и не будутъ налагать запрещенія на вывозъ своего хлопка. *** Вслѣдствіе нынѣшнихъ высокихъ цѣнъ этого хлопка наживаются не одни только продавцы ихъ въ Россіи (кромѣ Бухарцевъ и Хивинцевъ, торгуютъ имъ также русскіе купцы восточной Россіи, преимущественно оренбургскіе и также касимовскіе Татары), а цѣлый рядъ торговцевъ, между которыми въ самой Азіи возбудилась страшная спекуляція на хлопокъ. Поэтому послѣдніе продавцы, закупивъ его сами по высокимъ цѣнамъ, терпятъ нынѣ большіе убытки отъ малѣйшаго пониженія цѣнъ. **** Въ ближайшемъ будущемъ (то-есть въ 1865 г.) должно ожидать реакціи въ приливѣ къ намъ средне-азіятскаго хлопка. Но чтобы хлопокъ этотъ сдѣлался существеннымъ элементомъ нашей хлопчато-бумажной фабрикаціи, необходимо чтобъ онъ освободил-

---

* Во многихъ случаяхъ употребленіе азіятскаго хлопка въ пряжу и ткани еще до сихъ поръ скрывается фабрикантами и продавцами.

** Цѣны этого хлопка, равно какъ сорты и качества его, весьма разнообразны.

*** По нѣкоторымъ слухамъ, въ Коканѣ уже сдѣлана въ этомъ смыслѣ попытка съ 1865 г.; тамъ нашли что выгоднѣе вывозить издѣлія нежели земледѣльческія продукты. Вотъ какъ заразительны нѣкоторыя понятія, которыя легко могли быть занесены въ Ташкентъ съ Макарія.

**** Такъ въ 1864 г. наши купцы (продавцы на ярмаркѣ) сами платили за хлопокъ въ Бухарѣ до 22 р. 75 к. за пудъ, а между тѣмъ онъ уже на ярмаркѣ упалъ ниже 20 р.

ся отъ тѣхъ неисчислимыхъ плутней, на которыя такъ дерзки Азіятцы. * Эти плутни значительно повредили распространенію у насъ азіятскаго хлопка. При развитіи прямыхъ сношеній нашихъ фабрикантовъ съ средне-азіятскими краями, ** куда военныя экспедиціи открыли намъ теперь широкій путь, и при вліяніи, чрезъ посредство наше, европейскихъ коммерческихъ понятій (только не протекціонистскихъ) на азіятскіе обычаи, можно надѣяться, что ввозъ къ намъ азіятскаго хлопка будетъ имѣть богатую будущность. Между прочимъ, желательно увеличеніе привоза персидскаго (мазандаранскаго) хлопка, котораго волокно цѣнится несравненно выше прочихъ привозимыхъ къ намъ азіятскихъ сортовъ. *** Если, съ другой стороны, прежнія низкія цѣны американскаго хлопка не скоро возстановятся даже и послѣ мира, а можетъ-быть и никогда не возстановятся, то положеніе отечественной фабрикаціи будетъ особенно выгодно, преимущественно для низкихъ и среднихъ категорій бумажныхъ тканей, въ которыхъ можетъ господствовать азіятскій или, какъ его называютъ, *нашъ* хлопокъ, и которыя (вслѣдствіе исчисленія размѣра таможенныхъ пошлинъ по вѣсу, болѣе благопріятному для грубыхъ тканей чѣмъ для тонкихъ) пользуются у насъ преимущественнымъ таможеннымъ покровительствомъ. Водвореніе въ нашей фабрикаціи средне-азіятскаго хлопка важно еще въ томъ отношеніи, что на западно-европейскихъ рынкахъ предвидятся въ ближайшемъ будущемъ (и можетъ-быть надолго, вслѣдствіе американской неурядицы) чрезвычайныя колебанія въ цѣнахъ на хлопокъ. Слишкомъ крутыхъ колебаній, столь пагубныхъ для фабрикаціи и торговли, мы можемъ, кажется, избѣжать посредствомъ снабженій изъ Средней Азіи. Уже въ концѣ 1864 г. и въ началѣ 1865 мы видѣли примѣръ благо-

---

* Обыкновенная примѣсь къ бухарскому и хивинскому хлопку орѣшковъ есть еще наименьшая плутня. Доходило до того, что внутри кипъ находили напр. сѣдла и гвозди.

** Любопытно, что по различію этихъ краевъ для сбыта нашихъ товаровъ (и именно бумажныхъ издѣлій), купцы называютъ Бухару деревней въ сравненіи съ Коканскими владѣніями. Это надлежитъ знать всѣмъ нашимъ торговцамъ: торговать съ Кокаломъ выгоднѣе чѣмъ съ Бухарой, если только сообщенныя намъ свѣдѣнія вѣрны.

*** Сверхъ того, сдѣланы попытки возвращенія хлопка на Кавказѣ, увѣнчавшіяся успѣхомъ; къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ скудны.

дѣтельнаго дѣйствія запасовъ средне-азіятскаго хлопка, предотвратившихъ внезапное паденіе цѣнъ, которое неминуемо послѣдовало бы за пораженіями южныхъ армій въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но если можно надѣяться, что *наши* хлопокъ придастъ нѣкоторую самостоятельность хлопчато-бумажной промышленности, получившей у насъ столь непомѣрное развитіе, сколько-нибудь оправдаетъ излишнее покровительство, оказанное ей въ ущербъ другимъ гораздо болѣе естественнымъ отраслямъ отечественнаго производства, и освободитъ ее изъ-подъ чрезвычайной зависимости отъ чужестранныхъ обстоятельствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно желать, чтобы развитіе хлопчато-бумажной фабрикаціи, очистившись отъ таможенныхъ привилегій, перестало угнетать другія отрасли народнаго труда и потому сопряжено было бы съ возможно-большими выгодами для всей массы потребителей. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что сближеніе съ Среднею Азіей важно для хлопчато-бумажнаго дѣла еще и въ томъ отношеніи, что оно можетъ расширить сбытъ нашихъ бумажныхъ издѣлій въ Средней Азіи мы имѣемъ неоспоримое первенство по этому товару и лучше другихъ народовъ умѣемъ приноравливать его ко вкусамъ и привычкамъ Азіятцевъ. *

Здѣсь мѣсто упомянуть о торговлѣ красками, столь зависимой отъ хода набивной фабрикаціи. Краски вообще нѣсколько вздорожали сравнительно съ ярмаркой 1863 г.: такъ, марена съ 5 р. 25 к. за пудъ поднялась на 5 р. 65 к., индиго вздорожало около 10%. Кавказская марена получила огромное значеніе, и торговля ею въ послѣднія десять лѣтъ испытала много треволненій, частію связанныхъ съ общимъ ходомъ дѣлъ, частію происшедшихъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ этого товара. Необходимость четырехлѣтняго періода для ея воздѣлыванія и обработки и дальнее разстояніе мѣста производства отъ нашихъ мануфактурныхъ рынковъ чрезвычайно способствовали захвату этого товара въ однѣ руки и спекуляціи на него, достигшей крайняго своего развитія на Нижегородской ярмаркѣ 1857 г. На этой ярмаркѣ цѣна марены была поднята до 15 и даже 17 руб. сер. за пудъ (то-есть болѣе тройной нынѣшней цѣны), тогда какъ передъ ярмаркой она покупа-

* Какъ они прихотливы и упрямы, можетъ служить примѣромъ, что для нихъ непремѣнно надо готовить ткани извѣстной ширины (узкія). Таковы *бязь* и *даба*, идущія туда отъ насъ въ огромныхъ количествахъ (изъ Владимірской и особенно Костромской губерній).

лась и была закуплена въ одинѣ руки въ Дербентѣ по 6 руб. сер. (и тотчасъ же поднялась до 11 руб.). Вслѣдствіе этого, въ Дербентѣ всѣ бросились на воздѣлываніе марены, такъ что трудно было отыскать работника или слугу. Но скоро произошелъ кризисъ какъ всегда бываетъ съ достиженіемъ крайняго предѣла спекуляціи. цѣны вдругъ упали до 10 руб. на ярмаркѣ же 1857г., когда главный продавецъ рѣшился раздѣлаться съ захваченными запасами, и съ тѣхъ поръ паденіе цѣнъ на марену до 1864 г. не останавливалось, и особенно усилилось съ хлопковымъ кризисомъ. Но можно ли видѣть въ этой исторіи дѣйствіе одной только случайной личной спекуляціи? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта спекуляція была чрезвычайно поощрена крайнимъ возбужденіемъ нашей промышленности, именно около 1857 г., и даже только благодаря ему была возможна. Чтобы покончить съ красками, замѣтимъ кстати, что особенно, бойко шла синяя краска, индиго, которая въ большомъ количествѣ закупается крестьянами для собственныхъ ихъ издѣлій (нитокъ, пестряди, и проч.), въ особенности съ тѣхъ поръ какъ вздорожалъ хлопокъ.

Хлопчато-бумажный кризисъ имѣлъ важное вліяніе на всѣ сродственныя отрасли товаровъ и въ особенности на льняное дѣло, для котораго онъ былъ благодѣтеленъ. Льняной товаръ всѣхъ разборовъ былъ изъ числа самыхъ счастливыхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. До какой степени льняная наша фабрикація, когда-то, еще въ началѣ XIX столѣтія, столь блистательная и потомъ совершенно упавшая, подавлена хлопчато-бумажною, доказывается быстрымъ пробужденіемъ ея, вмѣстѣ съ дороговизной хлопка, въ настоящее время. Нѣтъ, конечно, отрасли отечественной промышленности заслуживающей теперь бо́льшаго вниманія какъ льняная. Несмотря на самыя естественныя условія процвѣтанія въ Россіи, она ничтожна сравнительно съ хлопчато-бумажною. Объ этомъ можно приблизительно судить по отношенію цифръ привоза на Нижегородскую ярмарку всѣхъ издѣлій льняныхъ и пеньковыхъ было на сумму около 3 милл., а бумажныхъ до 15 милл. Чтобы нынѣшнее оживленіе льняной фабрикаціи, проистекающее отъ возвышенія цѣнъ на всѣ ея издѣлія, имѣло прочную будущность, само собою разумѣется, необходимо знать, можетъ ли она процвѣтать при цѣнахъ менѣе возвышенныхъ, то-есть такихъ, которыя могли бы, какъ нынѣ, конкуррировать съ цѣнами бумажныхъ издѣлій, при

будущемъ удешевленіи хлопка, которое, какъ мы говорили, по всей вѣроятности, будетъ весьма значительное. Цѣны на льняныя издѣлія возвысились особенно сильно въ 1864 г.: до сентября 1863 г. возвышенія почти не было, по всей вѣроятности, потому что бумажныя издѣлія до того времени еще не вздорожали до той степени, чтобы льняныя ткани, вообще болѣе дорогія, могли съ ними соперничать въ употребленіи. * На Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. льняная пряжа (механическая) вздорожала въ сравненіи съ эпохой до американскаго кризиса ** приблизительно на 40% и до 43%. Полотна вздорожали позже и менѣе, однако, отъ 30% до 40%. Холстъ и вообще грубыя крестьянскія льняныя ткани вздорожали, сколько мы замѣтили, сильнѣе полотенъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе замѣны бумажнаго товара холщевымъ въ простомъ народѣ. Всего же менѣе вздорожалъ ленъ съ 1863 г.—не болѣе 20%, какъ намъ объясняли, вслѣдствіе значительнаго увеличенія производства льна въ послѣдніе годы, преимущественно крестьянами. Но независимо отъ послѣдняго обстоятельства, въ неравномѣрности возвышенія цѣнъ на льняную пряжу и на ткани выражается явленіе, однородное съ тѣмъ, которое мы уже замѣтили въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ, то-есть слабость спроса и сбытовъ. Фабричныя льняныя издѣлія давно вытѣсненныя, въ категоріи дешевыхъ нарядовъ, бумажными, вообще составляютъ предметъ бо́льшей роскоши и требуютъ для возрастанія своего сбыта бо́льшихъ успѣховъ народнаго благосостоянія нежели хлопчато-бумажныя; обширный сбытъ льняныхъ издѣлій обусловливается успѣхами воспитанія, комфорта и опрятности въ народѣ. Нельзя удивляться слабому спросу на льняныя из-

---

* Удивительный экономистъ одного петербургскаго журнала (см. *Торговый Сборникъ* 1865 г. № 15) полагаетъ, что между бумажными и льняными издѣліями нѣтъ конкурренціи, что каждый товаръ удовлетворяетъ особой потребности. Тотъ же писатель полагаетъ, что развитіе нашей льняной фабрикаціи въ послѣднее время произошло отъ открытія какихъ-то новыхъ машинъ (?!). Съ такими-то куріозными понятіями, о которыхъ достаточно упомянуть мимоходомъ, выступаютъ у насъ нѣкоторые люди въ борьбу съ положеніями экономической науки!

** Напр., пудъ пряжи, стоившій на ярмаркѣ 1863 г. 12 р., продавался въ 1864 г. по 17½ р. По другимъ показаніямъ, нѣкоторые N N пряжи (преимущественно толстой) поднялись съ 1863 г. до 50%

дѣлія, когда простыня, наволочка, салфетка составляютъ диковинку не въ одномъ такъ-называемомъ простомъ народѣ, когда постельное бѣлье съ трудомъ можно достать (значитъ не требуется публикой) въ лучшихъ губернскихъ и даже многихъ столичныхъ гостиницахъ, когда, напримѣръ, намъ случалось обходиться безъ этой еще заморской принадлежности ночлега въ многоэтажныхъ, наполненныхъ шелковою мебелью и бронзою, роскошныхъ купеческихъ домахъ. Съ другой стороны, конечно, распространеніе въ массахъ употребленія бѣлья обусловливается, въ свою очередь, его дешевизной; хлопчато-бумажные фабрикаты какъ у насъ, такъ и въ Европѣ перешли изъ высшихъ слоевъ въ низшіе и получили такое громадное употребленіе, именно вслѣдствіе своей дешевизны, съ которою не могли соперничать никакія другія прядильныя вещества. Вслѣдствіе дешевизны даже въ бѣльѣ,—въ этой области льна по преимуществу,—бумажныя ткани стали въ послѣднее время какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ вытѣснять льняныя и пеньковыя; желательно, чтобы то же явленіе не возникло и у насъ. Льняныя издѣлія имѣютъ передъ бумажными неоспоримое превосходство *прочности*, значительно парализующей ихъ дороговизну; но въ недостаточныхъ классахъ эта относительная выгодность льнянаго товара большею частію стушевывается передъ печальною необходимостью затратить на болѣе прочную вещь *болѣе значительный наличный капиталъ*, котораго не имѣется; сверхъ того, льняной товаръ имѣетъ въ сравненіи съ бумажнымъ то важное неудобство въ торговлѣ, что первый вообще тяжелѣе втораго. Это неудобство особенно чувствительно въ Россіи, при нашихъ способахъ перевозки. Какъ на любопытный примѣръ, относящійся къ этому важному для насъ современному вопросу о соперничествѣ льна и хлопка, мы укажемъ на слѣдующій фактъ. Однимъ значительнымъ ситцевымъ фабрикантомъ (Я. П. Гарелинымъ изъ с. Иванова) былъ въ первый разъ пущенъ въ продажу на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. новый придуманный имъ, вслѣдствіе дороговизны хлопка, товаръ—*набивной холстъ*. Это ситецъ, отпечатанный по самому обыкновенному крестьянскому холсту, или прежняя *набойка*, которая была такъ распространена въ нашемъ народѣ до введенія дешевыхъ хлопчато-бумажныхъ тканей, съ тою только разницей, что новая набойка отпечатана механически, а прежняя ручною работой. Это новая матерія (10-ти вершковъ ширины) идетъ

въ продажу (оптомъ) по 15 k. аршинъ (на наличныя деньги 14 k.); холстъ, идущій на выдѣлку этой матеріи, платится крестьянамъ по 11 k. аршинъ (до хлопковаго кризиса онъ стоилъ только 8 k.), * остальныя 3 k. полагается на выдѣлку. Крестьянская рубашка изъ такой набойки (8 арш.) обошлась бы до 1 р. 20 k., а изъ соотвѣтствующаго ей ситца (5 арш. по 19 k.)— 95 k. Стало-быть, льняная тканъ обошлась бы на 26% дороже бумажной; разница въ цѣнѣ значительная, но прочность первой по меньшей мѣрѣ вдвое больше второй, а насъ удостовѣряли, что—даже втрое и вчетверо. Наружный видъ (вслѣдствіе шероховатости холста) ситцевой рубашки нѣсколько красивѣе холщевой, но чѣмъ болѣе носилась и мылась бы первая, тѣмъ это превосходство дѣлалось бы незамѣтнѣе. Этотъ новый, весьма интересный товаръ, привезенный въ весьма маломъ количествѣ на ярмарку, былъ весь распроданъ. Спрашивается: какая ожидаетъ его будущность съ измѣненіемъ обстоятельствъ? Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, онъ можетъ, по миновании хлопковаго кризиса (вслѣдствіе возвращенія холста къ болѣе нормальнымъ цѣнамъ), удешевиться; но тогда же можетъ удешевиться, и притомъ въ гораздо большей степени, и ситецъ. Не возбудитъ ли новый товаръ воспоминанія въ народѣ о прежней когда-то столь любимой набойкѣ? Не покажется ли ему весьма выгоднымъ и сподручнымъ замѣнить покупку ситца пропускомъ на валахъ (у фабрикантовъ) своего собственнаго холста, который, при длинныхъ зимахъ и вечерахъ, достается его семьи почти даромъ? Отъ другихъ фабрикантовъ, на ярмаркѣ же, мы слышали, что подобный набивной холстъ, но гораздо болѣе грубой выдѣлки (по 8 k. аршинъ), совсѣмъ не пошелъ въ ходъ.

Чтобы пополнить сравненіе цѣнъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій, прибавимъ, что полотно (въ 25 k. аршинъ), стало идти въ продажу (сколько намъ извѣстно, въ Азію) на мѣсто *бязи* (въ 20 k. арш.), вслѣдствіе ея чрезвычайно

---

* Изъ этого можно заключить, что холстъ вздорожалъ во время хлопковаго кризиса болѣе чѣмъ на 37%; эта цифра приблизительно соотвѣтствуетъ вышепоказанному нами проценту вздорожанія льняныхъ издѣлій. О другихъ низкихъ сортахъ холста намъ показывали гораздо сильнѣйшее вздорожаніе: съ 3½ до 6 коп. на аршинъ. Льняная пестрядь на ярмаркѣ 1863 г. продавалась по 10 k. аршинъ, а на ярмаркѣ 1864 г.—12½ k. (тутъ вздорожаніе только на 25%).

плохой нынѣшней выдѣлки. Здѣсь разница въ цѣнѣ приблизительна та же—25%.

Итакъ, льняное дѣло вращается пока между двумя взаимно противорѣчащими условіями съ одной стороны, желательно чтобы цѣны на льняныя издѣлія были довольно высоки, съ тѣмъ чтобы привлечь возможно болѣе капиталовъ къ этому дѣлу, страдающему у насъ отъ недостаточной затраты капиталовъ; съ другой стороны, желательно чтобы цѣны были довольно низки, дабы привлечь къ этому товару массы недостаточныхъ классовъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ чтобы судить въ какой степени нынѣшнія цѣны на льняной товаръ выгодны для фабрикантовъ и нормальны (то-есть соотвѣтствуютъ расходамъ производства и общему уровню прибылей въ другихъ фабричныхъ отрасляхъ), нужно было бы знать, насколько дороговизна льняныхъ издѣлій обусловливается общимъ высокимъ уровнемъ всѣхъ нашихъ цѣнъ (то-есть дешевизною денегъ), и насколько она обусловливается хлопковымъ кризисомъ (то-есть возможностью, открывшеюся для фабрикантовъ, независимо отъ стоимости товара, получать бо́льшій чѣмъ прежде барышъ). Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы льняные фабриканты не увлекались случайно выгоднымъ положеніемъ, а воспользовались нынѣшнимъ хлопковымъ кризисомъ для возможно бо́льшаго расширенія своихъ сбытовъ и распространенія своего товара, посредствомъ его удешевленія, въ массѣ народа, который въ своемъ обиходѣ туго держится привычнаго товара и небыстро его мѣняетъ. Возможно большее замѣщеніе нынѣ бумажныхъ тканей полотняными и холщевыми въ высшей степени желательно.

Трудная задача соединенія хорошихъ барышей для производителей съ дешевизной и общедоступностью льнянаго товара преимущественно разрѣшается нынѣ механическимъ (паровымъ) льнопряденіемъ и льноткачествомъ. Успѣхи этой отрасли произведенія, столь у насъ слабой, весьма замѣтны въ самое послѣднее время, и ими мы обязаны главнѣйшимъ образомъ хлопковому кризису. Наши фабрики этого рода, еще весьма малочисленныя и возникшія почти всѣ въ недавнее время (въ Ярославлѣ, Костромѣ, Нерехтѣ, Вязникахъ, сверхъ того, одна въ Москвѣ, и, какъ слышно, устраиваются и новыя) значительно увеличили свою выработку. Нельзя не привѣтствовать усилія главныхъ дѣятелей этой отрасли гг. Сеньковыхъ, Де-

мидова, Хлудова, Брюханова, Зотова и Дьяконовыхъ, какъ усилія въ пользу дѣла не только промышленнаго, но и вполнѣ патріотическаго. Замѣчательно, что на всѣхъ этихъ фабрикахъ механическое *льнопряденіе* значительно господствуетъ надъ *льнотканествомъ*; нѣкоторыя изъ этихъ фабрикъ занимаются нынѣ даже исключительно пряденіемъ, покинувъ ткачество. Получаемая пряжа покупается въ огромномъ количествѣ крестьянами для ручной выдѣлки полотенъ и совершенно вытѣснила ручную пряжу; что же касается до механическихъ полотенъ, вырабатываемыхъ на фабрикахъ, то они идутъ весьма туго, съ трудомъ конкуррируя съ ручнымъ ткачествомъ, столь распространеннымъ въ губерніяхъ, гдѣ находятся упомянутыя фабрики. На Нижегородской ярмаркѣ всего лучше шли среднія, такъ-называемыя *ровныя* полотна, выдѣланныя на ручныхъ станкахъ. Въ высшихъ сортахъ наши полотна не выдерживаютъ конкурренціи съ иностранными, по показанію фабрикантовъ, будто бы единственно вслѣдствіе предубѣжденія публики (?). Поэтому, между прочимъ, и указывается нѣкоторыми на необходимость воспитать публику посредствомъ запретительнаго тарифа.

Вопросъ о льняной фабрикаціи въ особенности интересуетъ наше сельское хозяйство, въ связи съ которымъ она пріобрѣтаетъ у насъ всеобщее государственное значеніе. Здѣсь интересы фабрикантовъ удивительнымъ образомъ согласуются съ интересами собственно помѣщичьяго хозяйства. Мы производимъ много льна, составляющаго одинъ изъ главныхъ нашихъ вывозныхъ товаровъ; по натуральнымъ своимъ качествамъ, нашъ ленъ признается даже выше иностраннаго. Между тѣмъ наша выдѣлка такъ плоха, что фабриканты не только употребляютъ иностранный ленъ, но едва ли не находятъ даже выгоднѣе прясть изъ англійскаго льна, который имъ обходится 8 р. пудъ, чѣмъ изъ русскаго, за который платятъ 4 р. Въ то время какъ изъ пуда нашего льна вырабатывается только 15% тонкой пряжи (остальное угаръ или *очески*), изъ англійскаго и бельгійскаго вырабатываютъ отъ 20% до 25% пряжи. При лучшей выдѣлкѣ нашего льна, фабриканты согласились бы платить за него гораздо болѣе высокія цѣны чѣмъ теперь. Въ усовершенствованной выдѣлкѣ этого продукта заключается для нашего помѣщичьяго хозяйства одно изъ лучшихъ средствъ возвысить цѣнность

своихъ произведеній, и притомъ возвысить ко всеобщей пользѣ потребителей и всей страны, въ то самое время, когда помѣщичье хозяйство именно угнетается относительною дешевизной своихъ продуктовъ и конкурренціей крестьянскаго хозяйства; послѣднее, нынѣ по преимуществу доставляющее ленъ фабрикантамъ, не можетъ, однако, улучшить выдѣлку льна, по крайней мѣрѣ, не можетъ безъ содѣйствія и примѣра со стороны помѣщичьяго хозяйства. Изъ приведенныхъ цифръ можно также заключить насколько, при улучшенной выдѣлкѣ льна, можетъ возрасти и по цѣнѣ, и по количеству производство этого товара какъ вывозной статьи. * Неужели помѣщики выпустятъ изъ своихъ рукъ это дѣло, въ самую выгодную его пору? Между тѣмъ, по отзывамъ фабрикантовъ, это дѣло пока болѣе удается крестьянамъ чѣмъ помѣщикамъ, которые „горячо за него принимались, а потомъ кидали.“

Изъ всего сказаннаго нами о льняномъ дѣлѣ ** можно, кажется, вывести то общее заключеніе, что вообще излишнее вздорожаніе льняныхъ издѣлій было бы большимъ препятствіемъ для успѣховъ у насъ этой отрасли, и что поэтому всего менѣе можетъ быть желательно призываемое многими усиленіе таможеннаго покровительства для льняной фабрикаціи, которое, безъ сомнѣнія, содѣйствовало бы поддержанію дороговизны льняныхъ издѣлій. ***

Теперь упомянемъ объ остальныхъ двухъ прядильныхъ товарахъ — *шерсти* и *шелкѣ*.

Торговля шерстянымъ товаромъ, какъ извѣстно, также значительно оживилась со вздорожаніемъ хлопка. Это отозвалось и на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г., несмотря на значительный на нее привозъ шерстяныхъ издѣлій (сравнительно съ 1863 г.). Особенно хорошо шли сукна, которыя преимущественно передъ другими товарами закупались для Кяхты. Сбытъ *плиса*, въ прежнее время одного изъ важнѣйшихъ кях-

---

* Всего болѣе славится у насъ ленъ Псковской губерніи, въ значительномъ количествѣ идущій даже на фабрики Ярославской и Владимірской губерній. Сколько намъ извѣстно, псковской ленъ обязанъ своимъ превосходствомъ главнымъ образомъ помѣщичьему хозяйству, а не крестьянскому.

** Срав. статью г. Овсянникова о льняномъ дѣлѣ въ *Нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ* № 18, 1864 г.

*** Срав. передовую статью *Московскихъ Вѣдомостей* 1865 г. № 40.

тинскихъ товаровъ, а нынѣ одного изъ злополучнѣйшихъ, былъ слабый. При этомъ, несмотря на умѣренное (относительно хлопка) вздорожаніе свое, съ начала кризиса на 41%, а съ ярмарки 1864 г. на 25%, плисъ чрезвычайно вздорожалъ сравнительно съ сукномъ, идущимъ въ Кяхту, которое возвысилось въ цѣнѣ лишь на 3%. * Конечно, не всѣ шерстяныя издѣлія такъ слабо вздорожали; однако, по всѣмъ отзывамъ, они вздорожали весьма умѣренно сравнительно съ бумажными, которыя они отчасти стали замѣнять. Такъ какъ шерстяныя издѣлія удовлетворяютъ вообще условіямъ болѣе изысканной одежды и потребностямъ болѣе достаточныхъ классовъ, то не выражается ли и въ умѣренномъ вздорожаніи ихъ всеобщая слабость нашихъ сбытовъ и потребленія (въ особенности въ высшихъ классахъ), оживившихся единственно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ издѣлій? По крайней мѣрѣ цѣны на сырую шерсть возвысились въ 1864 г. значительно сильнѣе чѣмъ не обдѣланный шерстяной товаръ, и едва ли можно приводить для этого факта весьма ходячее у насъ объясненіе (приводившееся и для сравнительно слабыхъ цѣнъ на ситцы въ 1862 и 1863 гг.), что обдѣланный шерстяной товаръ изготовленъ изъ прежнихъ, болѣе дешевыхъ запасовъ шерсти: подобное объясненіе движенія цѣнъ совершенно противорѣчитъ какъ здравому практическому смыслу, такъ и основному экономическому закону образованія цѣны изъ отношенія предложенія къ спросу. Мы весьма сожалѣемъ, что не могли собрать точныхъ данныхъ о движеніи цѣнъ на шерсть, которыя, впрочемъ, устанавливаются на украинскихъ ярмаркахъ (въ Харьковѣ), а не на Нижегородской, гдѣ торговля сырою шерстью не играетъ никакой роли. Шерсть испытала у насъ въ послѣдніе годы, послѣ Восточной войны, много переворотовъ, весьма крутыхъ и весьма любопытныхъ. Сколько намъ извѣстно, цѣны на шерсть вообще значительно оживились въ 1864 г., но поднялись весьма не одинаково для разныхъ сортовъ (всего выше идущіе за границу), такъ что нѣкоторые даже вовсе не вздорожали. Отпускъ за границу, въ сравненіи съ 1863 г., не могъ не усилиться подъ вліяніемъ паденія курса и измѣнившихъ-

* Вообще исчисляютъ вздорожаніе шерстяныхъ издѣлій на ярмаркѣ 1864 г. отъ 10% до 15%, а сырой шерсти около 25% (смотря по сортамъ). По за эти послѣднія данныя, не нами собранныя, мы не ручаемся

ся денежныхъ обстоятельствъ, но усилился въ довольно незначительной степени (съ 1.142.000 пуд. до 1.383.000). Нынѣшнее (съ 1864 г.) возвышеніе цѣнъ на шерсть послѣдовало послѣ весьма крутаго ихъ паденія на украинскихъ ярмаркахъ въ 1862 г.; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что цѣны на шерсть, подъ вліяніемъ спекуляціи, непомѣрно возвысились на украинскихъ рынкахъ послѣ Восточной войны. Этимъ-то ненормально высокимъ уровнемъ, съ которымъ обыкновенно сравниваютъ нынѣшнія цѣны, и должно, кажется, объяснить слабость возвышенія, сравнительно съ вздорожаніемъ хлопка и съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ.

Торговля *шелкомъ* на ярмаркѣ весьма характеристична по отношенію къ общему положенію нашихъ дѣлъ. Шелкъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, весьма вздорожалъ на всемірныхъ рынкахъ; шелкъ-сырецъ (бухарскій) поднялся на ярмаркѣ 1864 до 200 р. и болѣе за пудъ съ 140—150 р. въ 1863 г. (то-есть болѣе чѣмъ на 42%). Несмотря на такое вздорожаніе матеріяла, постоянно усиливавшееся, шелковыя и золотокружевныя издѣлія, составляющія потребленіе исключительно достаточныхъ классовъ (хотя бы въ томъ числѣ и богатыхъ крестьянъ въ мануфактурныхъ губерніяхъ) и вообще предметъ роскоши, возвысились въ цѣнѣ сравнительно съ 1863 г. лишь на 10 % и шли, несмотря даже на эту относительную дешевизну (въ особенности сравнительно съ бумажнымъ товаромъ), очень тихо. Это заслуживаетъ вниманія. Золотокружевныя издѣлія не могли даже подняться соразмѣрно съ вздорожаніемъ золота и серебра. Сокращеніе потребленія и сбытовъ замѣчается въ этой отрасли болѣе чѣмъ въ какой-либо другой.

Переходимъ къ одной изъ важнѣйшихъ и болѣе спеціяльной отрасли Макарьевскаго торга—къ *кяхтинской чайной торговлѣ*, когда-то считавшейся самою главною и господствующею на ярмаркѣ статьей. Мы не можемъ изложить здѣсь всего хода этой торговли, чрезвычайно сложной и обширной, и всѣхъ многосторонникъ вопросовъ ею затрогиваемыхъ; * мы по-

---

* Желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, мы можемъ рекомендовать обширный трудъ бывшаго управляющаго кяхтинскою таможней, П. К. Крота, — *Матеріялы для обсужденія вопросовъ о чайной торговлѣ*. Спб. 1864 г. Также его: *Будущность кяхтинской торговли*. Спб. 1862 г. Также срав. А. Корсака: *Истори-*

стараемся только представить бѣглый очеркъ кяхтинскихъ чайныхъ оборотовъ, преимущественно въ отношеніи къ общему положенію дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ на нѣкоторыя своеобразныя и малоизвѣстныя публикѣ черты этого дѣла, возбуждающаго нынѣ столько разнорѣчивыхъ у насъ толковъ.

Съ 1862 г., когда былъ дозволенъ ввозъ кантонскаго чая, то-есть чая привозимаго къ намъ моремъ чрезъ западную Европу, болѣе чѣмъ вѣковой * кяхтинскій чайный торгъ вступилъ въ кризисъ, до сихъ поръ окончательно еще не разрѣшившійся; этотъ кризисъ порождаетъ какъ въ нашемъ коммерческомъ мірѣ, такъ даже и въ журналистикѣ много споровъ и ожесточенія. Для безпристрастнаго изслѣдователя очевидно, что съ обѣихъ сторонъ, какъ защитниками, такъ и противниками упомянутой государственной мѣры, было высказано много ошибочныхъ и до крайности преувеличенныхъ взглядовъ. ** Вся наша кяхтинская чайная торговля основана, говорятъ одни, только на невѣжествѣ, рутинѣ и обманѣ; она существуетъ единственно для личныхъ выгодъ нѣсколькихъ торговцевъ, захватившихъ ее въ свои руки и по своему произволу назначающихъ цѣны на чай; она никакъ не можетъ устоять при успѣхахъ отечественнаго просвѣщенія, и даже желательно чтобъ она какъ можно скорѣе рушилась. Нѣкоторые прибавляютъ, что она уже и пала окончательно со ввозомъ кантон-

---

ческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Казань 1857 г.; Н. Овсянникова. *Нижегородская ярмарка* (ст I въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1865 года № 1). Въ основаніе нашего изложенія кяхтинской торговли легли почти исключительно данныя, нами лично собранныя (исключая мѣстъ, въ которыхъ сдѣланы нами указанія на чужіе источники), хотя мы постоянно справлялись и съ другими данными.

* Началомъ этого торга должно признать трактатъ русскаго правительства съ китайскимъ, заключенный въ 1728 г. и открывшій для торговли нашей два пограничные пункта: Кяхту и Цурухайту.

** Какъ на образцикъ этого рода полемики мы можемъ указать на „Кризисъ Кяхтинской торговли“ (*Нижегородскій Ярмарочный Листокъ* 1861 г. №№ 19, 20 и 21) и возраженія на эту статью А. П. Шипова (тамъ же № 24 и друг); сверхъ того, недавно появилась въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1865 г. № 1 статья того же автора и въ томъ же духѣ безусловной вражды къ дозволенію ввоза такъ-называемаго кантонскаго чая.

скаго чая, съ которымъ кяхтинскій, ни на что негодный и теряющій свой ароматъ, вслѣдствіе небрежной перевозки, соперничать не можетъ. Въ доказательство рутины и невѣжества приводятъ, между прочимъ, даже и то, что русскіе купцы не покидаютъ Кяхты, и не обращаются къ гораздо болѣе выгоднымъ мѣновымъ пунктамъ около западной границы Китая, тогда какъ, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ торговыми путями Китая и съ географическими и политическими ихъ условіями, сомнительна даже возможность развитія нашей торговли на западной границѣ Китая, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. * Въ доказательство своекорыстія русскаго купечества, торгующаго въ Кяхтѣ чаемъ, приводится, между прочимъ, дороговизна русскихъ товаровъ, обмѣниваемыхъ на чай; русское купечество обвиняется, что оно не улучшило судоходства на Ангарѣ и Енисеѣ, и даже, что не заводитъ въ Сибири, (вмѣсто Московской и Владимірской губерній), фабрикъ для снабженія Китая русскими товарами, и прочее и прочее. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство увѣщевается какъ можно скорѣе покончить съ кяхтинскою чайною торговлей и съ извлеченіемъ какого бы то ни было таможеннаго дохода изъ пошлинъ на чай, которыя оно должно замѣнить прямымъ налогомъ или увеличеніемъ питейнаго акциза и т. п. Не менѣе, конечно, ошибочны странны воззрѣнія, возглашаемыя нѣкоторыми поборниками и противуположной стороны, и можетъ-быть всего ошибочнѣе ихъ борьба ** противъ понятій, подобныхъ вышеизложеннымъ, какъ противъ понятій науки и экономистовъ, къ рядамъ которыхъ нельзя же, какъ бы они того ни желали, причислять людей, печатающихъ всякій вздоръ во имя науки торговли. *** Въ

---

* См. любопытную и прекрасную статью *Н. К. Крита* о торговыхъ путяхъ изъ Китая въ Россію (въ извѣстіяхъ *Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* 1865 г. № 2) Здѣсь, между прочимъ, доказывается, что Кяхта нынѣ самый удобный и выгодный для насъ торговый пунктъ на границахъ Китая.

** Напримѣръ, см. приведенныя выше статьи г. Шипова

*** Что касается до людей офиціяльно и спеціяльно занимающихся политическою экономіей, и въ то же время не только проповѣдующихъ самыя превратныя о ней понятія, но даже уподобляющихъ экономистовъ (за начала свободы торговли) мятежнымъ Полякамъ и демагогамъ, и причисляющихъ, во всеуслышаніе, Тюрго и Биля къ протекціонистамъ (см. *Торговый Сборникъ* 1865 г № 19 „Еще нѣ-

параллель взятымъ выше примѣрамъ, и въ лагерѣ противниковъ кантонскаго чая раздаются не менѣе удивительныя рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: Удешевленіе чая, какъ и всякаго другаго товара, вовсе не есть благо для народа, которому все равно платить 2 р. или 1 р. с. за фунтъ чая; гораздо важнѣе такого удешевленія чая умноженіе количества рабочихъ рукъ, употребляемыхъ для чайной торговли, ямщиковъ между Китаемъ и Москвой, числа работниковъ на фабрикахъ, производящихъ товары для Китая и т. д.; кантонскій чай вреденъ для Россіи, потому что въ обмѣнъ на него идетъ наша звонкая монета, а кяхтинскій чай полезенъ, потому что мы уплачиваемъ за него товарами; притомъ, кяхтинскими чаями торгуетъ русское купечество, а кантонскими иностранное. Таковы главные аргументы высказываемые противъ дозволенія ввоза кантонскаго чая и въ пользу искусственнаго покровительства кяхтинской торговлѣ. Разсуждая такимъ образомъ, какъ будто нарочно умалчиваютъ, что и въ Кяхту идетъ звонкая русская монета, а иногда шла даже преимущественно передъ товарами, и что въ обмѣнъ на кантонскіе чаи, какъ на всякіе иностранные товары, идетъ русскій товаръ; что кантонскіе чаи выписываютъ такіе же коренные русскіе купцы какъ кяхтинскіе торговцы, и что нынѣ нѣтъ русскаго чайнаго торговца (считая въ томъ числѣ и всѣхъ прямыхъ участниковъ кяхтинскаго торга), который бы не торговалъ кантонскимъ чаемъ. Наконецъ, говорились и печатались даже и такія диковинки, будто бы съ пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ усиливается контрабанда, и будто бы ввозъ кантонскихъ чаевъ увеличилъ на западной нашей границѣ контрабанду, отъ которой преимущественно страдаетъ кяхтинская торговля.

Безпристрастный и здравый экономическій взглядъ на это дѣло долженъ установить иныя о немъ понятія. Не очевидно ли, что было бы безразсудно и легкомысленно пренебречь развитіемъ и можетъ-быть даже всею судьбою такой важной отрасли нашей народной дѣятельности какъ кяхтинская торговля, связывающая интересы нашей промышленности и просвѣщенія съ интересами все болѣе и болѣе подпадающаго

сколько словъ и проч.“), то о подобныхъ куріозахъ стоитъ упомянуть лишь для полноты представленной нами выше картины полемики о кяхтинской и свободной международной торговлѣ.

нашему вліянію азіятскаго материка, и равнодушно видѣть истощеніе этой живой жилы, проникающей изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Россіи на внутренніе рынки Китая, въ эпоху можетъ-быть важнѣйшихъ его историческихъ переворотовъ, въ эпоху всеобщихъ усилій Европейцевъ овладѣть китайскою торговлей. Точно также было бы безразсудно пренебречь потрясеніемъ и гибелью сотенъ и можетъ-быть тысячъ милліоновъ капиталовъ и труда, прямо или косвенно затраченныхъ на обороты кяхтинской торговли. Но, съ другой стороны, не менѣе легкомысленно было бы забыть весьма существенные интересы потребителей, то-есть всего народонаселенія Россіи, массѣ котораго до сихъ поръ доступна только одна роскошь — водка, и пожертвовать въ пользу одной отрасли торговли не менѣе почтенными интересами другихъ ея отраслей, связывающихъ насъ съ западною Европой, въ которой мы не менѣе нуждаемся чѣмъ въ Китаѣ, а также интересами государственныхъ финансовъ, для которыхъ пошлинный доходъ составляетъ весьма существенную статью, способную значительно возрасти при пониженіи пошлинъ. Говорить, по поводу нѣкоторыхъ злоупотребленій, что цѣлая организація вѣковой международной торговли основана на однѣхъ плутняхъ, значитъ судить слишкомъ идиллически о торговомъ дѣлѣ и не знать исторіи, которая не только у насъ, но и на всемъ земномъ шарѣ совершала величайшія нравственныя завоеванія, пересаждала всемірную цивилизацію съ одного континента на другой и переходила океаны съ помощью коммерческихъ предпріятій, равно въ такой же мѣрѣ возвышенныхъ и чистыхъ какъ наша кяхтинская торговля (припомнимъ колоніяльную политику западной Европы); въ особенности мы не должны забывать, что въ исторіи нашихъ отношеній къ Азіи торговля играетъ роль одну изъ главныхъ.

Но очевидно также, что кяхтинская торговля должна стоять на своихъ ногахъ, и тогда только можетъ имѣть цѣну для народной жизни, когда не поддерживается искусственными привилегіями въ ущербъ другимъ сторонамъ жизни. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи вопросовъ, относящихся до этой торговли, должны быть строго взвѣшены многосторонніе государственные и народные интересы, ею обусловленные: интересы непосредственныхъ участниковъ торга, русскихъ купцовъ Сибири и внутренней Россіи, про-

мышленниковъ-Сибиряковъ, которыхъ товары (пушные) привозятся въ Россію вмѣстѣ съ чаемъ, интересы фабрикантовъ, работающихъ на Кяхту, и рабочаго класса на ихъ фабрикахъ, интересы потребителей и, наконецъ, казны. Каждый изъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ интересовъ имѣетъ право на уваженіе и охраненіе при измѣненіи таможенной системы, которая нынѣ, однакоже, должна неуклонно уступать требованіямъ времени и стремиться къ возможно большему устраненію всякихъ стѣсненій международной торговли и къ возможно большему возрастанію обмѣновъ (какъ ввоза, такъ и вывоза).

Впрочемъ, кяхтинская торговля до сихъ поръ энергически выдерживаетъ наступившій для нея кризисъ, и на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г выдержала его даже съ особеннымъ блескомъ. Какова бы ни была ея будущность, она, славу Богу, далеко не покончила свое существованіе и этимъ всего лучше отвѣчала на мечтательныя гаданія и своихъ защитниковъ, и своихъ противниковъ.

Но прежде чѣмъ перейдти къ обстоятельствамъ чайной торговли на Нижегородской ярмаркѣ 1864 года, считаемъ не излишнимъ сообщить вкратцѣ нѣкоторыя особенности организаціи этой торговли.

Чтобы переселиться съ китайскихъ плантацій подъ краны русскихъ самоваровъ, кяхтинскій чай долженъ перейдти черезъ руки многихъ посредниковъ чайной торговли; каждая категорія этихъ посредниковъ имѣетъ свое особенное назначеніе, свою экономическую функцію, отличную отъ другихъ. Упомянемъ о важнѣйшихъ категоріяхъ. Въ Кяхту или Маймачинъ доставляютъ чай не сами производители его въ Китаѣ, а китайскіе торговцы-перекупщики. У нихъ русскіе *купцы-Сибиряки* вымѣниваютъ чай на русскіе товары. Эти первые покупщики чая (или настоящія первыя руки), именуемые большею частью *Сибиряками* (хотя они, какъ увидимъ, и не всѣ Сибиряки), продаютъ чай въ Нижнемъ, Москвѣ, Ирбити и вообще въ Россіи и покупаютъ русскіе товары для обмѣна на чай съ Китайцами. * Макарьевская или Нижегородская

* Хотя мимоходомъ назовемъ русскіе товары, идущіе въ обмѣнъ на кяхтинскій чай: шерстяные (сукно, драдедамъ, камлотъ: это важнѣйшая статья нашего вывоза), кожевенные (козловые, сафьянные, юфтовые: эта статья дѣлается все болѣе и болѣе важною); хлопчатобумажные (плисъ, канка: эта статья совсѣмъ упала); льняные и пеньковые (чешуйка, тикъ, кановатъ: эта статья также падаетъ.

ярмарка составляетъ, вслѣдствіе удобствъ своего географическаго положенія (на водяномъ пути изъ Сибири въ Москву), и вслѣдствіе издавна вкоренившагося обычая производить здѣсь разцѣнку чаевъ и платежи за нихъ, составляетъ главный складочный центръ кяхтинской торговли; но кяхтинскіе чаи идутъ въ Россію и помимо ярмарки, въ теченіе цѣлаго года, преимущественно въ Москву, куда, приблизительно, доставляется такое же ихъ количество какъ и на ярмарку. У Сибиряковъ покупаютъ чай большими партіями (нѣсколькими тысячами ящиковъ или цибиковъ) гуртовщики, большею частью московскіе купцы (отчасти и казанскіе, много занимавшіеся чайною торговлей). Эти гуртовщики называются партіонными покупщиками или *первыми руками* (также амбарными продавцами чая), хотя они въ дѣйствительности суть уже вторыя руки. Отъ партіонныхъ покупщиковъ чай переходитъ въ третьи руки (называемыя обыкновенно *вторыми*), или къ городовымъ купцамъ, которые въ большомъ числѣ съѣзжаются со всей Россіи къ Макарію запастись чаемъ, и здѣсь ожидаютъ его разцѣнки и покупки гуртовщиками у Сибиряковъ. Эти *вторыя* или въ дѣйствительности третьи руки— розничные торговцы или магазинщики (въ противоположность амбарщикамъ, не имѣющимъ вовсе магазиновъ для розничной торговли), покупаютъ чай сотнями ящиковъ, вообще до одной тысячи, и хотя они уже продаютъ чай потребителямъ, въ открытыхъ лавкахъ (чего не дѣлаютъ первыя руки, имѣющія только амбары или склады чая), но и ими большею частію не заканчивается рядъ торговцевъ чая: они нерѣдко закупаютъ большія партіи чая, которыми на мѣстахъ снабжается несмѣтное количество мелочниковъ. Но сверхъ этихъ категорій продавцевъ чая являются еще весьма существенные участники торга: *комиссіонеры*, большею частію Москвичи, не покупающіе чай у Сибиряковъ за свой счетъ, а получающіе его только на коммиссію и на складъ на цѣлый годъ; далѣе, *доставщики* * чая изъ Кяхты до Нижняго и Москвы, принимающіе на свою отвѣтственность доставку чужаго чая и, вслѣдствіе трудности и обширности этой операціи, отправляющіе особую, весьма важную экономическую функцію; наконецъ, *спекулянты*, которые покупаютъ пар-

* Эти доставщики суть кяхтинскіе торговцы, вмѣстѣ съ своимъ чаемъ доставляющіе и чужой.

тію чая, только для того чтобъ ее перепродать тутъ же, и которые существуютъ и въ чайной торговлѣ подобно всякой другой (хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ). Московскіе комиссіонеры играютъ важную, едва ли не важнѣйшую роль въ кяхтинской чайной торговлѣ и въ особенности въ главнѣйшемъ актѣ ея годоваго круга—въ разцѣнкѣ и распродажѣ чая у Макарія; они главные посредники между Сибиряками, большею частію не являющимися на ярмарку самолично, а присылающими чай съ *довѣренными*, и первыми или партіонными покупщиками они-то собственно разцѣнщики товара и уставщики цѣнъ. Эту силу даетъ комиссіонерамъ кредитъ, который они открываютъ Сибирякамъ, нуждающимся въ наличныхъ деньгахъ или кредитѣ для закупки русскихъ товаровъ въ Нижнемъ и Москвѣ и чая въ Кяхтѣ, и не могущимъ ждать на ярмаркѣ или въ Москвѣ, въ случаѣ невыгодно состоявшихся цѣнъ на чай, или въ случаѣ остатка у нихъ непроданнаго чая. Это послѣднее обстоятельство именно и придаетъ особенное значеніе комиссіонерамъ: взявъ товаръ на коммиссію и доставивъ Сибирякамъ наличныя деньги или же товаръ для обмѣна на чай, они даютъ имъ возможность выиграть время, не быть прижатыми и избѣжать слишкомъ злополучныхъ катастрофъ, въ какія неминуемо могли бы попадать люди, находящіеся въ подобныхъ обстоятельствахъ торга какъ Сибиряки. Какимъ образомъ эти комиссіонеры, занимающіеся также и спекуляціей, которая всего для нихъ сподручнѣе, въ сущности уравниваютъ цѣны на чай и устраняютъ слишкомъ крутые повороты въ цѣнахъ? Они знаютъ досконально положеніе торговыхъ и фабричныхъ дѣлъ въ Москвѣ—главномъ и настоящемъ центрѣ всѣхъ кяхтинскихъ операцій; слѣдятъ за движеніемъ цѣнъ на фабричные товары, изготовляемые для Кяхты, за требованіями на чай и его запасами въ Москвѣ, наконецъ,—за положеніемъ дѣлъ партіонныхъ покупщиковъ. На нихъ лежитъ вся корреспонденція. Понятно какъ они необходимы для Сибиряковъ. Такихъ комиссіонеровъ бываетъ весьма немного, иногда (какъ въ прежнее время) одинъ, два (нынѣ, кажется, гораздо болѣе); понятно въ какой степени велико ихъ вліяніе на дѣло. Когда-то существовалъ одинъ такой человѣкъ, который всесильно орудовалъ всею чайною операціей, и отъ котораго зависѣла вся развязка торга. Этихъ московскихъ комиссіонеровъ не

должно смѣшивать съ кяхтинскими комиссіонерами, которые берутъ на коммиссію отъ Москвичей (партіонныхъ покупщиковъ чая) покупку за ихъ счетъ чая въ Кяхтѣ. Спеціальныя занятія каждой изъ названныхъ категорій участниковъ кяхтинскаго торга часто соединяются въ одномъ лицѣ; это не мѣшаетъ, однако, каждой категоріи имѣть свою особую функцію. Такъ почти всѣ или по крайней мѣрѣ важнѣйшіе московскіе партіонные или амбарные чайные торговцы, вышедшіе большею частію изъ среды кяхтинскихъ Сибиряковъ, выписываютъ прямо для себя чай изъ Кяхты; даже настоящихъ мѣстныхъ Сибиряковъ теперь немного. Московскіе комиссіонеры имѣютъ и свой чай для продажи; городовые розничные купцы торгуютъ и оптомъ; доставщики продаютъ и свой чай и т. д.

Каждый посредникъ и участникъ этого торга пользуется прибылью на чай, имѣетъ свою пользу и потому очевидно, что чай переходитъ къ потребителямъ съ огромною надбавкой въ цѣнѣ въ сравненіи съ первоначальною (кяхтинскою) его стоимостью. Чай переходитъ отъ партіонныхъ къ розничнымъ торговцамъ вообще съ надбавкой отъ 5 до 10 руб. на ящикъ, смотря по обстоятельствамъ торга. Комиссіонеры получаютъ отъ 1% до $1^1/_2$% прибыли, независимо отъ вознагражденія за кредитъ. Однако, каждое звено въ этомъ механизмѣ торга необходимо, и каждая прибыль достается не даромъ, тѣмъ болѣе что чистая спекуляція, которая также не безполезна, весьма незначительна въ этомъ торгѣ. Публикѣ, никогда не задумывающейся надъ вопросомъ какъ перешелъ чай изъ Китая въ ея чашки, лишь бы онъ былъ какъ можно дешевле, можетъ казаться излишнимъ такое сложное посредничество, какъ будто заведенное по прихоти купцовъ и единственно для ихъ наживы. Всего болѣе излишними могутъ казаться партіонные торговцы, которые, получая товаръ отъ Сибиряковъ, раздаютъ его во вторыя руки; между тѣмъ они, вмѣстѣ съ комиссіонерами, составляютъ главное и необходимое звено всего дѣла они и комиссіонеры представляютъ въ своемъ лицѣ *знаніе* (товара и рынковъ), *капиталъ* и *кредитъ*, безъ всесильной помощи которыхъ невозможно было бы то безостановочное снабженіе продуктомъ, произрастающимъ близъ береговъ Восточнаго океана, каждаго самаго дальняго и глухаго закоулка Россіи, хотя бы онъ лежалъ внѣ всякихъ не только морскихъ, но и какихъ бы то ни было путей и

вдалекѣ отъ всякихъ коммерческихъ центровъ. Какъ комиссіонеры, въ ряду этихъ трехъ основныхъ элементовъ всякаго торговаго дѣла, представляютъ собою преимущественно знаніе и отчасти кредитъ, такъ партіонные торговцы преимущественно капиталъ. Для правильнаго хода розничной торговли во всемъ государствѣ нужно существованіе постоянныхъ запасовъ чая въ Москвѣ, куда они *не могутъ* ежедневно и безпрерывно приходить изъ Сибири, и откуда они *должны* ежедневно и безпрерывно расходиться, и дѣйствительно такъ расходятся по всей Россіи. Для безостановочнаго обмѣна чая въ Кяхтѣ, куда ежедневно прибываютъ караваны съ мелкими и крупными партіями чая изъ Китая, Сибирякамъ нужны постоянныя наличныя деньги или русскіе товары, на которые они и получаютъ чай въ теченіе цѣлаго года. Деньги, то-есть звонкую монету (кредитные билеты нынѣ также принимаются Китайцами, но, разумѣется, по курсу, то-есть настолько, насколько на нихъ можно получить монеты), и товары они закупаютъ и заказываютъ преимущественно на Макарьевской ярмаркѣ, гдѣ даютъ задатки за товаръ или прямо его покупаютъ. Таково главное значеніе для нихъ Макарьевской ярмарки; и для этого имъ нужны наличныя деньги или кредитъ, безъ которыхъ, что̀ называется по-русски, *ничего не подѣлаешь*. Партіонные торговцы сортируютъ и разомъ разбираютъ товаръ, снабжая деньгами Сибиряковъ и раздавая чай въ сроки (отъ ярмарки до ярмарки на 12 мѣсяцевъ, или до Ирбитской) городовымъ купцамъ, которые продавая чай на мѣстахъ по мелочамъ, въ теченіе цѣлаго года, и не имѣя возможности въ точности опредѣлить свой сбытъ, вынуждены непремѣнно пользоваться кредитомъ, и расплачиваются большею частію уже за прошедшее время, за распроданный ими чай. Для этого партіонными торговцами затрачивается капиталъ, и нуженъ кредитъ ихъ самихъ или комиссіонеровъ, посредствомъ котораго они всегда могутъ (учетомъ векселей, выданныхъ ихъ покупателями, или иначе) достать наличныя деньги; далѣе, имъ нужно короткое знакомство съ положеніемъ городовыхъ купцовъ, совершенно неизвѣстныхъ Сибирякамъ. Въ крайнемъ случаѣ комиссіонеры исполняютъ обязанности партіонныхъ торговцевъ. Городовые купцы могли бы съ значительною для себя выгодой покупать чай прямо отъ Сибиряковъ, съ Сибирской пристани (гдѣ стоятъ горы цыбиковъ, около которыхъ

живутъ довѣренные Сибиряковъ въ рогожныхъ балаганахъ) такія покупки и случаются, но только въ видѣ исключенія, ибо для этого необходимы наличныя деньги, и притомъ весьма большія, такъ какъ чай Сибиряками продается вообще только большими партіями. Надо, кромѣ того, замѣтить, что въ партіяхъ Сибиряковъ заключаются обыкновенно ящики самыхъ разнообразныхъ сортовъ; можетъ случиться также и наоборотъ, что въ Кяхтѣ закупленъ только одинъ какой-нибудь сортъ, тогда какъ розничному торговцу нужны другіе сорты. Наконецъ, изъ первыхъ амбарныхъ рукъ во вторыя розничныя партіи могутъ переходить не по кяхтинскимъ фактурамъ, * но уже въ томъ видѣ, и въ тѣхъ сортахъ, какіе требуются для розничной продажи; другими словами,—по разцѣнкѣ и по новой сортировкѣ чаевъ, что̀ и составляетъ неотъемлемую принадлежность розничной торговли.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить одну изъ особенностей кяхтинской чайной торговли въ разцѣнкѣ товара. По каждой партіи и фактурѣ, заключающихъ въ себѣ весьма разнообразныя по качеству и цѣнѣ чаи, выводится общая средняя цифра цѣны каждаго ящика, посредствомъ простаго ариѳметическаго раздѣленія общей суммы денегъ, въ какую оцѣнена партія, на число ящиковъ. Объ этой средней цифрѣ и говорится какъ о цѣнѣ чая на ярмаркѣ; но фактуры и партіи могутъ быть весьма различныхъ качествъ и цѣнъ, а потому и среднія цѣны ящиковъ въ разныхъ партіяхъ бываютъ различны. Понятно поэтому, что эта средняя цѣна ящика только приблизительно вѣрна для опредѣленія состоявшихся ярмарочныхъ цѣнъ на чай. Эта система разцѣнки товара происходитъ вслѣдствіе перехода изъ однѣхъ рукъ въ другія тѣхъ же самыхъ китайскихъ партій, составленныхъ

---

* Кяхтинскія русскія фактуры (кромѣ ихъ есть еще китайскія, по которымъ продаются чаи Китайцами Сибирякамъ) составляются на гербовой бумагѣ съ необыкновенною тщательностью: въ нихъ показывается качество чая, вѣсъ его и вѣсъ *тары* (первоначальной китайской упаковки, то-есть корзины, и шири или кожи, въ которую зашивается корзина русскими купцами для отправленія въ Россію), въ каждомъ ящикѣ, съ точностью до $^1/_8$ фунта. Тара (средняя до 12 фунтовъ на ящикъ, а въ ящикѣ среднимъ числомъ 87 фунт. чая) составляетъ важный вопросъ, ибо вслѣдствіе дороговизны перевозки она увеличиваетъ цѣну чая; притомъ она и сама по себѣ стоитъ отъ 5 до 7 руб. на ящикъ.

изъ различныхъ сортовъ чая; разцѣнка по сортамъ чая, а не по партіямъ, и составленіе особыхъ фактуръ и партій по каждому сорту были бы правильнѣе. Но такая разцѣнка относительно кяхтинскихъ чаевъ бываетъ лишь при переходѣ ихъ отъ гуртовщиковъ къ мелочникамъ. Порядокъ торговли кантонскимъ чаемъ совершенно иной; онъ привозится въ Россію въ томъ количествѣ по каждому сорту, какое выписывается по образцамъ первыми гуртовыми торговцами; очевидно, что этотъ порядокъ правильнѣе и удобнѣе для торговли чѣмъ порядокъ, господствующій въ кяхтинской торговлѣ.

Доставка товаровъ отъ Кяхты до Нижняго и Москвы сама по себѣ огромное и сложное дѣло. Наемъ ямщиковъ, перекладка ящиковъ чая на новые возы новыми ямщиками, проба чая въ каждомъ ящикѣ (на 4-хъ главныхъ станціяхъ въ Иркутскѣ, Томскѣ, Тюменѣ и Перми) составляютъ цѣлый рядъ весьма важныхъ операцій, возлагаемыхъ на находящееся при каждомъ караванѣ особое довѣренное отъ доставщика лицо Обычай и опытъ установили особыя на все правила; такъ, напримѣръ, для пробы полагается 2 фунта на ящикъ (по ½ ф. на каждую станцію или по ¼ ф. на каждый изъ двухъ совковъ, вынимаемыхъ изъ ящика).

Такова, въ общихъ чертахъ, эта организація, сложившаяся сама собою, естественнымъ образомъ; понятно, что еслибы приходилось заводить и устраивать ее искусственно, напримѣръ, административнымъ порядкомъ, то понадобились бы цѣлые департаменты и безчисленное множество агентовъ и присутственныхъ мѣстъ во всѣхъ краяхъ слѣдованія и продажи. Мы воспользовались настоящимъ случаемъ для многихъ цѣлей, кромѣ ознакомленія собственно съ кяхтинскою торговлей; такъ, между прочимъ, изъ сказаннаго выясняется одна изъ важнѣйшихъ ролей всей Нижегородской ярмарки въ нашей внутренней торговлѣ, ибо относительно и многихъ другихъ товаровъ повторяется, въ другомъ видѣ, то же самое что̀ мы прослѣдили для чая.

Переходъ чая отъ Сибиряковъ въ первыя руки, или такъ-называемая *разцѣнка чаевъ*, составляетъ первое дѣйствіе чайнаго торга на Макарьевской ярмаркѣ; къ нему приступаютъ послѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ совѣщаній, чаепитій и закусокъ. Отъ этого дѣйствія, называемаго также *развязкой* чайнаго дѣла, зависитъ судьба товара на цѣлый

годъ и судьба многочисленныхъ городовыхъ купцовъ, въ теченіе недѣли и болѣе ежеминутно чающихъ движенія воды у дверей палатокъ партіонныхъ торговцевъ и комиссіонеровъ, главенствующихъ въ своемъ каменномъ Китайскомъ ряду надъ всѣмъ людомъ чайнаго торга. Извѣстіе о развязкѣ, совершающейся посреди глубочайшаго молчанія участниковъ и окруженной таинственностью на подобіе священнодѣйствія, мигомъ разносится по ярмаркѣ. Чай пошелъ во вторыя руки. Эта торжественная минута въ былое время и считалась самымъ трагическимъ моментомъ Макарьевской ярмарки,—моментомъ господствующимъ надъ ея судьбой. Милліоны, уплаченные за кяхтинскій чай, приводятъ, говорили, въ движеніе всю ярмарку. Сибиряки закупаютъ и заказываютъ мануфактурные товары, фабриканты и торговцы мануфактурныхъ товаровъ расплачиваются съ своими кредиторами, покупаютъ и заказываютъ нужные имъ товары и матеріялы, и т. д. Наконецъ, съ окончаніемъ чайной развязки, ярмарочный міръ и во главѣ его толстые Сибиряки подымались къ разъѣзду, *ко дворамъ* (какъ говорится по-владимірски) и къ прощанью наставала самая шумная эпоха для увеселительныхъ заведеній! Справедливъ или преувеличенъ господствовавшій въ прежнее время взглядъ на развязку съ чаемъ, нынѣ эта развязка вовсе не имѣетъ такого значенія для ярмарки.

Теперь мы можемъ уже перейдти къ развязкѣ кяхтинскаго чая на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. и посмотрѣть какъ на причины этой развязки, такъ и на возможные по ней указанія будущаго. Развязка 1864 г. была, какъ извѣстно, самая блестящая; кяхтинскіе торговцы, разумѣя подъ ними какъ привозителей—Сибиряковъ, такъ и прямыхъ выписчиковъ чая—Москвичей, то-есть настоящія первыя руки, получили, по собственному ихъ признанію, большіе барыши, вознаградившіе ихъ за злополучную развязку и убытки на ярмаркѣ 1863 г. въ этомъ году болѣе половины кяхтянскаго чая осталось непроданнымъ, и цѣны состоялись на 10%—20% ниже цѣнъ 1862 г. Въ 1864 г. кяхтинскіе чаи проданы отъ 15 даже до 40 р. дороже на ящикъ чѣмъ въ 1863 г. (приблизительно отъ 100 до 140 р. за ящикъ, тогда какъ въ 1863 г. цѣны были отъ 75 р. до 100 р.). Это вздорожаніе, составляющее отъ 25 % до 40%, весьма значительно, и оно сдѣлалось чрезвычайно быстро, ибо еще за два мѣсяца до ярмарки цѣ-

ны стояли въ Москвѣ около 85 р. на ящикъ. Во вторыя и третьи руки чаи шли весьма быстро и съ значительными надбавками. Почти весь запасъ чая на ярмаркѣ проданъ; ничтожный остатокъ придержанъ самими продавцами, которые могли бы все сбыть. Но одно вздорожаніе цѣнъ на товаръ еще не доказываетъ барышей торговцевъ. А здѣсь барыши были значительные, ибо по собственному признанію Кяхтинцевъ, даже при возможномъ въ послѣдствіи пониженіи чая на 10%, они могутъ надѣяться продавать чай съ выгодою для себя. Вздорожаніе кяхтинскаго чая на ярмаркѣ, по общему мнѣнію, произошло отъ гораздо меньшаго привоза его въ сравненіи съ 1863 г. (почти на половину), * отъ меньшаго привоза кантонскаго чая въ сравненіи съ 1863 г., отъ вздорожанія послѣдняго, вслѣдствіе паденія нашихъ вексельныхъ курсовъ, отъ уменьшенія привоза контрабаднаго чая съ западной границы и, наконецъ, отъ улучшенія добротности кяхтинскаго чая въ сравненіи съ предыдущими его привозами и въ сравненіи съ кантонскимъ чаемъ.

Разсмотримъ ближе всѣ эти обстоятельства. Кяхтинцы не только могли дороже продать свой товаръ чѣмъ въ 1863 г., но онъ и обошелся имъ дешевле, ибо, закупивъ у Китайцевъ немного болѣе половины пропорціи 1863 г., они заставили ихъ уступить въ цѣнѣ, да и самый провозъ отъ Сибири до Нижняго былъ въ 1864 г. дешевле чѣмъ въ предыдущихъ годахъ. Затѣмъ, выбранные у Китайцевъ чаи были лучшаго достоинства чѣмъ въ прежніе годы, и потому потребители чая собственно ничего не проиграютъ отъ повышенія его цѣны. Довольные такою развязкой, Кяхтинцы бойко покупали и заказывали на ярмаркѣ товары для будущихъ своихъ размѣновъ на чай. Такимъ образомъ, мы видимъ, что конкурренція кантонскаго чая, вслѣдствіе малаго его привоза въ 1862 г. и довольно высокой цѣны (при довольно низкихъ вексельныхъ курсахъ, около 10% ниже пари), не испугала Кяхтинцевъ: послѣ

* Привезено на ярмарку.	Кяхтинскаго чая (байховаго)	Кантонскаго.
1862 г.	52.000 ящ.	600.000 фунт.
1863 г.	60 000 —	1.400.000 —
1864 г.	38 500 —	800 000 —

Цифры привоза чая на ярмарку достовѣрнѣе всѣхъ прочихъ цифръ. Хотя не весь чай идетъ въ Россію чрезъ посредство Нижегородской ярмарки, но количество проданное на ней служитъ главнымъ масштабомъ всего привоза въ теченіе года.

удовлетворительной распродажи 1862 г. они привезли на ярмарку 1863 г. еще бо́льшее количество своего товара, но тутъ потерпѣли страшное пораженіе, при дешевизнѣ кантонскаго чая, которому исключительнымъ образомъ благопріятствовали наши высокіе вексельные курсы 1863 г. (пари). Въ 1864 г. дѣло снова повернулось, какъ мы уже видѣли.

Въ какой же степени кяхтинская чайная торговля можетъ процвѣтать и на будущее время? Въ какой степени долговѣчны условія, нынѣ для нея благопріятныя?

Вникая въ сущность обстоятельствъ *выгодной* распродажи чая въ 1864 г., нельзя не убѣдиться, что эти обстоятельства во многихъ отношеніяхъ *исключительныя*, и что кризисъ, наступившій для кяхтинской торговли съ допущеніемъ въ 1862 г. кантонскаго чая, еще не миновалъ.

Чтобы судить въ какой степени кяхтинскій чай можетъ выдержать въ будущемъ соперничество кантонскаго, кажется, прежде всего необходимо сравнить *стоимость* (расходы пріобрѣтенія и доставки) того и другаго и опредѣлить наименьшую возможную ея величину; и затѣмъ, повидимому, уже легко сдѣлать самыя точныя предсказанія относительно будущности кяхтинской торговли. Но именно, потому что относительно кяхтинскаго чая невозможны точныя изысканія по этому коренному вопросу * (хотя и было не мало попытокъ, по нашему мнѣнію, однако безуспѣшныхъ), всѣ предсказанія болѣе или менѣе гадательны. Невозможность точнаго изслѣдованія *стоимости* кяхтинскаго чая явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній

Исчисленіе расходовъ пріобрѣтенія, возможныхъ барышей и убытковъ для купцовъ, участвующихъ въ кяхтинской чайной торговлѣ, чрезвычайно сложно и запутано, какъ сложны и запутаны различныя, и отчасти даже противоположныя, коммерческія обстоятельства и интересы, обусловливающія этотъ торгъ въ двухъ его составныхъ элементахъ — *чаѣ* и *товарахъ* (цѣнностяхъ), идущихъ въ обмѣнъ на чай. Поэтому, между прочимъ, читатели не должны удивляться, если встрѣтятъ въ самомъ нашемъ

---

* Поэтому мы не занимались вовсе этимъ вопросомъ въ настоящемъ трудѣ, хотя и имѣемъ нѣсколько вычисленій, сдѣланныхъ намъ самими торговцами.

изложеніи нѣкоторыя какъ будто противорѣчія, которыя возникаютъ по необходимости изъ свойствъ самого дѣла. *

Въ особенности затрудняетъ всякіе коммерческіе разчеты, относительно кяхтинской торговли, ея исключительно *мѣновой* характеръ, лишающій ее по самой своей сущности не только настоящей денежной, но и всякой сколько-нибудь прочной *разчетной единицы*. Потому-то собственно и фантастичны всякія исчисленія *стоимости* кяхтинскаго чая: на чемъ можетъ быть основана стоимость, для которой нѣтъ никакого масштаба? Понятно, до какой степени эта трудность увеличивается и усложняется общимъ разстройствомъ нашей денежной системы и колебаніями монетной единицы, по необходимости, какъ увидимъ, обусловливающей собою и ходъ кяхтинской торговли, независимо отъ разчетной единицы, ей собственно принадлежащей.

Несмотря на полную отмѣну (сперва въ 1855 г. и окончательно лишь въ 1861 г.) всѣхъ ограниченій закона, препятствовавшихъ свободному обмѣну китайскихъ товаровъ на русскія деньги и драгоцѣнные металлы и искусственнымъ образомъ поддерживавшихъ ея *мѣновый* характеръ (то-есть мѣну товара на товаръ), этотъ характеръ, преобладающій во всей нашей азіятской торговлѣ, ** не скоро исчезнетъ и въ кяхтинской. Даже когда кяхтинскіе купцы расплачиваются съ Китайцами чистыми деньгами (звонкою монетой и кредит-

---

* Все наше изложеніе не болѣе какъ опытъ сколько-нибудь строгаго изложенія свѣдѣній о кяхтинской торговлѣ, на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ жизни. Поставляя на видъ различные вопросы, связанные съ этимъ запутаннымъ дѣломъ, мы желали бы возбудить сужденія людей, болѣе насъ знакомыхъ съ его техникой.

** Въ высшей степени любопытенъ вопросъ вообще о денежной единицѣ въ нашей азіятской торговлѣ. Извѣстныя намъ данныя еще недостаточны для полнаго разъясненія этого весьма темнаго вопроса. Какъ понимать, напр., что въ то время какъ полуимперіялъ стоилъ у насъ 6 р. 30 к. (на кредитные билеты) въ Бухарѣ онъ шелъ 5 р. 50 к.? По какой единицѣ исчислена эта послѣдняя цифра (по бухарской ли денежной единицѣ, по нашимъ ли кредитнымъ билетамъ, или иначе), мы до сихъ поръ, признаемся, не могли настоящимъ образомъ добиться. Одно очевидно: чрезвычайная сложность элементовъ, входящихъ въ составъ этого исчисленія (одна цѣнность переводится на другую, другая на третью и т. д.

нымч билетами по курсу), то и тогда деньги (хотя бы онѣ шли и въ большемъ количествѣ чѣмъ товаръ) идутъ не иначе какъ въ качествѣ приплаты къ русскимъ товарамъ; къ послѣднимъ всегда примѣриваются чаи, на нихъ торгуются и они служатъ единицею мѣны. Обычною разчетною единицей принимается *половинка сукна*, самаго ходкаго русскаго товара въ Китаѣ. Торгуются сколько нужно отдать половинокъ сукна за извѣстное число ящиковъ чая. Чтобы рѣшить сколько получено русскимъ купцомъ пользы изъ этого обмѣна, необходимо знать не только каковъ вымѣненный чай, и какая стоитъ ему теперь цѣна на китайскихъ и русскихъ рынкахъ, и какая будетъ стоять когда онъ пойдетъ въ продажу у Макарія или въ Москвѣ; но кромѣ того нужно сообразить также, въ какую цѣну обошлось сукно, какая на него цѣна въ моментъ обмѣна и даже, для вѣрности разчета, какая будетъ при продажѣ чая. Другими словами, приходится разомъ основывать исчисленія барышей и убытковъ операціи на цѣнѣ двухъ товаровъ, сравнивая притомъ эти цѣны на разстояніи цѣлаго года времени и нѣсколькихъ тысячъ верстъ пространства, ибо въ обмѣнъ на чай идетъ товаръ закупленный въ другой части свѣта, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а чай пойдетъ въ продажу также въ другой части свѣта и нѣсколько мѣсяцевъ позже. Какова же измѣнчивость обстоятельствъ на такихъ пространствахъ мѣста и времени? Каковы должны быть проценты и страховая премія для покрытія рисковъ такой операціи? Но всѣ эти неудобства ничто въ сравненіи съ главнымъ—необходимостью торговать рѣшительно наугадъ, при невозможности опредѣлить стоимость покупаемаго товара, то-есть во что̀ обошелся чай при каждой покупкѣ, такъ какъ эта стоимость исчисляется не на основаніи денежной металлической единицы, цѣнность которой весьма постоянна на всемъ земномъ шарѣ, а на основаніи измѣнчивой цѣнности, какова цѣнность сукна или другаго обмѣниваемаго товара. Драгоцѣнные металлы и деньги, въ значительномъ количествѣ приплачиваемые за кяхтинскій чай къ товарамъ, также исчисляются и примѣриваются къ чаю на основаніи той же товарной единицы; полуимперіалъ имѣетъ здѣсь ту или другую цѣну, смотря потому, какую онъ имѣетъ цѣну сравнительно съ половинкой сукна. Путаница разчетовъ по кяхтинской торговлѣ, вслѣдствіе отсутствія монетной единицы, обнаруживается, между прочимъ, въ такихъ чудовищныхъ фактахъ какъ назначеніе цѣнъ

русскихъ товаровъ въ Кяхтѣ ниже цѣнъ ихъ на внутреннихъ рынкахъ Россіи (въ Москвѣ); подобныя явленія, очевидно, происходятъ отъ того, что насколько дешевле оцѣнивается русскій товаръ при обмѣнѣ на чай, настолько русскіе купцы оцѣниваютъ ниже послѣдній. Но неужели подобныя уловки, впрочемъ весьма естественныя при мѣновой торговлѣ, не запутываютъ счетовъ о барышахъ и убыткахъ? Эти барыши и убытки оказываются лишь по истеченіи значительнаго времени, когда вдругъ нежданно торговля заканчивается или огромнымъ капиталомъ, нажитымъ на небольшія деньги, или банкротствомъ послѣ огромныхъ капиталовъ и операцій, казавшихся блестящими. Сверхъ всего этого, мѣновой характеръ кяхтинской торговли влечетъ за собою еще одно важное неудобство онъ препятствуетъ правильности соображеній о соразмѣреніи покупки чая съ его сбытомъ, съ требованіями чайнаго рынка въ Россіи; онъ заставляетъ соразмѣрять количество покупаемаго чая съ количествомъ русскихъ товаровъ, находящихся въ наличности и ожидаемыхъ въ Кяхтѣ, а это количество зависитъ преимущественно отъ результатовъ прошлогодней продажи чая въ Нижнемъ, Москвѣ, Ирбитѣ, и проч., и также отъ условій производства и количества запасовъ этихъ товаровъ въ Россіи. Понятно, какія могутъ быть удивительныя послѣдствія этого обстоятельства. такъ, напримѣръ, въ 1847 г. было навезено въ Нижній несмѣтное количество чая, до 200 тысячъ ящиковъ, безъ всякаго соображенія со спросомъ на него въ Россіи, и кяхтинскіе купцы потерпѣли страшные убытки. Наконецъ, мѣна товаровъ на чай идетъ цѣлый годъ, по мелочамъ и по разнымъ цѣнамъ, и потому только приблизительно, принимая при этомъ въ разчетъ среднюю стоимость сукна, можно вывести во что̀ обошлись партіи чая, отправляемыя въ Россію.

Недостатокъ прочной монетной единицы есть вообще язва всей нашей азіятской торговли, въ которой преобладаетъ мѣна товара на товаръ. Это неудобство могло бы быть значительно парализовано прочностью и постоянствомъ цѣнности русской денежной единицы; тогда приходилось бы только исчислять на нее цѣну всѣхъ вымѣниваемыхъ товаровъ, какъ русскихъ, такъ и азіятскихъ, и затѣмъ претерпѣвать только бухгалтерскія неудобства весьма сложныхъ коммерческихъ разчетовъ. Такъ могутъ дѣйствовать, напримѣръ, Англичане

въ своихъ мѣновыхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Но для русскихъ купцовъ цѣна собственныхъ ихъ денегъ сама по себѣ сдѣлалась такъ же, едва ли даже не болѣе, измѣнчива какъ и цѣнность половинки сукна. Въ 1861 г. звонкая монета, вывозившаяся изъ Россіи въ Кяхту, обходилась русскимъ купцамъ въ сравненіи съ узаконенною (или бумажною) монетною единицей, на 10%—14% процентовъ дороже, потомъ въ 1862 г. она постепенно понижалась съ открытіемъ размѣна въ государственномъ банкѣ по понижеппымъ курсамъ; въ 1863 г., въ эпоху Нижегородской ярмарки, она дошла до пари, а въ 1864 г. снова поднялась до чрезвычайной цѣны—25% (цѣлковый покупался 1 р. 25 к., полуимперіалъ 6 р. 30 и 6 р. 40 к.)

Могутъ ли подобныя обстоятельства не быть крайне пагубными для всякой торговли? Надобно только удивляться, что наши кяхтинскіе торговцы не придаютъ имъ достаточной важности, что въ своихъ неисчислимыхъ жалобахъ на неблагопріятныя условія, угнетающія ихъ торгъ, они проходятъ молчаніемъ непостоянство нашей монетной единицы. Можно сказать даже болѣе паденіе нашихъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, тождественное съ вздорожаніемъ звонкой монеты или съ лажемъ на нее сравнительно съ кредитными билетами,—паденіе парализировавшее ввозъ кантонскихъ чаевъ и поднявшее цѣны на чаи,—разсматривается ими какъ обстоятельство въ высшей степени для нихъ благопріятное, а пари вексельныхъ курсовъ (невыгодно отозвавшееся на нихъ въ 1863 г.) —какъ обстоятельство чрезвычайно неблагопріятное. Этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія не по одному только отношенію въ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ въ средѣ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ есть удивительное расположеніе признавать паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, весьма благопріятнымъ для нашей международной торговли и отечественнаго производства, какъ въ отношеніи къ вывозу русскихъ товаровъ за границу, такъ и въ отношеніи къ сбыту ихъ на внутреннихъ рынкахъ. * Этотъ вопросъ, конечно, не можетъ быть разсмотрѣнъ здѣсь во всемъ его объемѣ; но

---

* Въ этомъ мнѣніи нельзя, однако, не признать одной справедливой стороны: это—сознаніе вреда искусственной поддержки вексельныхъ курсовъ (казенною трассировкою векселей) и также вреда потрясеній цѣнъ монетъ, произведенныхъ приключеніями размѣна.

обстоятельства кяхтинской торговли, и именно мѣновой ея характеръ, могутъ значительно способствовать къ уясненію нѣкоторыхъ сторонъ общаго вопроса о вліяніи колебаній монетной единицы на нашу промышленность и торговлю.

Выгоды кяхтинскихъ торговцевъ отъ паденія вексельныхъ курсовъ сравнительно съ торговцами кантонскимъ чаемъ, вздорожавшимъ отъ этого паденія, совершенно уравновѣшиваются одинаковыми для кяхтинскихъ торговцевъ невыгодами отъ пріобрѣтенія звонкой монеты, покупавшейся для Кяхты, въ 1864 г., по той же самой высокой цѣнѣ, по какой закупались иностранные векселя для уплаты за кантонскій чай; а звонкая монета на Нижегородской ярмаркѣ покупалась для Кяхты въ значительномъ количествѣ (въ томъ числѣ въ 1864 г. было закуплено до 1 милл. франк. французскаго серебра). Потому исключительныя выгоды, происшедшія въ 1864 г. для кяхтинской торговли *собственно отъ разстройства нашего денежнаго обращенія* или отъ колебаній нашей монетной единицы должны быть приписаны паденію вексельныхъ курсовъ, или лучше не одному этому паденію, а *дешевизнѣ русскихъ товаровъ, закупленныхъ для Кяхты и составляющихъ собою мѣру стоимости кяхтинскаго чая, сравнительно съ дороговизною звонкой монеты, составляющей мѣру стоимости чая кантонскаго.*

Въ то время какъ наши вексельные курсы и звонкая монета возвысились на 25%, и когда эти 25% легли всею своею тяжестью на соперничествующій кантонскій чай, за который *извозчики* его расплачиваются не иначе какъ векселями или монетой; когда, вслѣдствіе этого обстоятельства, могла возвыситься и продажная цѣна на чай вообще, какого бы онъ ни былъ происхожденія въ томъ числѣ и кяхтинскій,— въ это самое время русскіе товары, которые закупались для Кяхты на деньги, вырученныя за этотъ чай, весьма слабо вздорожали. Въ этомъ заключается, кажется намъ, самое существенное обстоятельство въ оборотахъ кяхтинской торговли въ 1864—1865 гг. Такъ, напримѣръ, сукно съ ярмарки 1863 г. по 1864 г. вздорожало лишь на 3% (съ 63 р. до 65 р.), и самый дорогой кяхтинскій товаръ, бумажный, плисъ (потому почти и не требовавшійся) вздорожалъ лишь на 25 %. Каковы бы ни казались кяхтинскимъ торговцамъ причины ихъ исключительныхъ барышей въ 1864 г.,—а такихъ кажущихся причинъ, при запутанности разчетовъ, можетъ быть весьма

много,—мы убѣждены, что главная причина заключается въ исключительной выгодности пріобрѣтенія ими русскихъ товаровъ, какъ тѣхъ, въ обмѣнъ на которые они получили свои чаи въ 1864 г., такъ и тѣхъ, которые они закупили на счетъ чаевъ, распроданныхъ въ 1864 г., и которые пойдутъ въ обмѣнъ на чаи 1865 г. Однимъ словомъ, главные барыши кяхтинскихъ торговцевъ происходятъ нынѣ отъ ихъ операцій по покупкѣ и вывозу русскихъ товаровъ, а не покупкѣ и ввозу чая; въ этомъ состоитъ главное нынѣшнее преимущество торговли кяхтинскимъ чаемъ передъ торговлею кантонскимъ, ввозъ котораго не соединяется непосредственно съ вывозомъ русскихъ товаровъ. А это преимущество происходитъ отъ болѣе слабаго въ 1864 г. вздорожанія русскихъ товаровъ сравнительно съ вздорожаніемъ монеты и паденіемъ вексельныхъ курсовъ, или, лучше, отъ болѣе слабаго паденія бумажныхъ денегъ сравнительно съ товарами, чѣмъ сравнительно съ звонкою монетой. На этомъ фактѣ почти исключительно сосредоточивались барыши нашей иностранной торговли въ 1864 г. и вся спекулятивная ея дѣятельность. Правда, что въ 1864 г. товары на ярмаркѣ были въ общей сложности нѣсколько дороже чѣмъ въ 1863 г., но за то въ 1863 году монета упала до пари съ кредитными билетами, вывозъ ея за границу парализировалъ вывозъ товаровъ, которые съ разными колебаніями непомѣрно вздорожали въ послѣднее десятилѣтіе, а въ 1863 г. только немного подешевѣли. Чаи въ 1862 и 1863 гг. были вымѣнены на весьма дорогіе товары. Это обстоятельство постояннаго вздорожанія русскихъ товаровъ, вывозившихся въ Кяхту для обмѣна на чай и обусловливающихъ собою стоимость чая для русскихъ купцовъ, играетъ огромную роль въ исторіи кяхтинской торговли. Оно обусловливается постояннымъ паденіемъ нашей узаконенной денежной (бумажной) единицы, но, къ сожалѣнію, недостаточно взвѣшивается кяхтинскими торговцами, а между тѣмъ оно едва ли не болѣе для нихъ убійственно чѣмъ дозволеніе ввоза кантонскаго чая. Они какъ-то не хотятъ понять, что главная выгода всей ихъ операціи должна заключаться въ возможно большемъ удешевленіи русскихъ товаровъ,—этой половинки сукна, на которую они добываютъ чай,—сравнительно съ товарами иностранными, на которые покупаютъ чай Англичане, а не въ возможно большей дорого-

визнѣ чая, которая только подрываетъ ихъ сбытъ и ставитъ ихъ интересы, *безъ всякой для нихъ существенной пользы*, въ антагонизмъ съ интересами публики и потребителей. Наконецъ, ко всему этому мы должны присовокупить еще одно весьма важное для Кяхтинцевъ обстоятельство въ 1864 г.—дешевизну доставки чая сравнительно съ 1863 г. (съ 5 р. понизившейся до 4 за пудъ до Нижняго то-есть около 2 к. разницы на фунтъ или около 2 р. на ящикъ). Дешевизна эта приписывается хорошимъ урожаямъ 1863 г. хлѣба и фуража на пути слѣдованія чая изъ Сибири въ Нижній; но мы расположены видѣть и здѣсь дѣйствіе той же причины—паденіе цѣнъ заработной платы, начавшееся съ 1863 г. послѣ чрезвычайнаго ея вздорожанія съ Восточною войной.

Прежде нежели мы возвратимся къ Кяхтинской торговлѣ и выскажемъ нѣсколько заключительныхъ о ней словъ, не можемъ не остановиться, хотя мимоходомъ, на затронутомъ нами выше фактѣ относительно слабаго въ послѣднее время вздорожанія у насъ товаровъ сравнительно съ вздорожаніемъ (лажемъ) звонкой монеты, то-есть съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ и съ паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ. Этотъ фактъ составляетъ, по нашему мнѣнію, самое замѣчательное и отличительное явленіе въ нашихъ денежныхъ обстоятельствахъ послѣ пріостановленія размѣна кредитныхъ билетовъ въ августѣ 1863 г. Это явленіе совершенно противуположно тому, которымъ отличался предыдущій періодъ принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, то-есть съ 1856 г. до открытія размѣна въ маѣ 1862 г. Въ этомъ періодѣ всѣ цѣны на русскіе товары страшно вздорожали сравнительно съ эпохою нормальнаго нашего денежнаго обращенія до Восточной войны, нѣкоторые товары даже удвоились въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ вексельные курсы упали только на 10%, а внутренній лажъ на звонкую монету былъ maximum 13 и 14%. Теперь мы видимъ совершенно обратное явленіе—быстрое, почти внезапное паденіе вексельныхъ курсовъ на 20—25%, такое же точно возрастаніе внутренняго лажа и сравнительно весьма слабое вздорожаніе товаровъ. Мы не можемъ приводить здѣсь цифръ, которыя утомили бы читателей, но высказываемъ только общій выводъ, отчасти уже явствующій изъ цифръ и цѣнъ, приведенныхъ въ началѣ этой статьи. Въ 1863 г., съ изъятіемъ около 70 мил. кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, замѣчены были всеобщая наклонность цѣнъ къ пониженію и

рѣшительное паденіе нѣкоторыхъ (какъ, напримѣръ, цѣнъ на лѣсные матеріялы, хлѣбъ и вообще вывозные продукты, и въ особенности на заработную плату). Въ 1864 г. цѣны вновь возрастаютъ, но такъ слабо, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ товаровъ (кромѣ хлопчато-бумажныхъ) ни одинъ русскій товаръ, конечно, не возвысился до 25% это можно сказать съ полною достовѣрностью. На Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. цѣны вообще стояли выше 1863 г., но самое замѣтное возвышеніе было едва на 10%. Даже тѣ товары, которыхъ цѣны всего болѣе подчинены дѣйствію иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, каковы вывозные русскіе земледѣльческіе продукты, которыхъ сбытъ и движеніе на нашихъ рынкахъ находятся подъ прямымъ вліяніемъ иностранныхъ цѣнъ и рынковъ, и ввозные иностранные фабрикаты, не встрѣчающіе прямой конкурренціи въ русскихъ товарахъ,—даже и всѣ эти товары, безъ исключенія, не вздорожали въ размѣрѣ паденія вексельныхъ курсовъ. Нѣкоторые изъ вывозныхъ нашихъ продуктовъ даже вовсе не поднялись въ цѣнѣ; бывали, наконецъ, колебанія даже ниже цѣнъ 1863 г.

Во всякомъ случаѣ, мы положительно не знаемъ ни одного товара, который бы поднялся въ періодъ 1853—1865 г. на 25%, то-есть до крайняго до сихъ поръ предѣла колебаній вексельныхъ курсовъ и лажа * Такъ изъ собранныхъ

* Изслѣдованіе движенія цѣнъ товаровъ всего лучше выясняетъ положеніе промышленности, торговли и денежнаго обращенія; но ничего не можетъ быть труднѣе какъ уследить въ этомъ движеніи, относительно различныхъ товаровъ, дѣйствіе одной какой-нибудь причины, ибо движеніе цѣнъ обусловливается множествомъ разнородныхъ причинъ, иногда ничего не имѣющихъ между собой общаго Такъ, независимо отъ внутреннихъ нашихъ обстоятельствъ, цѣны вывозныхъ нашихъ продуктовъ часто колеблются единственно отъ причинъ внѣшнихъ Напримѣръ, въ Англіи съ 1861 г. замѣтно постоянное пониженіе цѣнъ пшеницы, до такой степени отозвавшееся на нашихъ портовыхъ продажныхъ цѣнахъ, что наша пшеница на англійскія деньги (для покупателей иностранцевъ), то-есть за исключеніемъ разницы вексельнаго курса, не только не возвысилась въ 1864 г. противъ 1863 г., а понизилась въ Петербургѣ на 4, въ Одессѣ на 8, въ Таганрогѣ на 6%. Во всѣхъ разчетахъ по иностранной торговлѣ не должно забывать, что мы получаемъ платежъ за наши товары, хотя и по возвышеннымъ цѣнамъ, но все-таки въ *кредитныхъ билетахъ*, при которыхъ, чтобы перевести ихъ на звонкую монету, приходится терять 20—25% на курсъ. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ

нами свѣдѣній о торговлѣ пушнымъ товаромъ на Нижегородской ярмаркѣ мы видимъ, что самое сильное вздорожаніе (противъ 1863 г.) тѣхъ пушныхъ товаровъ, которые идутъ за границу, было лишь до 20% (напримѣръ темная бѣлка) и то въ видѣ исключенія. Но всего, конечно, любопытнѣе,—для изслѣдованія движенія товарныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ колебаній монетной единицы, — цѣны серебряныхъ издѣлій. Мы имѣемъ о нихъ только отрывочныя данныя, однако, достаточно вразумительныя. Серебряныя издѣлія вздорожали въ 1864 г. сравнительно съ 1863 г., но далеко не въ пропорціи возвышенія лажа на звонкую монету. Здѣсь положительно замѣчается вздорожаніе *тѣмъ слабѣйшее*, чѣмъ болѣе издѣлія *обдѣланы* и чѣмъ болѣе подходятъ къ разряду предметовъ роскоши. Всего болѣе вздорожали *ложки*, которыя всегда были у насъ лучшимъ мѣриломъ цѣны монеты; ложки, на ярмаркѣ 1863 г., продававшіяся по 29 р. фунтъ, въ 1864 г. продавались 30 р., стало-быть, вздорожали менѣе чѣмъ на 4%. Между тѣмъ тѣ самые фабриканты, отъ которыхъ мы имѣемъ это показаніе, покупали металлъ для ложекъ въ 1863 г. по 22 р. сер. (на кредитные билеты), а въ 1864—24 р.; вздорожаніе было около 9%. Наконецъ, въ теченіе этого самого года серебряный цѣлковый, то-есть металлъ въ монетѣ, поднялся на 25%. Отъ какихъ бы причинъ все это ни происходило (ясно, что тутъ дѣйствовало много при-

---

вывозныхъ нашихъ товаровъ, даже въ портовыхъ городахъ, не вздорожалъ соразмѣрно съ паденіемъ курсовъ, а между цѣнами портовою (продажа) и мѣстною (покупка) были самыя разнообразныя колебанія, вообще убыточныя для нашихъ производителей. Еще упомянемъ объ одномъ обстоятельствѣ, чрезвычайно затрудняющемъ изученіе цѣнъ, это—измѣненіе качествъ и внутренней цѣнности товаровъ. Безпрестанно приходится сравнивать цѣны товара, хотя и того же по названію, но въ сущности сдѣлавшагося другимъ. Такъ, напримѣръ, *обыкновенное* желтое казанское *мыло* (въ сороковыхъ годахъ около 2 р. пудъ) замѣнилось теперь въ употребленіи сѣрымъ—мраморнымъ (3½ р.) и химическимъ (3 р.). Какъ тутъ сравнивать цѣны и выводить ихъ движеніе?

Очевидны послѣдствія подобныхъ операцій, еслибъ онѣ получили значительное развитіе: возрастаніе спроса должно возвысить цѣну, и тогда исключительныя выгоды этихъ операцій упадутъ сами собой, и вексельный курсъ окажетъ свое дѣйствіе на цѣны товаровъ.

чинъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ, въ числѣ прочихъ—высокій дисконтъ, угнетавшій цѣны товаровъ на иностранныхъ рынкахъ), но изъ всего этого очевидно, что такое положеніе цѣнъ было болѣе благопріятно для вывоза нашихъ товаровъ и менѣе благопріятно для ввоза· усиленіе перваго на счетъ послѣдняго составляетъ всѣмъ извѣстный результатъ оборотовъ нашей внѣшней торговли за 1864 годъ. Могло ли быть иначе, когда для нашихъ торговцевъ, при описанномъ отношеніи цѣнъ русскихъ товаровъ къ вексельнымъ курсамъ и лажу, были несравненно выгоднѣе уплачивать свои иностранные долги товарами нежели векселями и деньгами; мы знаемъ случаи, когда, напримѣръ, люди, никогда не занимавшіеся сальною торговлей, покупали и посылали за границу сало вмѣсто переводовъ? Могло ли быть иначе, когда торговцы иностранныхъ товаровъ (напримѣръ, всѣмъ извѣстныхъ шелковыхъ матерій и модныхъ издѣлій, винъ, перчатокъ и проч.) никакъ не могли возвысить свои цѣны пропорціонально паденію вексельныхъ курсовъ, которыхъ извѣстная часть обрушивалась на нихъ чистымъ убыткомъ; иначе они должны были бы до крайности сократить сбытъ своихъ товаровъ, а иногда даже и вовсе отъ него отказаться, какъ многіе изъ нихъ положительно намъ это доказывали? Итакъ, во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не можемъ не видѣть дѣйствія того же самаго факта, о которомъ не разъ уже упоминали, а именно,—сокращенія сбытовъ или потребленія, угнетавшаго цѣны товаровъ на всѣхъ нашихъ внутреннихъ рынкахъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства операція по покупкѣ и вывозу товаровъ оказывалась въ нынѣшнюю эпоху принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, то-есть съ закрытія ихъ размѣна въ 1863 г., гораздо болѣе выгодною нежели покупка и вывозъ монеты, какъ это было до этого времени, начиная съ окончанія Восточной войны. Но спѣшимъ прибавить, что здѣсь будетъ правильнѣе выразиться такъ операція по вывозу товаровъ лишь менѣе убыточна, чѣмъ операція по вывозу монеты, и, повидимому, столь выгодная разница продажныхъ цѣнъ русскихъ товаровъ на иностранныхъ рынкахъ сравнительно съ русскими цѣнами, если сравнить ее съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ или цѣны нашихъ денегъ, оказывается *чисто мнимою*. Она выгодна единственно какъ дѣло крайней необходимости для уплаты долговъ. Это вполнѣ доказывается результатами нашихъ оборотовъ по иностран-

ной торговлѣ въ 1864 году, которая, несмотря на сильное превышеніе вывоза надъ ввозомъ, все-таки упала и падаетъ. Эти разсужденія и могутъ служить отвѣтомъ для тѣхъ, которые дикуютъ у насъ вслѣдствіе паденія вексельныхъ курсовъ. Дѣйствительно мы знаемъ, что, несмотря на многорѣчивыя сужденія нашихъ экономистовъ-самоучекъ о чрезвычайной пользѣ для отечественнаго производства отъ паденія иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, благопріятствующаго вывозу нашихъ товаровъ и противодѣйствующаго ввозу иностранныхъ, отечественное производство никакъ не оживляется, и только уменьшается количество иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ русскіе порты, приходящихъ, конечно, столько же съ товаромъ какъ и за товаромъ, * ибо русскихъ судовъ для отвоза русскихъ товаровъ въ иностранные порты почти не имѣется; вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ казенный доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ, ** жизнь не дешевѣетъ, а опять дорожаетъ послѣ нѣкоторой пріостановки въ 1862—1863 годахъ въ Русскомъ государствѣ, и дороговизна по прежнему выгоняетъ толпы русскихъ путешественниковъ за границу. *** Мы ограничимся пока этими замѣчаніями относительно гибельныхъ послѣдствій непостоянства монетной единицы уже изъ сказаннаго видно отчасти что должно думать о мнимыхъ выгодахъ отъ паденія вексельныхъ курсовъ, которымъ могла пользоваться только мгновенная спекуляція, всегда умѣющая извлечь свою пользу изъ всякаго потрясенія цѣнъ; легко понять, что дальнѣйшее движеніе цѣнъ непремѣнно должно уничтожить и эти мгновенныя выгоды, и во всей силѣ обнаружатся послѣдствія искусственнаго колебанія товарныхъ цѣнъ, происходящаго отъ колебаній монетной единицы и лишающаго разчеты правильной торговли всякаго прочнаго основанія. Возвращаемся снова къ кяхтинской торговлѣ.

Какъ мы видимъ, причины особенно счастливой ея развязки на ярмаркѣ 1864 года находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ положеніемъ нашихъ денежныхъ дѣлъ и

---

* Такъ, въ 1864 году иностранныхъ кораблей, посѣтившихъ петербургскій портъ, было на одну треть менѣе чѣмъ въ 1863 году.

** По одной петербургской таможнѣ въ 1864 году поступило сборовъ менѣе противъ 1863 года на 3 мил. 250 тысячъ.

*** Количество отъѣхавшихъ за границу, уменьшившееся въ 1863 году, снова возросло въ 1864 году.

объясняются имъ. *Не паденіе вексельныхъ курсовъ само по себѣ*, отдѣльно взятое, а исключительно выпавшее на долю 1864 года отношеніе покупной стоимости чаевъ въ Кяхтѣ къ послѣдствіямъ этого паденія (вздорожанію монетъ, нѣкоторому вздорожанію чаевъ и, главное, уменьшенію привоза соперничествующаго чая), другими словами, относительная дешевизна русскихъ товаровъ, пошедшихъ въ обмѣнъ на чаи 1864 года,—вотъ главная и господствующая причина нынѣшнихъ барышей кяхтинской торговли.

Два условія, въ ихъ взаимномъ отношеніи, опредѣляютъ собою обстоятельства кяхтинской чайной торговли *продажная* цѣна чая, надъ которою, вслѣдствіе ввоза кантонскаго чая, господствуетъ нынѣ всемірная монетная единица (или отношеніе къ ней нашихъ узаконенныхъ бумажныхъ денегъ) и *покупная* цѣна чая, надъ которою господствуетъ цѣна нашихъ вывозныхъ товаровъ (или отношеніе ихъ ко всемірной звонкой монетѣ). Чѣмъ послѣдняя изъ этихъ двухъ величинъ (покупная цѣна) менѣе первой (продажная цѣна), чѣмъ цѣна русскихъ товаровъ дешевле, считая на всемірную монетную единицу, тѣмъ выгоднѣе должна быть кяхтинская торговля для ея участниковъ. Чтобы такое отношеніе покупной и продажной цѣнъ чая было вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно болѣе выгодно для потребителей чая, нужно чтобъ эта пропорція возрастала не на счетъ вздоражанія продажнаго чая, а на счетъ удешевленія покупнаго; другими словами, барыши торговцевъ должны возрастать съ удешевленіемъ чая, которое къ тому же увеличиваетъ количество сбытовъ. Происшедшее въ 1864 году удешевленіе русскихъ кяхтинскихъ товаровъ не есть, какъ мы видѣли изъ всего предыдущаго, удешевленіе дѣйствительное, нормальное, здоровое, а только *временное*, или ослабленіе вздорожанія относительно не всемірной монетной единицы, а относительно лажа бумажныхъ денегъ, то-есть ихъ цѣнности на звонкую всемірную единицу. Такое отношеніе цѣнъ, обусловленное внутренними болѣзненными обстоятельствами нашего народнаго хозяйства, сокращеніемъ потребленія и сбытовъ, послѣ непомѣрнаго и ненормальнаго ихъ увеличенія, есть только одинъ изъ разнообразнѣйшихъ поворотовъ, временныхъ переходовъ коренной болѣзни, подтачивающей всѣ жизненныя отправленія нашего экономическаго организма: разстройства нашего денежнаго обращенія, соотвѣтствующаго разстройству обращенія крови въ живот-

номъ организмѣ. Такъ какъ всѣ выгоды, проистекающія изъ болѣзненныхъ колебаній вексельныхъ курсовъ, не могутъ быть выгодами народнаго хозяйства, а лишь случайными и мимолетными выгодами спекуляціи, и вздорожаніе нашихъ вывозныхъ товаровъ, переведенное на всемірную монету, оказывается мнимымъ, то и барыши каждаго русскаго торговца, въ томъ числѣ и Кяхтинца, суть чисто мнимые до тѣхъ поръ, пока эти барыши будутъ выражаться въ монетной единицѣ, до такой степени колеблющейся какъ наша. Чтобъ эти барыши, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и процвѣтаніе нашей торговли сдѣлались дѣйствительными, необходимо чтобы то отношеніе стоимости кяхтинскаго чая къ его продажной цѣнѣ, которое случайно выпало на долю 1864 года, сдѣлалось постояннымъ; а для этого необходимы условія, могущія способствовать успѣхамъ и дешевизнѣ нашего производства, въ томъ числѣ и прекращеніе нашей денежной неурядицы. Паденіе вексельныхъ курсовъ, могущее и по всѣмъ вѣроятіямъ долженствующее еще усилиться, должно *необходимымъ образомъ* повести за собою, съ истощеніемъ запасовъ иностранныхъ товаровъ на нашихъ рынкахъ и съ бѣгствомъ капиталовъ за границу, вздорожаніе сперва ввозныхъ товаровъ, а потомъ и всѣхъ сродственныхъ имъ русскихъ товаровъ, какое бы еще ни произошло сокращеніе потребленія и сбытовъ. Поднимутся ли при этомъ и насколько, сравнительно съ другими товарами, цѣны на чай, это еще вопросъ, на который никакъ нельзя отвѣчать утвердительно, ибо гибельное потрясеніе въ цѣнахъ, производимое колебаніями монетной единицы, именно и заключается въ чрезвычайной неравномѣрности движенія цѣнъ по разнымъ товарамъ. Этою неравномѣрностью и пользуется случайная спекуляція, и отъ нея-то приходитъ въ упадокъ правильная торговля. Счастливая развязка ярмарки 1864 года связана, какъ видѣли, съ сокращеніемъ почти вдвое количества кяхтинскаго чая, привезеннаго въ 1864 году, сравнительно съ 1863 годомъ (съ 60 т. ящ. до 37 т.), при упадкѣ ввоза кантонскаго чая, — обстоятельство во многихъ отношеніяхъ могущее служить полезнымъ указаніемъ. Поэтому, весьма желательно чтобы кяхтинскіе торговцы не увлеклись выгодною рязвязкой 1864 года и были осторожны относительно привоза чаевъ въ 1865 году.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣна пріобрѣтенія кяхтинскаго чая можетъ быть удешевлена сама по себѣ, независимо отъ случайныхъ обстоятельствъ: 1) пріобрѣтеніемъ чая изъ первыхъ китайскихъ рукъ на внутреннихъ китайскихъ чайныхъ рынкахъ, а не отъ перекупщиковъ Китайцевъ въ Кяхтѣ. это обстоятельство даетъ значительное превосходство кантонскому чаю передъ кяхтинскимъ, и на него обратили наши купцы вниманіе, посылая въ послѣдніе два года своихъ агентовъ въ Китай; 2) удешевленіемъ доставки изъ Сибири; но это уже менѣе всего зависитъ отъ самихъ купцовъ.

Впрочемъ, кяхтинскіе торговцы нисколько и не обманываются насчетъ положенія и будущности своихъ дѣлъ, хотя сами они и толкуютъ ихъ, можетъ-быть, нѣсколько иначе нежели мы. Они, такъ же какъ и мы, вовсе не считаютъ кризисъ, наставшій для нихъ съ ввозомъ кантонскаго чая, законченнымъ. Законное допущеніе *кантонскаго чая*, — или, точнѣе сказать, устраненіе искусственныхъ привилегій, препятствовавшихъ свободному и естественному соперничеству у насъ мореходной чайной торговли съ сухопутною,—невозможно не признать мѣрою крайней государственной необходимости, хотя бы даже съ точки зрѣнія противодѣйствія ввозу контрабаднаго чая, уже давно наносившаго страшную конкурренцію кяхтинскому. Эта мѣра никоимъ образомъ не можетъ быть смертельнымъ ударомъ для кяхтинской торговли, для которой, и кромѣ искусственнаго возвышенія цѣнъ на чай, есть много еще средствъ охранить свои коммерческія выгоды и интересы, отклонить и уменьшить обстоятельства, противныя этимъ интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересамъ всей публики. Свободная конкурренція кантонскаго чая была дѣйствительно переломомъ въ кяхтинской торговлѣ; но одно изъ полезнѣйшихъ послѣдствій ослабленія таможеннаго покровительства состоитъ именно въ томъ, что оно вызываетъ новыя общеполезныя мѣры какъ со стороны государства, такъ и со стороны самой торговли. Кяхтинская торговля уже съ честью воспользовалась для своихъ успѣховъ нанесеннымъ ей ударомъ. Можно радоваться, что счастливое стеченіе обстоятельствъ въ 1864 году увѣнчало успѣхомъ усилія кяхтинскихъ торговцевъ. Можно еще болѣе радоваться, что они не увлекаются, сколько намъ извѣстно, этимъ успѣхомъ и тщательно заботятся

объ устраненіи неблагопріятныхъ для своего дѣла обстоятельствъ. Въ особенности же нельзя не порадоваться тому направленію, которое, по соглашенію съ самими представителями торговли (столь желательному во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно торговли), должны принять нѣкоторыя мѣры, ожидаемыя въ близкомъ будущемъ и вполнѣ согласныя съ интересами всей чайной публики.

Предполагается, сколько намъ извѣстно, сравнять существующія пошлины на кяхтинскій чай (на черный 15 и цвѣточный 40 k.), такъ что 15 k. будетъ пошлиной одинаковою для всѣхъ, безъ изъятія, сортовъ. Эта мѣра должна значительно содѣйствовать къ возрастанію торговли цвѣточнымъ чаемъ, который въ послѣдніе годы чрезвычайно упалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, торговцы освободятся отъ стѣснительнаго для нихъ осмотра чаевъ на таможняхъ, для опредѣленія достоинства чаевъ. Одновременно съ этимъ предполагается понизить пошлину и на цвѣточный кантонскій чай, который нынѣ облагается въ приморскихъ таможняхъ 65 k., а на сухопутныхъ 60 k.; пониженіе должно быть до 50 k., съ тѣмъ чтобъ эта пошлина была одинакова какъ для мореходнаго, такъ и сухопутнаго привоза, который чрезвычайно усилился въ послѣднее время по желѣзнымъ дорогамъ (преимущественно чрезъ Вержболовскую таможню). Наконецъ, пошлину на черные кантонскіе чаи предполагается также установить одинаковую въ 35 k. какъ для мореходнаго (нынѣ 35 k.), такъ и сухопутнаго привоза (нынѣ 30 k.). Это послѣднее возвышеніе пошлины на кантонскій чай, хотя и весьма незначительное, почти даже мнимое (вслѣдствіе дешевизны доставки по желѣзнымъ дорогамъ, не оправдывавшей разницы въ пошлинахъ), составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ общей совокупности этихъ мѣръ, вообще клоняющихся къ пониженію таможенныхъ пошлинъ на всѣхъ путяхъ и къ удешевленію чая. * Дальнѣйшее пониженіе пошлинъ призна-

* Вся эта проектированная система пошлинъ должна удовлетворять, въ пользу кяхтинской торговли, разницѣ въ расходахъ доставки кяхтинскаго чая сравнительно съ кантонскимъ (по показанію Кяхтинцевъ, составляющей будто бы до 40 k. на фунтъ) Мы имѣемъ полное основаніе думать, что эта цифра, занимающая главное мѣсто въ жалобахъ, крайне преувеличена. Въ офиціальныхъ бумагахъ расходы доставки и другіе показываются отъ Кяхты до Москвы въ 23 k. и до 27 на фунтъ чернаго чая, что̀ составило бы болѣе 9 р. на пудъ,

но пока невозможнымъ при нынѣшнихъ способахъ государственнаго казначейства, для котораго чайная пошлина составляетъ весьма значительный доходъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что пошлины составляютъ важную долю въ расходахъ пріобрѣтенія чая, никакъ не менѣе 50%. Надо надѣяться, что кяхтинскіе торговцы воспользуются настоящимъ временемъ для напряженія всѣхъ своихъ усилій къ главной цѣли—къ возможно большему удешевленію своего товара. Другое важное затрудненіе, съ которымъ они борются,—контрабанда, хотя и ослабѣвшая, но все еще продолжающаяся, и притомъ контрабанда такъ-называемая правильная и систематическая, подрывающая всѣ отрасли нашей торговли, должна,—мы готовы надѣяться, — уступить болѣе энергическимъ мѣрамъ правительственнаго надзора за нашими таможнями. Во всякомъ случаѣ желательно, и это понято въ послѣднее время самими торговцами, чтобы всѣ силы этого надзора сосредоточились исключительно на таможняхъ, а не на внутреннихъ путяхъ торговли, гдѣ надзоръ можетъ повести только къ стѣснительнымъ для правильной торговли дѣйствіямъ администраціи.* Сверхъ всего этого, предполагается оказать кяхтинскимъ торговцамъ, согласно желанію ихъ, разныя кредитныя льготы по ссудамъ изъ государственнаго банка и по очисткѣ пошлинъ. Съ своей стороны, мы замѣтимъ здѣсь только, что отсутствіе тѣхъ банковыхъ воспособленій, которыми располагаетъ нынѣ въ такихъ большихъ размѣрахъ торговля въ западной Европѣ (напримѣръ относительная легкость перевода платежей англійскихъ купцовъ на китайскіе рынки, справедливо выставляемая Кяхтинцами въ ихъ жалобахъ), и разныя мелочныя административныя стѣсненія, которыя вовлекаютъ нашу торговлю въ такіе значительные накладные расходы, представляютъ обширное поприще для улучшенія обстоятельствъ нашей торговли, не говоря уже о коренномъ на-

---

тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, что доставка обходилась 5 р. пудъ, а въ 1864 г. обходилась 4 р. (со включеніемъ упаковки, которой приходится до 12 ф. на ящикъ, то-есть приблизительно на 87 ф или 75 ф. чая). Однимъ словомъ, по нашему разчету, выходило бы maximum 20 к. на фунтъ (или 15 р. на ящикъ съ упаковкой) со всѣми расходами при перевозкѣ и пробахъ.

* См. прекрасную въ этомъ смыслѣ статью В. Климушина „О вліяніи бандерольной системы на нашу внутреннюю чайную торговлю." (*Москов. Вѣдом.* 1864 г. № 194.)

шемъ злѣ—плохомъ состояніи путей сообщенія. Для всего государства какъ нельзя болѣе плодотворно было бы направленіе жалобъ и ходатайствъ нашихъ торговцевъ именно къ отклоненію всѣхъ обстоятельствъ, столько же неблагопріятныхъ для нихъ, какъ и для всего народнаго хозяйства,—обстоятельствъ, нерѣдко забываемыхъ посреди исключительныхъ заботъ о таможенномъ покровительствѣ.

Послѣ кяхтинской торговли скажемъ нѣсколько словъ о торговли *желѣзной*, также спеціально принадлежащей Нижегородской ярмаркѣ и обусловленной ея географическимъ положеніемъ. Развязкой этого дѣла на ярмаркѣ 1864 г., кажется, всѣ недовольны,—и заводчики, и ихъ партіонные (гуртовые) покупатели, и вообще торговцы; не могутъ быть также довольны и потребители желѣза, или публика, ибо, несмотря на крайнюю народную нужду въ удешевленіи желѣза, цѣны на него не падаютъ. На ярмаркѣ 1864 г., послѣ многихъ колебаній, цѣны вообще не измѣнились одни сорты возвысились, другіе понизились; послѣ нѣкотораго возвышенія при переходѣ во вторыя руки, первыя руки должны были сдѣлать уступку. * Между тѣмъ какъ ни желательно удешевленіе желѣза, заводчики остались недовольны ярмаркой именно потому, что имъ не удалось поднять цѣнъ; а партіонные торговцы сожалѣли, что дали даже и тѣ цѣны, ибо большіе запасы остались у нихъ не проданными во вторыя руки. Для желѣза насталъ кризисъ съ освобожденіемъ крестьянъ расходы не только производства, но и доставки съ заводовъ къ пристанямъ (производившейся прежде обязательнымъ трудомъ) возрасли; заводчики обременены долгами и не имѣютъ достаточныхъ оборотныхъ капиталовъ, а при всемъ этомъ сбытъ и потребленіе желѣза, какъ удостовѣряли насъ крупные торговцы, вообще не усиливаются у насъ, по крайней мѣрѣ усиливаются не въ той степени, въ какой это было бы необходимо, чтобы продавцы могли возвысить свои цѣны, или, наоборотъ, чтобы при дешевизнѣ барыши наверстывались на массѣ продаваемаго товара и быстротѣ оборота денегъ. Изъ всего этого уже можно заключить, какъ сложно желѣзное дѣло, вслѣд-

* Какъ трудно имѣть вѣрныя данныя о количествѣ товара на ярмаркѣ доказываетъ желѣзо, о которомъ, казалось бы, относительно не трудно имѣть ихъ. Между тѣмъ по однимъ источникамъ запасы желѣза въ 1864 г. были болѣе, по другимъ—менѣе чѣмъ въ 1863 г. Всего было около 4 милл. пудовъ.

ствіе разнообразія и даже противуположности обусловливающихъ его интересовъ. Мы положительно убѣдились только въ одномъ, что иностранное желѣзо, котораго такъ опасались наши заводчики, не наноситъ рѣшительно никакой конкурренціи нашему, такъ что о немъ и не слышно. На ярмаркѣ 1864 г. былъ одинъ весьма замѣчательный фактъ: значительная покупка желѣзныхъ товаровъ для Азіи, въ особенности Персіянами и Армянами, прежде неизвѣстная или по крайней мѣрѣ ничтожная. Насъ удостовѣряли, что этотъ фактъ также обусловливается дороговизною звонкой монеты, вывозу которой предпочитали вывозъ относительно болѣе дешевыхъ желѣзныхъ товаровъ. Въ устройствѣ нашей желѣзной торговли есть одно обстоятельство, возбуждающее всеобщія жалобы и заслуживающее хотя бѣглаго здѣсь упоминанія это—участіе въ ней партіонныхъ торговцевъ, своимъ дорогимъ посредничествомъ наносящихъ будто бы ущербъ и заводчикамъ, и потребителямъ. Насколько мы успѣли вникнуть въ это обстоятельство, мы находимъ эти жалобы, съ общей экономической точки зрѣнія, весьма несправедливыми, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и могутъ быть со стороны партіонныхъ торговцевъ злоупотребленія своею силой, то-есть капиталомъ и кредитомъ, придающими имъ нынѣшнее ихъ значеніе. Злоупотребленія, впрочемъ, происходятъ единственно отъ малочисленности этихъ партіонныхъ покупщиковъ и продавцовъ желѣза, число которыхъ уже издавна удивительнымъ образомъ ограничивается тремя лицами. Увеличенія ихъ числа, которое усилило бы конкурренцію, нынѣ между ними почти не существующую, вотъ все, чего можно желать. А само по себѣ ихъ посредничество необходимо по тѣмъ соображеніямъ, о которыхъ мы говорили, указывая на роль партіонныхъ чайныхъ торговцевъ. Желѣзные партіонные торговцы кредитуютъ какъ заводчиковъ, такъ и мелочныхъ или, лучше, городовыхъ, мѣстныхъ торговцевъ, которыхъ операціи принимаютъ однако иногда большіе размѣры. этотъ кредитъ въ особенности необходимъ въ торговлѣ желѣзомъ. При нашихъ путяхъ сообщенія оно двигается весьма медленно (напримѣръ желѣзо съ Нижегородской ярмарки поспѣваетъ въ Кіевъ черезъ годъ, Окой до Калуги, гужомъ до Брянска, гдѣ иногда зимуетъ, и оттуда Десной и Днѣпромъ; желѣзо изъ Нижняго даже иногда не поспѣваетъ въ Тверь безъ зимовки

выше Рыбинска), а заводчикамъ нужны для производства деньги, которыхъ имъ не могутъ доставлять вторыя и третьи руки. Сверхъ того, первыя или партіонныя руки, раздавая желѣзо въ кредитъ во вторыя руки, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывая кредитъ и уплачивая наличныя деньги заводчикамъ, пріобрѣли особую опытность въ этихъ кредитныхъ сдѣлкахъ, требующихъ особыхъ свѣдѣній, особой дѣятельности и особыхъ рисковъ. Мы увѣрены, что безъ партіонныхъ торговцевъ желѣзо претерпѣвало бы еще болѣе коммерческихъ потрясеній. На ярмаркѣ 1864 г. былъ сдѣланъ однимъ заводчикомъ первый опытъ освободиться изъ-подъ гнета партіонныхъ торговцевъ: онъ распродалъ свое желѣзо прямо городовымъ, хотя и по тѣмъ же цѣнамъ, за какія покупаютъ партіонные. Онъ вынужденъ былъ раздать много въ кредитъ. Будущее покажетъ результаты этой операціи, о которой много говорили, и которая пока не обнаружила особаго вліянія на дѣло.

Торговля *кожами*, сырыми и обдѣланными, и кожаными издѣліями занимаетъ значительное мѣсто на Нижегородской ярмаркѣ. Мы не изучали этой торговли во всей ея многосторонней совокупности и имѣемъ только нѣкоторыя, слишкомъ отрывочныя данныя, что̀ и объясняетъ, можетъ-быть, отчасти нѣкоторое разнорѣчіе въ доходившихъ до насъ отзывахъ о ходѣ этой торговли. Достовѣрно кажется, что всего лучше (и никакъ не хуже, если не лучше предыдущихъ лѣтъ) въ этой области шелъ *строчный* товаръ, въ особенности сапожный и башмачный, удовлетворяющій потребностямъ низшихъ и среднихъ нашихъ классовъ; вообще видно по всѣмъ отзывамъ, что спросъ на кожаную обувь значительно усилился у насъ въ послѣдніе годы. Намъ извѣстно также, что хорошо торговали на ярмаркѣ *юфтью*, отпускъ которой за границу (какъ въ Европу, такъ и въ Азію) особенно усилился (въ 1864 г. удвоился противъ 1863 г.), и также телячьею кожей, идущею собственно на выдѣлку *лаковой* кожи, которой потребленіе чрезвычайно усилилось и у насъ, и за границей. Объ этомъ послѣднемъ товарѣ намъ сообщены весьма любопытныя свѣдѣнія: спросъ за границей на телячьи кожи такъ великъ, что все привезенное на ярмарку (сборщиками-крестьянами и купцами Вологодской и Вятской губерній) количество ихъ было закуплено, и иностранные комиссіонеры этого товара готовы были купить сколько бы его ни

было, несмотря на существенные недостатки * и дороговизну ** (сравнительно съ заграничными цѣнами) нашихъ кожъ. При нѣкоторыхъ усиліяхъ мы можемъ значительно поднять эту статью отпуска и внутренняго производства. Россія уже сама стала выдѣлывать лаковыя кожи (даже по деревнямъ), но кромѣ Петербурга (гдѣ эта фабрикація въ рукахъ иностранцевъ) наши лаковыя кожи не могутъ сравниться съ иностранными, и мы покупаемъ въ огромномъ количествѣ товары выдѣланные иностранцами изъ нашихъ же сырыхъ телячьихъ кожъ. Вотъ еще статья для самой естественной отечественной фабрикаціи, не нуждающаяся для своихъ успѣховъ въ искусственныхъ таможенныхъ привилегіяхъ. Сколько мы замѣтили, цѣны на кожаный товаръ (кромѣ кожъ, требующихся за границу) остались безъ измѣненія.

О *пушномъ* или мѣховомъ товарѣ, играющемъ большую роль на Нижегородской ярмаркѣ, нами уже было упомянуто. Торговля эта такъ обширна и такъ разнообразна, что мы не могли ее достаточно изучить. Наши данныя почти исключительно относятся къ торговлѣ *обдѣланными* московскими мѣхами, вообще высшей категоріи. Здѣсь замѣчено было нѣкоторое уменьшеніе сбыта въ сравненіи съ ярмаркой 1863 г., въ особенности городовымъ купцамъ; всего тише торговали дворянскими мѣхами. Однако не всѣ сорты и крестьянскихъ мѣховъ поднялись въ сбытѣ; такъ, напримѣръ, упала продажа бѣличьихъ воротниковъ для крестьянъ Цѣны стояли вообще выше 1863 г., но значительное возвышеніе было только по мѣхамъ, отпускаемымъ за границу. въ числѣ послѣднихъ замѣчается чрезвычайное усиленіе спроса на бѣлку и горностай. Если справедливо сообщенное намъ свѣдѣніе, что вообще продажныя (въ особенности розничныя) цѣны обдѣланныхъ мѣховъ внутренняго потребленія мало измѣнились въ послѣднее время, въ

* Недостатки эти происходятъ отъ небрежнаго обращенія крестьянъ съ животными какъ живыми, такъ и мертвыми (при снятіи кожъ)

** Послѣ Восточной войны, спекуляція чрезвычайно подняла цѣны на этотъ товаръ; съ 1857 по 1860 г. обнаружился кризисъ въ цѣнахъ, а съ тѣхъ поръ и въ самое послѣднее время цѣны вмѣстѣ съ иностраннымъ спросомъ снова оживились Здѣсь, какъ почти въ каждой отрасли, проявляются тѣ же факты общаго хода нашихъ дѣлъ, хотя и въ другихъ видахъ и въ другіе періоды.

особенности розничныя, а цѣны не обдѣланныхъ мѣховъ, для которыхъ главный рынокъ—Ирбитская ярмарка, поднялись, то это согласно съ общимъ ходомъ нашего народнаго хозяйства. Прибавимъ, что въ разсматриваемой нами отрасли торговли заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣло, получившее необыкновенное развитіе въ послѣдніе года, а именно,—выдѣлка овчинъ и другихъ мѣховъ въ г. Шуѣ, Владимірской губерніи. Чтобы судить объ этомъ развитіи достаточно сказать, что въ 1863 г. было изготовлено въ Шуѣ до 100 тысячъ полушубковъ для военнаго вѣдомства. Шуйскіе *шубники* такъ увлеклись своимъ успѣхомъ, что на ярмарку 1864 г. были ими навезены чрезмѣрные запасы товара, и цѣны на него значительно упали. Это, конечно, только временное потрясеніе; дѣло развилось весьма крѣпко и, между прочимъ, замѣчательно тѣмъ, что находится въ рукахъ простыхъ крестьянъ, въ послѣднее время переходящихъ для него на жительство въ Шую.

Заключимъ нашъ очеркъ разныхъ отраслей торговли на Нижегородской ярмаркѣ упоминаніемъ объ одной особой отрасли, относительно которой намъ также удалось собрать нѣсколько личныхъ наблюденій, и которая связываетъ экономическую сторону этого великаго русскаго торжища съ его нравственною стороной. Мы говоримъ *о книжной торговлѣ*, которую купцы по всей справедливости называютъ *убогою торговлей*. Дѣйствительно, когда всматриваемся въ торговлю книгами посреди этого несмѣтнаго собранія товаровъ, удовлетворяющихъ всѣмъ безъ изъятія потребностямъ русскихъ людей, она производитъ какое-то странное впечатлѣніе: она какъ, будто существуетъ не по какой-нибудь надобности и нуждѣ покупателей и не изъ-за барышей продающихъ, а [illegible] благодаря доброхотнымъ подаяніямъ отъ барышей [illegible] отраслей торговли. Никто изъ торгующихъ не принимаетъ книжной торговли за серіозное дѣло, а такъ, за развлеченіе и препровожденіе времени книготорговцевъ. Такъ оно пожалуй и было на самомъ дѣлѣ. Послѣ развязки ярмарки, наканунѣ разъѣзда, купцы, довольные своими дѣлами, покупаютъ гостинцы для домашнихъ; при этомъ, бывало, приказывали своимъ молодцамъ забѣжать и въ книжную лавку и захватить кое-какія книжки подешевле. Книгопродавцы и укладывали что имъ вздумается. Такъ возились книги для ребятъ въ качествѣ калачей и пряниковъ. Этотъ обычай, нынѣ впрочемъ исчезающій, хорошо живописуетъ книжную тор-

говлю. Книги самый не ходкій у насъ товаръ; а если какія книги и расходятся быстро, то обыкновенно независимо отъ всякихъ свойствъ внутренняго своего достоинства. Такъ, напримѣръ, единственная книга, бойко раскупавшаяся на ярмаркѣ 1864 г., было самоновѣйшее сочиненіе, вовсе неизвѣстное въ литературномъ мірѣ и вышедшее (собственно перепечатанное) въ 1864 г. подъ длиннымъ заглавіемъ „*10.000 рецептовъ*,“ и проч. Конечно, нѣтъ другаго у насъ товара, относительно котораго понятія и вкусы производителей и вообще условія предложенія до такой степени расходились бы съ понятіями и вкусами потребителей и съ условіями спроса. Это самая выпуклая экономическая черта книжной торговли. Слабый спросъ на книги нельзя объяснить, какъ это часто дѣлается, отсутствіемъ умственныхъ потребностей и недостаткомъ денегъ; въ то время какъ кошелекъ необыкновенно туго раскрывается у русской публики въ книжной лавкѣ, чтобы заплатить лишнія 25 коп. за книгу, въ это самое время, не далеко отъ той же самой лавки, выкладываются изъ крестьянской мошны сотни рублей за одинъ какой-нибудь томъ печатнаго письма, и притомъ за такой, въ который никогда и не заглянетъ покупатель обыкновенныхъ нашихъ книжныхъ лавокъ. Мы сами видѣли сѣрыхъ мужичковъ и бабъ, въ изорванной одеждѣ, выкладывающихъ дрожащею рукой крупныя суммы денегъ за старопечатныя раскольничьи книги. 25 руб. или 50 руб. сер. платится за книгу какъ ничего, лишь бы продающій удостовѣрилъ что она *настоящая*. Торговля старопечатными раскольничьими книгами представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій на Нижегородской ярмаркѣ. Изумительно, откуда появляются такія деньги! Изумительно, съ какимъ азартомъ онѣ поспѣшно выдаются, лишь бы не выпустить изъ рукъ драгоцѣннаго экземпляра, уцѣлѣвшаго отъ временъ Стоглава и Іосифа! Конечно, этотъ азартъ неизмѣримо превосходитъ своимъ пыломъ жадность, съ какою, на противуположной оконечности нравственныхъ движеній нашего общества, раскупаются современные продукты Фохта и Молешота. Намъ много говорили на ярмаркѣ о чрезвычайномъ усиленіи спроса, въ обыкновенной или гражданской нашей книжной торговлѣ, на естественно-историческія книги и объ упадкѣ спроса на книги духовныя и церковныя. Наши наблюденія не подтвердили, однакожь, этого факта, существующаго, кажется, только въ воображе-

ніи его ревнителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что новомодныя произведенія нашей новопечатной литературы не скользятъ на одной только поверхности общества, что они проникаютъ нѣсколько далѣе нежели всѣ думаютъ, и встрѣчаются даже на той самой почвѣ, гдѣ господствуетъ старопечатная литература. Эта встрѣча порождаетъ новыя нравственныя явленія особаго рода, весьма любопытныя, но уже выходящія изъ границъ предмета настоящей статьи. Въ послѣдствіи, говоря о нравственной сторонѣ ярмарки, мы, можетъ-быть, коснемся и этихъ явленій.

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.)
на Страстн. бульварѣ.
1865.

Дозволено цензурой. Москва, 26-го сентября 1865 года.

IV.

Въ послѣднее время уже не разъ былъ возбужденъ вопросъ: какая будущность ожидаетъ Нижегородскую ярмарку? На этотъ вопросъ люди одинаково хорошо знакомые съ ярмаркой даютъ два противоположные отвѣта: одни предвидятъ неминуемое ея паденіе, а другіе—возрастаніе. Тѣ и другіе находятъ уже въ настоящемъ признаки своихъ предвидѣній, и дѣйствительно опираются въ своихъ соображеніяхъ на нѣкоторые положительные факты. Это нисколько не должно удивлять насъ, если вспомнимъ, что каждое явленіе народной жизни, а тѣмъ болѣе явленіе, развивавшееся подобно Макарьевской ярмаркѣ вѣками, обусловлено столь многими самыми разнообразными потребностями и обстоятельствами, которыя всѣ вмѣстѣ порождаютъ данный фактъ, и въ то же время нерѣдко противорѣчатъ одни другимъ въ своихъ внѣшнихъ признакахъ. Такъ, существованіе ярмарокъ обусловливается главнымъ образомъ недостаткомъ, съ одной стороны, путей и способовъ сообщеній, а съ другой—различныхъ принадлежностей правильной торговли, матеріяльныхъ и нравственныхъ, каковы. биржи, дающія возможность и безъ ярмарокъ сходиться торгующимъ людямъ для сдѣлокъ и для ознакомленія съ положеніемъ рынка; далѣе, сильные коммерческіе и складочные центры, непрерывно получающіе товары и снабжающіе ими разные края безъ значительныхъ для того переѣздовъ мелкихъ торговцевъ и потребителей, вообще коммерческое довѣріе, близкое знакомство торговцевъ и потребителей съ товаромъ и гласность всего происходящаго въ промышленномъ мірѣ, позволяющія прода-

вать и покупать по образцамъ безъ убыточной перевозки самыхъ запасовъ товаровъ; наконецъ, кредитъ, банки и всякаго рода кредитные и коммерческіе посредники, достаточно организованные, для того чтобы не требовать самоличнаго заключенія торгующими срочныхъ сдѣлокъ и тѣмъ менѣе личныхъ поисковъ за должниками, составляющихъ одну изъ главныхъ цѣлей посѣщенія нашихъ ярмарокъ многими купцами. Недостаточное развитіе подобныхъ условій, указанныхъ здѣсь лишь въ самыхъ крупныхъ чертахъ, очевидно, сопутствуетъ недостаточному развитію торговой дѣятельности народа и доказываетъ ея слабость, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими народами, уже обладающими упомянутыми коммерческими силами. Но очевидно, что торговля въ данной странѣ, даже при обстоятельствахъ и обычаяхъ поддерживающихъ ея ярмарочный характеръ, можетъ все-таки по временамъ относительно усиливаться, могутъ, слѣдовательно, возрастать и ярмарки, въ которыхъ она главнымъ образомъ сосредоточена; и такимъ образомъ признаки слабости и силы могутъ перемѣшиваться въ глазахъ наблюдателя и производить на него самыя противоположныя впечатлѣнія. Такъ было не разъ и съ Нижегородскою ярмаркой, обороты которой, подъ вліяніемъ общаго состоянія промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Россіи, то усиливались, какъ послѣ Восточной войны въ 1857 и 1858 гг., то сокращались, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, посреди общаго застоя и хлопчато-бумажнаго кризиса. Потому чрезвычайно трудно дѣлать какія-либо общія заключенія о движеніи этой ярмарки, въ особенности посреди нынѣшнихъ экономическихъ обстоятельствъ, положительно ненормальныхъ, посреди той всеобщей передѣлки народнаго хозяйства, которую мы теперь переживаемъ. То что въ ходѣ ярмарки составляетъ не болѣе какъ послѣдствіе временныхъ коммерческихъ потрясеній всего государства, можетъ быть легко принято за перемѣну въ характерѣ самой ярмарки. Точно также можетъ быть и наоборотъ: существенныя измѣненія въ самомъ характерѣ ярмарки могутъ быть объясняемы лишь какъ дѣйствіе преходящихъ обстоятельствъ торговли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая эпоха затрудняетъ общія заключенія относительно Макарьевскаго торга еще и въ иномъ отношеніи: въ послѣднее время нѣсколько измѣнились именно тѣ условія народной жизни, которыя дали такое громадное развитіе нашей ярмарочной торговлѣ вообще и спеціально

Нижегородской. Вступаетъ въ силу новая система сообщеній желѣзныя дороги начинаютъ конкуррировать съ водяными сообщеніями, доселѣ у насъ господствовавшими и, какъ мы видѣли, чрезвычайно благопріятствовавшими Нижегородской ярмаркѣ. Но, съ другой стороны, къ сооруженію нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ приступлено такими нерѣшительными шагами, что у насъ до сихъ поръ не могло еще обнаружиться все дѣйствіе новой системы сообщеній, которая кореннымъ образомъ передѣлала коммерческую карту Европы и уничтожаетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ существованія ярмарокъ. Во всякомъ случаѣ и тѣ измѣненія и усовершенствованія въ способахъ сообщеній, какія осуществились въ послѣднее время какъ непосредственно въ отношеніи къ Нижегородской ярмаркѣ (Московско-Нижегородская желѣзная дорога и отчасти недостроенныя дороги, примыкающія къ Москвѣ), такъ и вообще во всемъ государствѣ (преимущественно развитіе пароходства и телеграфныхъ линій), не могли въ извѣстной мѣрѣ не отразиться на ярмаркѣ, которая по своему всероссійскому значенію зависитъ отъ состоянія путей сообщенія не только въ ея географической мѣстности, но и во всей Россіи. Но дѣйствіе этихъ новыхъ условій нелегко узнается, ибо оно еще слишкомъ непродолжительно и, сверхъ того, весьма неполно, вслѣдствіе неокончанія начатыхъ желѣзныхъ дорогъ и неприведенія ихъ въ связь и систему какъ между собою, такъ и съ пароходными сообщеніями и европейскими коммерческими путями и рынками. Нравственныя условія нашего коммерческаго міра: уровень образованія и коммерческіе обычаи и взгляды торгующаго купечества,—условія имѣющія прямое вліяніе на развитіе ярмарочной дѣятельности (какъ напримѣръ, пристрастіе къ ярмарочному кочевому образу жизни),—также нѣсколько измѣнились въ послѣднее время. Но и здѣсь не сдѣлано еще тѣхъ рѣшительныхъ успѣховъ, которые ознаменовали бы собою новую эпоху коммерческой жизни старый порядокъ не быстро уступаетъ новому, и еще долго стремленіе усвоить нашему коммерческому быту европейскія понятія будетъ находиться въ борьбѣ съ обычаями азіятскихъ и необразованныхъ народовъ, которые до сихъ поръ обступаютъ нашу торговлю съ востока.

Всего сказаннаго достаточно, чтобъ уразумѣть до какой

степени перемѣшиваются въ современномъ характерѣ и современномъ періодѣ жизни Нижегородской ярмарки признаки самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ условій и движеній нашего народнаго быта и хозяйства, и какъ трудны всякіе общіе взгляды на значеніе этого періода. Еще болѣе затруднительны всякія достовѣрныя предсказанія относительно будущаго.

Если сложность обстоятельствъ, обусловливающихъ собою общественныя явленія, и переходный характеръ эпохи препятствуютъ вообще достовѣрности предсказаній, то та необыкновенная случайность въ отечественныхъ событіяхъ, которой мы часто бываемъ свидѣтелями, и которая подрываетъ всякіе разчеты чистаго разума, дѣлаетъ невозможными даже самыя правдоподобныя предвидѣнія, относительно будущаго развитія нашихъ путей сообщенія, отъ которыхъ, между тѣмъ, болѣе чѣмъ отъ чего-либо другаго зависитъ будущность нашихъ ярмарокъ.

Кто, напримѣръ, могъ предвидѣть за годъ, можетъ-быть даже за мѣсяцъ впередъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на югѣ Россіи начнется съ поперечныхъ или второстепенныхъ линій, долженствующихъ соединить продольныя или главныя линіи, которыхъ еще нѣтъ, а не съ этихъ послѣднихъ, какъ это дѣлается во всемъ свѣтѣ? Кто могъ предвидѣть, что соединенію Балты съ Кременчугомъ и даже съ Елисаветградомъ,—соединенію мѣстъ, о которыхъ никто не помышлялъ до этого рѣшенія,—и соединенію степей будетъ отдано предпочтеніе передъ соединеніемъ Москвы съ Кіевомъ и Одессой, —политическихъ, промышленныхъ и историческихъ центровъ Россіи съ ея окраинами и со всѣмъ образованнымъ міромъ,— то-есть передъ соединеніемъ, о которомъ не перестаетъ думать народъ русскій, и которое онъ то такъ, то иначе стремится осуществить съ первыхъ минутъ своего государственнаго бытія? Конечно, всего этого никто не могъ предвидѣть. Если дѣйствительно суждено осуществиться столь неожиданно проектированному приближенію Харькова къ Одессѣ, къ которой у него нынѣ такъ мало тяготѣній, и суждено Одессѣ удалиться отъ Кіева, Кіеву отъ Одессы, Москвѣ отъ Чернаго моря и Харькову отъ Азовскаго,* съ которымъ

* Все это неминуемо, если одновременно съ Балто-Кременчугско-Харьковскою линіей не будутъ сооружены Московско-Кіевская и Харьковско-Азовская.

Харьковъ до сихъ поръ связанъ, то все это разомъ должно подорвать самыя разумныя, основанныя на самыхъ точныхъ географическихъ, историческихъ и экономическихъ понятіяхъ соображенія относительно коммерческой будущности всѣхъ этихъ мѣстъ. То же самое можетъ случиться и съ соображеніями о будущности Нижегородской ярмарки, которая находится въ несомнѣнной зависимости отъ многоразличныхъ подробностей во всей системѣ коммерческихъ путей, по которымъ снабжается русскими и иностранными товарами каждый край европейской и азіятской Россіи.

Всѣ эти общія мысли, которыхъ справедливость намъ придется еще подтвердить ниже нѣкоторыми фактами, могутъ служить къ объясненію многихъ противорѣчивыхъ взглядовъ на нынѣшнее значеніе Нижегородской ярмарки въ современномъ народномъ хозяйствѣ и на ея будущность. Эти мысли могутъ также отчасти оправдать недостаточность и нѣкоторое противорѣчіе въ нашихъ собственныхъ наблюденіяхъ и значительные пробѣлы въ разрѣшеніи поставленной нами выше задачи. Самыя трезвыя предвидѣнія относительно будущности ярмарки легко переходятъ въ область гаданій; если такими могутъ показаться и многія наши соображенія, то во всякомъ случаѣ смѣемъ думать, что по крайней мѣрѣ не будетъ сочтена безполезною ихъ фактическая сторона — сообщеніе личныхъ нашихъ наблюденій, на которыя мы постоянно опираемся во всѣхъ нашихъ взглядахъ на ярмарку.

Чтобы съ нѣкоторою достовѣрностью отвѣчать на вопросъ о будущности Нижегородской ярмарки, необходимо было бы знать 1) какимъ потребностямъ въ нашей торговлѣ удовлетворяетъ она, и какимъ собственно цѣлямъ въ общемъ движеніи нашего народнаго хозяйства служитъ она въ настоящее время? Другими словами, нужно предварительно опредѣлить главную ея роль въ экономической дѣятельности народа при нынѣшнихъ обстоятельствахъ его быта. Затѣмъ значительно разъяснился бы вопросъ. въ чемъ можетъ измѣниться эта роль при тѣхъ перемѣнахъ въ нашихъ экономическихъ обстоятельствахъ, которыхъ съ наибольшею вѣроятностію можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ? Далѣе, чтобы судить о будущности ярмарки, важно было бы знать 2) какія уже дѣйствительно оказались на ходѣ ярмарки послѣдствія нѣкоторыхъ измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствъ.

При этомъ не должно забывать, что народная жизнь съ своими привычками, предразсудками, пристрастіями, такъ могущественно дѣйствующими и на направленіе торговли, не можетъ внезапно принять другой оборотъ, оторваться отъ всего своего прошедшаго, какъ бы быстро и сильно ни измѣнились окружающія ее обстоятельства. Предположивъ даже, что какое-нибудь торжище, куда привыкъ собираться народъ въ теченіе столѣтій, оказалось бы, вслѣдствіе совершенно измѣнившагося направленія коммерческихъ путей и рынковъ, вовсе не нужнымъ для торговли, мы все-таки должны ожидать, что такое торжище не можетъ прекратиться разомъ, и люди еще долго будутъ продолжать ѣздить на него по привычкѣ живымъ тому примѣромъ можетъ служить Коренная ярмарка.

Сдѣланная нами постановка вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, конечно, возможно лишь съ сдѣланными выше ограниченіями и оговорками, позволяетъ сгруппировать около главнаго вопроса о будущности ярмарки разныя свѣдѣнія, безъ которыхъ разборъ этого вопроса былъ бы дѣломъ только безполезнаго и празднаго любопытства будущность ярмарки важна и практически интересна единственно по своей связи съ настоящимъ, важна лишь по тѣмъ перемѣнамъ въ ней и во всѣхъ коммерческихъ оборотахъ съ нею соприкасающихся, которыя могутъ происходить нынѣ же и мало-помалу подготовлять эту иную будущность. Наконецъ, всего можетъ быть важнѣе, разсуждая объ этой будущности, заставить себя вникнуть въ общее народно-хозяйственное значеніе этого первенствующаго въ двухъ частяхъ свѣта ярмарочнаго торга. Во всякомъ случаѣ, мы просимъ смотрѣть на начертанную нами программу вопросовъ только какъ на канву, которую мы будемъ постоянно имѣть въ виду и которую постараемся по возможности наполнить нашимъ изложеніемъ, не давая ему, однако, никакого строгаго, систематическаго порядка. Наши вопросы могутъ послужить точкой отправленія и для будущихъ изслѣдователей ярмарки.

О Макарьевской и потомъ Нижегородской ярмаркѣ всего болѣе говорили, что она связываетъ востокъ съ западомъ, Азію съ Европой, то-есть что она составляетъ главный русско-европейскій центръ для нашей азіятской торговли. Такое сужденіе объ общемъ народно-хозяйственномъ значеніи этой ярмарки было, кажется, до сихъ поръ самое ходячее и обще-

принятое. Оно преобладаетъ и въ немногочисленныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ Нижегородской ярмаркѣ; оно же высказывается болѣе или менѣе самими торгующими, когда они пускаются толковать о великой важности Макарія. Этому взгляду соотвѣтствовало и понятіе о господствѣ надъ всѣми ярмарочными оборотами кяхтинскаго торга или развязки съ чаями. Ему же соотвѣтствуетъ и понятіе о водяныхъ сообщеніяхъ ярмарки, идущихъ отъ востока къ западу цѣпью рѣкъ, лишь изрѣдка прерываемыхъ волоками и доставляющихъ на эту ярмарку товары съ южныхъ и западныхъ предѣловъ Средней Азіи, съ прикаспійскихъ областей и съ Урала, изъ Сибири и изъ глубины Китая, и, наконецъ, изъ многочисленныхъ внутреннихъ областей европейской Россіи, омываемыхъ до крайнихъ сѣверо-западныхъ нашихъ портовъ притоками и искусственными сообщеніями волжскаго бассейна. Этотъ же взглядъ вполнѣ согласенъ и съ историческимъ происхожденіемъ ярмарки, которая, начиная со временъ Болгарскаго царства, всегда служила посредницей между народами востока и запада; даже до сихъ поръ едва ли найдется другой пунктъ, гдѣ бы происходила столь значительная встрѣча азіятцевъ съ европейцами для коммерческихъ цѣлей. Сюда являются представители всѣхъ отраслей нашего азіятскаго или вообще восточнаго торга по всей линіи нашей азіятской границы, начиная (въ географическомъ порядкѣ) съ торга персидскаго и закавказскаго, переходя къ бухарскому, коканскому и другимъ средне-азіятскимъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и оканчивая китайскимъ. Сюда собираются не только товары различныхъ азіятскихъ странъ, но и сами люди, исключая Китайцевъ, которые не заходятъ къ намъ дальше своихъ пограничныхъ мѣновыхъ пунктовъ. Къ образцамъ самыхъ разнообразныхъ національностей, обитающихъ въ пограничныхъ къ намъ азіятскихъ областяхъ, присоединяются здѣсь еще во множествѣ Армяне, это племя одаренное отъ природы особенною наклонностью къ торговлѣ, эти Евреи востока, и также разные подвластные намъ азіятскіе инородцы, до сихъ поръ сохранившіеся около нашихъ восточныхъ границъ, каковы Казанскіе Татары, Калмыки и проч. Пестрые національные костюмы всѣхъ этихъ восточныхъ народовъ, безпрестанно раздающійся на ярмаркѣ ихъ говоръ, цѣлые ряды ими наполненные, наконецъ, два храма, имъ принадлежащіе, на самомъ видномъ мѣстѣ ярмарочной площади, —

армянскій по правую руку православнаго собора, составляющаго центръ всего пространства, занимаемаго ярмаркой, и магометанскій по лѣвую руку, — все это какъ будто напоминаетъ объ историческихъ правахъ гражданства иновѣрнаго востока на берегахъ средняго теченія Волги, у предѣловъ коренной и чистѣйшей русской области, великой Суздальской земли, въ самомъ сердцѣ многочисленнѣйшаго европейско-христіанскаго народа. Эти храмы съ своими шпицами, чуть-чуть не досягающими до главъ православнаго собора, напоминаютъ также объ удивительныхъ, едва ли не единственныхъ въ исторіи, отношеніяхъ русскаго народа къ покореннымъ его кровію національностямъ и къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Можетъ-быть умѣстно будетъ дополнить эту картину одною мелкою, но характеристическою чертой: въ Главный домъ, во время вечерней музыки, собирающей около себя всю ярмарочную аристократію (въ томъ числѣ въ особенности обитательницъ Кунавина), строго воспрещенъ входъ *черному* народу; но воспрещеніе это не распространяется на Азіятцевъ, и казаку, буквально исполняющему приказаніе властей, и въ голову не приходитъ, чтобы какіе бы то ни было инородцы могли быть причислены къ черному или простому народу, какъ бы ни были дики ихъ лица и одежды. Инородцы, въ томъ числѣ и Азіятцы, самые почетные русскіе гости не на одной Нижегородской ярмаркѣ.

Все нами описанное придаетъ и самой наружности Нижегородской ярмарки восточный, азіятскій оттѣнокъ, который не позволяетъ ни на минуту забыть здѣсь, что мы находимся на торжищѣ востока, усиліями нѣсколькихъ вѣковъ нравственно и вещественно придвинутаго къ Европѣ, но окончательно еще не претвореннаго въ настоящій европейскій торгъ. И не въ одной только внѣшности Нижегородской ярмарки, названной иностранцами русскимъ караванъ-сараемъ, сохранились ея азіятскіе элементы: на ней до сихъ поръ происходятъ значительные обороты по нашей азіятской торговлѣ; здѣсь заказывается и отсюда идетъ множество русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, служащихъ для обмѣна на азіятскіе. Главное въ этомъ отношеніи мѣсто все-таки принадлежитъ Кяхтѣ и Сибири, за ними Закавказью и Кавказу, чрезвычайно усилившему свои закупки въ послѣднее время, и средне-азіятскимъ землямъ—Бухарѣ, Хивѣ и Кокану (послѣднимъ преимущественно вслѣдствіе привоза хлопка).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же входятъ въ соприкосновеніе съ Азіей представители народовъ Западной Европы — Нѣмцы, Французы, германскіе Евреи, преимущественно чрезъ посредство Москвы и Петербурга (отчасти и западной сухопутной нашей границы), откуда они большею частію наѣзжаютъ къ Макарію.

Несмотря, однако, на все это, мы рѣшительно не полагаемъ, чтобъ азіятская торговля составляла главное значеніе Нижегородской ярмарки, по крайней мѣрѣ въ настоящее время и собственно для Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ наши границы стали болѣе и болѣе отодвигаться въ глубину Азіи, постепенно вводя въ составъ русской государственной территоріи степи, раздѣлявшія насъ отъ Китайской имперіи и отъ мелкихъ средне-азіятскихъ государствъ, съ тѣхъ поръ какъ мы стали твердою пятой на торговыхъ путяхъ, идущихъ оттуда въ Европу, съ тѣхъ поръ какъ заселились окраинныя области европейской Россіи на востокѣ, и русскіе переселенцы переходятъ на самыя границы азіятскихъ государствъ, нерѣдко участвуя даже въ торговыхъ караванахъ, проникающихъ въ ихъ внутреннія рынки,—съ этихъ поръ спеціяльное значеніе Макарьевскаго торга, какъ центра азіятской торговли, постепенно блѣднѣетъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ особенности въ послѣднія 25 лѣтъ (приблизительно) значительно усилились прежніе и возникли новые мѣновые пункты какъ на самой нашей азіятской границѣ, такъ и вблизи ея; таковы наши мѣновые пункты: Ирбить, Тюмень, Семипалатинскъ, Оренбургъ и проч., и китайскіе: Чугучакъ и Кульджа, не игравшіе прежде никакой роли въ торговлѣ. Послѣднія военныя экспедиціи въ Средней Азіи и успѣхи административнаго благоустройства въ пограничныхъ нашихъ областяхъ должны могущественно дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Вновь занятые нами важные коммерческіе пункты (Туркестанъ, Аулета, Чемкентъ) на путяхъ соединяющихся здѣсь изъ разныхъ и даже весьма противоположныхъ краевъ Азіи (съ востока и юга, изъ Китая и Бухары) должны еще болѣе приблизить насъ къ средне-азіятскимъ рынкамъ, какъ напримѣръ къ Ташкенту, котораго роль можетъ быть очень значительна въ нашей азіятской торговлѣ, и который нынѣ уже почти находится въ нашемъ распоряженіи. Судя, при скудости письменныхъ извѣстій, по отзывамъ нашихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки въ восточной Россіи и пограничные

мѣновые наши пункты, коммерческая дѣятельность здѣсь весьма оживилась. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ приближенія центровъ нашей азіятской торговли къ востоку служитъ чрезвычайное развитіе въ послѣднее время Ирбитской ярмарки: съ двухъ милліоновъ рублей оборота въ 20-хъ годахъ она возрасла нынѣ свыше 50-ти, и въ послѣднія двадцать лѣтъ ея обороты вообще удвоились. Ирбитская ярмарка находится въ самой ближайшей связи съ Нижегородскою, и въ отношеніи къ сибирской и сѣверо-азіятской торговлѣ дѣлаетъ почти одно съ нею дѣло. Потому не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Ирбитская ярмарка усиливалась на счетъ оборотовъ собственно азіятской торговли Нижегородской ярмарки. Еще далѣе на востокѣ весьма недавно (съ 1845 г.) возникла Тюменская ярмарка, которой, вслѣдствіе ея благопріятнаго географическаго положенія въ узлѣ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній Западной Сибири, сулятъ блестящую будущность. Постепенное раздвиженіе къ востоку нашего азіятскаго рынка есть явленіе самое естественное. кромѣ указанныхъ уже нами обстоятельствъ, обусловившихъ собою это движеніе, на него имѣло особенное вліяніе развитіе пароходства, которое въ послѣднее время водворяется даже въ системѣ Оби, и между прочимъ, должно современемъ придать большое значеніе Тюмени. Чрезвычайно усилившееся пароходное движеніе на Камѣ и между Нижнимъ, Казанью и Пермью значительно измѣняетъ характеръ торговли съ Сибирью и Кяхтою; нынѣ нѣтъ уже надобности до такой степени спѣшить доставкой сибирскихъ товаровъ къ Макарью и закупкой у Макарья товаровъ для Кяхты, Сибири и вообще Азіи, подобно тому какъ спѣшили въ прежнее время. Тѣ же самые товары могутъ и въ другое время (въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ) быть получены прямо изъ Москвы и отправлены прямо въ Москву, между которою и Нижнимъ, можно сказать, нѣтъ нынѣ никакого разстоянія, съ точки зрѣнія сибирской и азіятской торговли, привыкнувшей разчитывать перевозку товаровъ на мѣсяцы и считающей ни во что цѣлые лишніе дни, а не только часы, отдѣляющіе нынѣ Нижній отъ Москвы. Прямо въ Москву изъ Кяхты доставляется въ теченіе года не меньше количества чая чѣмъ въ Нижній. Пароходство на Камѣ, значительно усилившее торговлю Перми, и вообще чрезвычайное развитіе пароходства на Волгѣ, въ связи съ общимъ приближеніемъ центровъ нашего азіятскаго

торга къ востоку, ослабили, кажется, значеніе Казани, на счетъ которой выросла Пермь. Роль Казани на Нижегородской ярмаркѣ, когда-то и не такъ еще давно здѣсь первенствовавшей послѣ Москвы, — роль Казани, гдѣ въ давнопрошедшія времена происходила и самая ярмарка, и московскіе купцы избивались по повелѣнію казанскихъ царей,—въ настоящее время упала. Причина этому заключается, вѣроятно, какъ въ направленіи, которое получила азіятская наша торговля, такъ и въ другихъ измѣнившихся обстоятельствахъ въ ходѣ Нижегородской ярмарки, какъ увидимъ дальше. Согласно съ этимъ движеніемъ азіятской торговли къ востоку и юго-востоку, теперь насъ занимающимъ, получили особенную силу на Нижегородской ярмаркѣ оренбургскіе купцы, главные и весьма дѣятельные посредники нашей степной и средне-азіятской торговли. *

Итакъ, мы не думаемъ, чтобъ обмѣнъ товаровъ между востокомъ и западомъ, Азіей и Европой, составлялъ главное и отличительное значеніе Нижегородской ярмарки, хотя мы нисколько и не отрицаемъ ея дѣятельнаго участія въ нашемъ азіятскомъ торгѣ и восточныхъ элементовъ, которые въ такомъ обиліи вошли исторически и географически въ ея составъ и до сихъ поръ въ ней держатся. Объ этихъ восточныхъ элементахъ и ихъ взаимнодѣйствіи съ западными и европейскими мы еще будемъ говорить въ послѣдствіи. Для азіятской торговли Нижегородская ярмарка, кажется намъ, гораздо болѣе важна нынѣ какъ мѣсто свиданія, собиранія свѣдѣній и заключенія сдѣлокъ между торгующими, нежели какъ мѣсто дѣйствительнаго обмѣна товаровъ. По отношенію къ нашей кяхтинской и чайной торговлѣ здѣсь ключъ къ развязкѣ дѣла за истекшій годъ и къ завязкѣ на

---

* Намъ могутъ нынѣ замѣтить, что мы говоримъ о разныхъ явленіяхъ на ярмаркѣ въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: *торговля упала, торговля значительна* и проч. Но мы должны повторить здѣсь то что̀ уже не разъ было нами сказано: мы предпочитаемъ общія впечатлѣнія, выведенныя изъ личныхъ наблюденій и отзывовъ торгующихъ, выводамъ изъ статистическихъ цифръ, не имѣющихъ никакой, даже приблизительной, вѣрности. Мы понимаемъ, однако, недостаточность нашихъ неопредѣленныхъ выраженій, которыя могутъ получить точность лишь посредствомъ изслѣдованій, произведенныхъ иными методами нежели каковы нынѣшнія статистическія вѣдомости о ярмаркахъ.

будущій здѣсь преимущественно рѣшается будущее направленіе кяхтинскихъ оборотовъ, законтрактовываются чаи и русскіе товары и устанавливаются цѣны, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ дальнѣйшее колебаніе цѣны на чай во всей Россіи. Гдѣ бы,—хотя бы въ Одессѣ, или Тифлисѣ, или Петербургѣ, — ни продавался чай, главный вопросъ состоитъ въ томъ по чемъ продавали или будутъ продавать у Макарія? Подобное значеніе имѣетъ Нижегородская ярмарка и для другихъ отраслей нашего азіятскаго торга: мы знаемъ много операцій и сдѣлокъ, заключенныхъ или затѣянныхъ во время ярмарки, безъ всякаго однако наличнаго товара. Такъ, огромные запасы бумажныхъ тканей идутъ изъ Костромской губерніи (изъ Вычуги и окружающей ея мѣстности) въ Киргизскія степи и Среднюю Азію, помимо Нижегородской ярмарки; но здѣсь фабриканты соображаютъ предполагаемый отпускъ товара и даже законтрактовываютъ доставщиковъ къ мѣстамъ назначенія товара. Это послѣднее обстоятельство также заслуживаетъ вниманія: Нижегородская ярмарка, какъ одно изъ важнѣйшихъ средоточій всѣхъ водяныхъ сообщеній Россіи, какъ ближайшее къ Москвѣ и самое многолюдное средоточіе Волжскаго бассейна, представляетъ нынѣ наиболѣе удобствъ для пересылки товаровъ. Здѣсь не только главный на Волгѣ центръ пароходства и судоходства, но здѣсь также собираются подрядчики и для сухопутной доставки товаровъ въ самые отдаленные края Россіи. Всѣ эти операціи сосредоточены около ярмарочныхъ пристаней, которыя составляютъ особый міръ на ярмаркѣ, и на которыхъ расположены въ шалашахъ и балаганахъ самыя конторы доставщиковъ товаровъ. И если, напримѣръ, иной разъ невозможно прямо отправить товаръ изъ какого-нибудь фабричнаго села Владимірской или Нижегородской губерній въ мѣсто отстоящее на какую нибудь сотню верстъ, то съ Нижегородской ярмарки его легко отправить куда угодно, хотя на край свѣта. И для этого даже не нужно вести сюда самый товаръ. Такія удобства для пересылки товаровъ ярмарка заключаетъ въ себѣ, очевидно, не вслѣдствіе однихъ только географическихъ условій своей мѣстности, но главнымъ образомъ какъ мѣсто великаго сходбища всякаго рода участниковъ торговли — производителей, торговцевъ, коммиссіонеровъ, подрядчиковъ и рабочихъ. Значеніе ярмарки какъ *биржи* и коммерческаго средоточія можно назвать преобладающимъ какъ въ области всей нашей

внутренней торговли отечественными мануфактурными товарами, произведеніями Урала и вообще всѣми товарами, слѣдующими, какъ желѣзо и рыба, по Волгѣ черезъ Нижній (кромѣ, однако, хлѣба, для котораго Нижегородская ярмарка маловажна, въ сравненіи съ другими мѣстами, хотя и стала важнѣе въ послѣднее время, вслѣдствіе прямой отправки изъ Нижняго по желѣзной дорогѣ),—такъ и въ азіятской торговлѣ, въ особенности сибирской, и въ нѣкоторыхъ вывозныхъ нашихъ отрасляхъ (какъ кожи и мѣха, вообще идущіе съ востока и сѣвера). На ярмарку пріѣзжаетъ множество торговцевъ и даже многіе знатнѣйшіе, безъ всякаго товара, единственно *для разчетовъ*, какъ обыкновенно выражаются. Подъ этими разчетами должно разумѣть какъ вообще все то для чего торгующій посѣщаетъ биржу, такъ и разчеты въ тѣсномъ смыслѣ слова, преимущественно же *полученія*, для которыхъ ярмарки составляютъ, при обстоятельствахъ нашего кредита, самый удобный способъ тому кто не расплатится исправно, не будетъ отпущено вновь товара какъ самимъ его кредиторомъ, такъ и другими состоящими съ послѣднимъ въ связяхъ. Эта мѣра все-таки весьма дѣйствительная, и у насъ она едва ли не единственная охрана кредита. Въ этомъ отношеніи Нижегородская ярмарка представляетъ особенныя удобства, такъ какъ здѣсь производятся разчеты и за множество другихъ ярмарокъ и операцій, происходившихъ помимо ея: не пріѣхалъ кто-нибудь изъ обычныхъ посѣтителей за товаромъ къ Макарію, значитъ дѣло плохо, значитъ надо посылать за деньгами на мѣсто. На такомъ сходбищѣ людей изъ всѣхъ краевъ Россіи всего лучше можетъ быть обнаружено и оглашено положеніе дѣлъ всякаго торговца. Для всѣхъ этихъ биржевыхъ цѣлей многіе пріѣзжаютъ на ярмарку лишь на одинъ день, на нѣсколько часовъ; за однимъ обѣдомъ или чаемъ принимаются важнѣйшія рѣшенія, заключаются милліонныя сдѣлки, которыхъ самое выполненіе будетъ вовсе не на ярмаркѣ, а у себя дома или всего скорѣе въ Москвѣ. Изъ Москвы, которая всесильна на Нижегородской ярмаркѣ, преимущественно и совершаются такого рода посѣщенія; также точно наѣзжаютъ и значительнѣйшіе фабриканты-хозяева, которыхъ личное присутствіе вовсе не нужно для продажи ихъ товара, производящейся прикащиками. Московско-Нижегородская желѣзная дорога, отчасти Николаевская, и пароходы сдѣлали возможными подобныя краткія посѣщенія ярмарки, прежде

вовсе неизвѣстныя; теперь множество людей и особенно крупные торговцы бываютъ на ярмаркѣ по нѣсколько разъ. Такимъ образомъ новые способы сообщеній, и въ томъ числѣ телеграфы, которые разносятъ съ ярмарки вѣсти о цѣнахъ и передаютъ, смотря по обстоятельствамъ ея розыгрыша, приказанія о заготовкѣ и отправленіи товаровъ, усилили *биржевой* характеръ ярмарки. Этотъ характеръ можетъ въ ближайшемъ будущемъ даже усилиться.

Но все что̀ мы сказали еще не выражаетъ главнаго и самаго существеннаго въ нашихъ глазахъ значенія Нижегородской ярмарки, безъ котораго она не могла бы служить и всѣмъ цѣлямъ, выше указаннымъ. Это значеніе заключается, прежде всего и болѣе всего, въ распредѣленіи товаровъ внутренняго нашего потребленія между средними и мелкими или вообще розничными торговцами (такъ-называемыми *городовыми*, то-есть мѣстными купцами), закупающими здѣсь товары изъ первыхъ рукъ, у самихъ фабрикантовъ или у гуртовщиковъ. Въ этомъ главная экономическая сила Нижегородской ярмарки для внутренней торговли и фабричной промышленности Россіи, отчасти также и для иностранной наиболѣе распространенные у насъ и наиболѣе неизбѣжные (дешевые и грубые) иностранные товары также идутъ отсюда къ мѣстамъ внутренняго сбыта. Какъ въ дѣйствительности происходитъ такого рода дѣятельность ярмарки мы уже хорошо видѣли въ описаніи чайной и желѣзной торговли (въ III главѣ). Какъ важна эта дѣятельность для Россіи, кажется, нѣтъ надобности распространяться. Съ одной стороны, ея пространство, рѣдкость народонаселенія и недостаточность путей сообщенія, требующія несравненно бо́льшихъ капиталовъ для обращенія товаровъ и для коммерческихъ операцій съ ними чѣмъ малыя пространства и густое народонаселеніе; съ другой стороны, при подобныхъ естественныхъ условіяхъ, малочисленность крупныхъ капиталовъ и слабость кредита; далѣе, рѣдкость городскихъ поселеній и значительныхъ торговыхъ людей въ большей части Имперіи,—все это придаетъ особенное значеніе процессу снабженія товаромъ мѣстъ потребленія, переходу товаровъ изъ первыхъ рукъ во вторыя, посредничеству между производителями и ихъ гуртовыми покупателями съ одной стороны, и мелочниками, продающими товаръ потребителямъ, съ другой. Покупка товара городовыми купцами

у гуртовщиковъ, съѣздъ *городовыхъ* къ Макарію — вотъ, кажется намъ, важнѣйшая часть этого торга, далеко преобладающая надъ всѣми другими его элементами, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни были значительны; и вотъ также причина того могущественнаго вліянія, которое имѣетъ Макарьевскій торгъ на весь механизмъ нашего народнаго хозяйства. Такъ, главная цѣль чайной развязки на Нижегородской ярмаркѣ заключается въ снабженіи чаемъ городовыхъ купцовъ; отъ этой операціи зависятъ распродажа чая Сибиряками гуртовщикамъ и закупка товаровъ для Кяхты, а не наоборотъ. То же самое найдемъ мы и во всѣхъ другихъ отрасляхъ товаровъ. По этой же причинѣ получила нынѣ такое преобладающее на ярмаркѣ значеніе торговля хлопчато-бумажными издѣліями, составляющими громадную отрасль внутренняго потребленія. подлѣ оборотовъ по распродажѣ этихъ издѣлій осѣдлымъ и кочевымъ (ходебщикамъ) мѣстнымъ торговцамъ всѣ другія хлопчато-бумажныя операціи, какова закупка матеріяловъ (хлопка и красокъ) для фабрикаціи, также отчасти здѣсь производящаяся, совершенно ничтожны. Распродажа товара *городовымъ* даетъ тонъ всѣмъ ярмарочнымъ оборотамъ, связаннымъ съ хлопчато-бумажною фабрикаціей; ею обусловлены и ею руководствуются всѣ другія ярмарочныя операціи, связанныя съ хлопчато-бумажнымъ дѣломъ и въ другихъ отрасляхъ ярмарочной торговли. Расплата городовыхъ и всякаго званія розничныхъ торговцевъ, торгующихъ на мѣстахъ, за товаръ забранный на предыдущихъ ярмаркахъ, заборъ ими новаго товара, количество привезенныхъ ими съ собою наличныхъ денегъ, размѣры и сроки выпрашиваемыхъ ими кредитовъ, остатки непроданнаго ими товара, ихъ отзывъ о ходѣ дѣлъ на мѣстахъ, ихъ виды и надежды на будущее — вотъ что составляетъ главный интересъ Нижегородской ярмарки для всѣхъ ея участниковъ, что даетъ то или другое направленіе ея развязкѣ, что опредѣляетъ хорошую или дурную ярмарку, что составляетъ ея самый жизненный и самый капитальный *вопросъ* даже и для того торговца, который пріѣхалъ на нее безъ товара, даже для того, кто совсѣмъ на нее не ѣздилъ. Этотъ вопросъ, очевидно, обусловливаетъ собою все мануфактурное производство Россіи и всѣ обороты внутренней торговли на цѣлый годъ. Ярмарка всего лучше изображаетъ собою внутреннее, мѣстное потребленіе Россіи, для котораго она слу-

житъ главною у насъ господствующею коммерческою пружиной; отсюда понятно все ея великое экономическое значеніе. Здѣсь сбывается по преимуществу товаръ, вошедшій у насъ во всеобщее употребленіе,—товаръ ординарный, средній, фундаментальный, соотвѣтствующій общимъ вкусамъ публики. Съ другой стороны, чтобы какой-нибудь товаръ сдѣлался предметомъ потребленія массы публики, важнѣе всего чтобъ онъ показался на Нижегородской ярмаркѣ.

Мы достаточно, кажется, выяснили ту экономическую функцію Нижегородской ярмарки, которая, по нашему убѣжденію, господствуетъ въ ней надъ всѣми другими ея дѣйствіями; этихъ дѣйствій, отчасти уже указанныхъ нами въ предыдущей главѣ, мы не отрицаемъ· мы даемъ имъ только подчиненное, второстепенное значеніе.

На Нижегородской ярмаркѣ можно найдти всѣ безъ изъятія виды, формы и ступени коммерческой дѣятельности, начиная отъ самыхъ крупныхъ, оптовыхъ и даже международныхъ операцій, ворочающихъ милліонами, до самаго мелкаго розничнаго торга, разчитывающаго свои прибыли по копѣйкамъ. Огромное стеченіе народа всякаго званія, всякихъ національностей, съ разнообразными вкусами и потребностями, чрезвычайно плодитъ здѣсь мѣстный розничный торгъ, такъ что розничная торговля, собственно ярмарочная, удовлетворяющая потребностямъ самой ярмарочной публики (напримѣръ, трактирная), составляетъ сама по себѣ обширную отрасль ярмарочной дѣятельности, употребляющую тысячи рукъ. И тамъ, гдѣ всего болѣе поражаетъ масса продающагося товара, гдѣ всего въ избыткѣ, гдѣ склады товаровъ составляютъ настоящія горы, и гдѣ притомъ, вслѣдствіе особенностей нашей торговли, оптовый торгъ большею частію соединяется въ однѣхъ рукахъ съ розничнымъ, — тамъ же находятъ для себя выгоду люди продающіе чай только по осьмушкамъ, и разнощики, которыхъ весь оборотъ состоитъ изъ десятка яблоковъ или двухъ дюжинъ пуговицъ, переносимыхъ ими съ одного мѣста на другое. Гдѣ сосредоточена наша самая обширная торговля хлопчато-бумажными издѣліями, гдѣ нѣтъ русской ситцевой фабрики, которой товаръ не продавался бы изъ первыхъ рукъ, тамъ находитъ для себя пользу торговка, разъѣзжающая по ярмаркамъ съ 20-ю кусками ситца, который она получаетъ тутъ же на ярмаркѣ изъ лавокъ, гдѣ можетъ каждый купить этого ситца въ какомъ

угодно количествѣ. Рядомъ съ лавкой фабриканта, у котораго вы можете купить и 100 и 10 кусковъ, стоитъ лавка, въ которой продается его же товаръ купцомъ, не фабрикантомъ, и притомъ продается не только въ розницу, но и большими партіями. Это обстоятельство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что у фабриканта можно получить только его ситецъ, а у купца ситцы разныхъ фирмъ, и притомъ купецъ получаетъ и продаетъ на сроки покупателю, который не имѣетъ кредита у фабриканта, и т. д. Такъ объясняются всѣ подобныя, съ перваго взгляда непонятныя явленія, придающія столь великое разнообразіе Макарьевскому торгу. Особенно многолюдна на немъ толпа всякаго рода кочевыхъ торгашей и разнощиковъ, между которыми самые дѣятельные Владимірцы (офени), играющіе не послѣднюю роль на ярмаркѣ; они не только забираютъ здѣсь товаръ для разноски по всѣмъ концамъ Россіи, но, какъ первые знатоки ярмарки и дѣла, служатъ сводчиками, коммиссіонерами, посредниками, и т. д., для всякаго рода сдѣлокъ и операцій. Говоря о разныхъ видахъ торговли и промысловъ, существующихъ на ярмаркѣ, можно упомянуть еще о скупщикахъ крестьянскихъ произведеній (напримѣръ сырыхъ кожъ), или *прасолахъ*, которые сбываютъ здѣсь свой товаръ, собранный на мѣстахъ по мелочамъ въ теченіе года.

Кредитныя и банкирскія операціи ограничиваются на Нижегородской ярмаркѣ учетомъ векселей, для котораго нарочно пріѣзжаютъ нѣкоторые капиталисты (преимущественно изъ Москвы), и которымъ занимаются и многіе другіе, сверхъ спеціяльной своей торговли; всякія иныя кредитныя операціи сосредоточены исключительно въ государственномъ банкѣ, и конечно для пользы торговли весьма желательно развитіе здѣсь какъ и вездѣ частныхъ банкирскихъ домовъ. Чисто-спекулятивная торговля, то-есть разчитанная единственно на перекупъ и перепродажу на самой ярмаркѣ, вообще, сколько мы могли замѣтить, не играетъ большой роли; по крайней мѣрѣ едва ли есть участники ярмарки, посвятившіе себя исключительно спекуляціи, хотя она и производится большею частію торговцевъ совокупно съ настоящею покупкой и продажей товара. Немаловажную отрасль торговли на Нижегородской ярмаркѣ, какъ и на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ, составляла закупка товаровъ публикой (преимущественно помѣщиками сосѣднихъ мѣстностей), пріѣз-

жавшею для снабженія себя годовыми запасами домашняго обихода. Тутъ первое мѣсто занималъ галантерейный и модный, или панскій, товаръ. Эта торговля вообще упала, и не вслѣдствіе только денежнаго разстройства помѣщичьяго класса, а преимущественно вслѣдствіе развитія городовой торговли. Во многихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ прежде нельзя было ничего достать для удовлетворенія потребностей зажиточныхъ и высшихъ классовъ, нынѣ можно купить все необходимое для обихода. Во всякомъ случаѣ, этого рода торговля въ категоріи крестьянскихъ, простонародныхъ и вообще низшихъ доброть товаровъ, напримѣръ крестьянской галантереи, нынѣ значительнѣе нежели въ категоріи панскихъ и дорогихъ товаровъ. Многіе торговцы отзывались, что низкій товаръ идетъ у нихъ, сравнительно съ прежними годами, лучше высокаго; такъ, часовщики говорили, что у нихъ гораздо больше противъ прежняго (вдвое) идетъ самыхъ простыхъ стѣнныхъ часовъ, и гораздо меньше дорогихъ. Замѣтимъ, что по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ нельзя не признать преувеличеннымъ мнѣніе, которое такъ часто было высказываемо: что, съ освобожденіемъ крестьянъ, на всѣхъ ярмаркахъ чрезвычайно усилилась продажа крестьянскаго товара, и что это усиленіе вознаграждаетъ торговлю за сократившееся потребленіе дворянскаго товара. Многія отрасли крестьянскихъ товаровъ шли весьма плохо на ярмаркахъ 1864 года, и въ томъ числѣ на Нижегородской, и на крестьянскомъ товарѣ отражалось всеобщее сокращеніе потребленія. Тѣ же часовщики говорили намъ, что на низкомъ товарѣ они не наверстываютъ прежнихъ своихъ барышей.

Мы упомянули о разныхъ видахъ торговой дѣятельности, происходящей на Нижегородской ярмаркѣ, лишь въ качествѣ примѣровъ ея великаго разнообразія и многосторонности. Исчерпывать ихъ мы не имѣли въ виду и спѣшимъ возвратиться къ поставленнымъ нами въ началѣ этой главы вопросамъ, и, между прочимъ, къ вопросу о будущности ярмарки.

Изъ той главной роли, которую, по нашему убѣжденію, ярмарка выполняетъ нынѣ, въ нашемъ народномъ хозяйствѣ уже легко можно вывести насколько эта роль, а именно, посредничество между центральною, оптовою и розничною, мѣстною торговлей, можетъ измѣниться подъ вліяніемъ успѣховъ экономическихъ и нравственныхъ въ нашемъ отечествѣ. Дѣйствіе

усовершенствованій времени, приближающихъ бытъ нашего народа къ быту другихъ европейскихъ народовъ, должно быть таково же какъ и дѣйствіе вообще всѣхъ причинъ лишающихъ торговлю *кочеваго*, ярмарочнаго характера, который преобладаетъ у народовъ гражданскн-неблагоустроенныхъ, и превращающихъ ее въ торговлю *осѣдлую*, преобладающую у народовъ пользующихся охранами собственности и права. На западѣ Европы ярмарки когда-то составляли весьма важныя сосредоточія торговли, если и не въ той степени какъ и у насъ, вслѣдствіе различія географическихъ условій, отъ которыхъ столько же какъ и отъ гражданскихъ условій зависитъ характеръ торговли. Съ успѣхами просвѣщенія ярмарки въ западной Европѣ упали, и если остались, подобно Лейпцигскимъ, то преимущественно какъ сборища торгующихъ, какъ биржевыя собранія. Нѣкоторую роль прежнихъ ярмарокъ стали отчасти занимать всемірныя выставки, которыя и для насъ могутъ служить указаніемъ, въ какомъ смыслѣ могутъ еще надолго сохранить свою силу и наши ярмарки, какъ періодическія средоточія для производителей и торговцевъ, какъ могущественные способы для взаимнаго ихъ сближенія. Мы говорили уже о роли Нижегородской ярмарки, какъ главнаго во всей Имперіи сходбища всѣхъ представителей отечественной промышленности и торговли. Въ этомъ отношеніи, усовершенствованія путей сообщенія положительно послужили къ усиленію ярмарки въ послѣднее время. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить число людей, ежегодно бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ; эта цифра уже издавна, * изъ года въ годъ, исчисляется приблизительно въ 200 тысячъ душъ. Имѣя въ виду, съ одной стороны, ежегодное возрастаніе числа квартиръ для пріѣзжихъ, а съ другой — постоянно сокращающіеся сроки пребыванія на ярмаркѣ ея посѣтителей, можно съ полною достовѣрностью принять, что число людей, ежегодно перебывающихъ на ярмаркѣ, постоянно увеличивается. И это будетъ еще долго продолжаться, такъ что значеніе Нижегородской ярмарки, какъ встрѣчи торговыхъ людей, какъ нашей внутренней биржи, можетъ еще усилиться, и

---

* Единственныя точныя исчисленія были сдѣланы на основаніи количества печенаго хлѣба. Количество квартиръ не можетъ хорошо служить для этой цѣли, ибо множество народа остается на площадяхъ день и ночь.

притомъ именно подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ путей и способовъ сообщеній. Одни уже телеграфы увеличиваютъ биржевое значеніе ярмарки. Но и это усиленіе ярмарки имѣетъ свои предѣлы, такъ какъ нынѣ подлѣ ея, на разстояніи 16-ти часовъ ѣзды, находится главная и первенствующая наша биржа—*Москва*, близость которой и дѣятельное участіе въ ярмаркѣ не менѣе волжскихъ водъ, если даже въ настоящее время не болѣе, обусловливаютъ самое ея значеніе. Въ Москвѣ постоянная, въ теченіе круглаго года, ни на одинъ день не умолкающая *биржа* для внутренней торговли и мануфактурной промышленности всей Россіи; сюда, къ тому что̀ дѣлается въ Москвѣ и что̀ думаютъ въ Москвѣ, обращены взоры торговыхъ людей изъ всѣхъ концовъ нашего отечества: изъ Иркутска, Оренбурга, съ Кавказа, съ Дона, столько же какъ и изъ Риги, и съ прибрежій Балтійскаго моря. Время послѣ Макарія, когда въ Москвѣ окончательно развязывается Нижегородская ярмарка, одно изъ самыхъ оживленныхъ на Московской биржѣ. Теперь, когда сообщеніе ярмарки съ Москвой неизмѣримо облегчилось желѣзною дорогой, когда изъ Москвы начинаютъ прокладываться и другіе желѣзные пути, когда посѣщеніе Москвы послѣ Макарія сдѣлалось почти неизбѣжнымъ до такой степени, что ея не могутъ обойдти даже Азіятцы (Бухарцы въ 1863 г.), — теперь еще болѣе усиливается коммерческое значеніе *втораго Макарія*, какъ часто называютъ эту эпоху московской торговли. Вотъ гдѣ естественный предѣлъ биржевой дѣятельности Нижегородской ярмарки, и гдѣ самый могущественный конкуррентъ для ея дѣятельности! Но объ отношеніяхъ Москвы къ ярмаркѣ мы еще будемъ говорить.

Возвращаемся снова къ главному значенію ярмарки, которое мы болѣе всего хотѣли поставить на видъ. Мы упоминали уже, въ какомъ смыслѣ это значеніе должно измѣняться подъ вліяніемъ современныхъ успѣховъ просвѣщенія, народнаго хозяйства и гражданскаго благоустройства. Общій результатъ всей совокупности этихъ успѣховъ заключается въ томъ, что товары и торговцы, крупные и мелкіе, не имѣютъ болѣе надобности собираться періодически *въ одну кучу*, какъ они это дѣлаютъ на ярмаркахъ, для того чтобы товары могли изъ мѣстъ своего производства, — по необходимости сосредоточенныхъ на немногихъ пространствахъ, — и изъ рукъ немногихъ гуртовщиковъ переходить въ мѣста потребленія

разсѣянныя повсюду въ государствѣ, и въ руки безчисленнаго множества мѣстныхъ продавцевъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ усовершенствованія способовъ сообщенія, важное значеніе имѣетъ возникновеніе областныхъ коммерческихъ центровъ и складочныхъ мѣстъ тамъ, гдѣ жители обладаютъ достаточными капиталами и кредитомъ, чтобы постоянно получать товаръ и снабжать имъ свои мѣстные районы. Такую, напримѣръ, роль сталъ выполнять для юго-восточной Россіи Харьковъ, въ которомъ ярмарки, одна за другою слѣдующія, болѣе и болѣе превращаются въ постоянные склады и въ безпрерывную оптовую торговлю, постепенно поглащающую въ себѣ дѣятельность всѣхъ украинскихъ ярмарокъ. Такъ, съ успѣхами времени можетъ измѣниться и значеніе нѣкоторыхъ московскихъ гуртовщиковъ, которыхъ сила именно состоитъ въ томъ, что они одни могутъ нынѣ получать товаръ съ нѣкоторыхъ фабрикъ, и къ нимъ должны обращаться не только городовые, но и московскіе торговцы, чтобъ имѣть этотъ товаръ.

Мы не станемъ входить въ теоретическое изображеніе сего процесса экономическаго развитія, имѣющаго своимъ окончательнымъ результатомъ облегченіе и ускореніе коммерческаго посредничества между производителями и потребителями, сокращеніе пружинъ этого посредничества, сокращеніе, всюду сопутствующее экономическому прогрессу, хотя и никогда не могущее дойдти до нуля. Ярмарки въ свое время были также шагомъ впередъ на этомъ пути: онѣ составляютъ значительный успѣхъ въ сравненіи съ монополіей кочующихъ купцовъ, которые разъ въ году забредутъ въ какое-нибудь захолустье, чтобы закупить всѣ мѣстныя произведенія и снабдить жителей самыми разнообразными предметами роскоши, или въ сравненіи съ монополіей одного гуртоваго торговца на уѣздъ или одного мелочника на какой-нибудь городъ. Ярмарки открыли и потребителямъ, и торговцамъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ доступъ къ товарамъ изъ первыхъ рукъ. У насъ этотъ успѣхъ былъ еще тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что на гуртовыя ярмарки стали ѣздить не только собственно торговцы, но и сами фабриканты: такъ, даже на самыя дальнія украинскія ярмарки посылаются товары съ прикащиками прямо съ московскихъ и владимірскихъ фабрикъ. Но какъ бы то ни было, ярмарки должны уступить рано или поздно мѣстной лавочной торговлѣ, которая безостано-

вочно, по мѣрѣ потребленія, снабжала бы мѣстныхъ жителей товарами изъ мѣстныхъ складочныхъ центровъ или изъ мѣстъ производства, безъ всякаго предварительнаго періодическаго скучиванія товаровъ въ этомъ несомнѣнный, желательный успѣхъ торговли. Не будемъ уже говорить о всѣхъ довольно извѣстныхъ неудобствахъ ярмарочной торговли, о страшной тратѣ народныхъ силъ ее сопровождающей и ложащейся на цѣну товаровъ, о порчѣ этихъ послѣднихъ, о потерѣ времени торгующими и ихъ прикащиками во время разъѣздовъ по ярмаркамъ, не прекращающихся въ теченіе цѣлаго года, объ этомъ *ярмарочномъ людѣ*, составляющемъ замѣтную часть народонаселенія Имперіи, отвлеченную отъ производства и правильныхъ занятій, о вредномъ нравственномъ вліяніи ярмарочной, бездомовой жизни, и т. д.; но обратимъ вниманіе лишь на одно неблагопріятное обстоятельство, неразлучно связанное съ ярмарочною торговлей и наносящее ольшой ущербъ народному хозяйству. Это обстоятельство заключается въ чрезвычайной неправильности, съ какою образуются и колеблятся товарныя цѣны. Торгующіе на ярмаркахъ исчисляютъ всѣ свои ярмарочные расходы *гуртомъ*, за всѣ ярмарки въ году, и раскладываютъ эти расходы на цѣну товаровъ, гдѣ бы они ни продавались, не исключая большею частію даже и своего собственнаго края, откуда везутся товары на ярмарки. Иначе они едва ли и могутъ дѣлать. Отсюда происходитъ, что данный товаръ можетъ, напримѣръ, продаваться по той же самой цѣнѣ и на Нижегородской ярмаркѣ, и въ Ирбити, и въ Харьковѣ, и даже въ Москвѣ, несмотря на весьма различные накладные расходы по каждой ярмаркѣ, и несмотря даже на расходы по перевозкѣ. Далѣе, что̀ еще гораздо важнѣе, ярмарки производятъ потрясенія въ цѣнахъ, вовсе независящія отъ общаго движенія цѣнъ въ государствѣ и общихъ естественныхъ условій этого движенія. Напримѣръ, вдругъ вздумаетъ какой-нибудь значительный торговецъ скупить весь привезенный на ярмарку товаръ, и цѣна на него въ нѣсколько часовъ поднимается баснословно; привезти новые запасы невозможно, а съѣхавшимся различнымъ торговцамъ нужно запастись товаромъ во что бы то ни стало: они не могутъ же воротиться въ свои мѣста съ пустыми руками. Мы не разъ были свидѣтелями подобныхъ явленій. Нигдѣ не случается у насъ такихъ быстрыхъ и крутыхъ колебаній въ цѣнахъ какъ на ярмаркахъ. Иначе и быть не мо-

жетъ: при ограниченности запасовъ товаровъ, существующихъ на ярмаркахъ и напередъ опредѣленныхъ, по весьма приблизительному исчисленію вѣроятнаго на нихъ спроса, въ количественныхъ отношеніяхъ предложенія и спроса продавцевъ и покупателей могутъ быть здѣсь такія случайности и несообразности, какія въ осѣдлой торговлѣ, въ постоянныхъ центрахъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ невозможны. Дѣйствительную развязку каждой ярмарки нельзя предвидѣть; она рѣдко соотвѣтствуетъ самымъ правдоподобнымъ ожиданіямъ. Самое ничтожное обстоятельство можетъ перевернуть весь ходъ дѣла. Не подъѣхала, отъ распутицы или отъ какихъ другихъ причинъ, ожидавшаяся партія товара, а между тѣмъ наѣхало неожиданно много его покупателей, и товаръ страшно дорожаетъ; случилось наоборотъ: не прибыли по какимъ-нибудь причинамъ двое-трое главныхъ покупателей, въ виду которыхъ товара навезено въ излишествѣ, и онъ продается за безцѣнокъ, чтобы не везти назадъ. Наши ярмарки полны подобныхъ происшествій: въ правильной торговлѣ они составляютъ исключеніе, въ ярмарочной — нормальный ходъ дѣла. Все это очень натурально, когда спросъ и предложеніе не встрѣчаются и не сходятся между собой, а *сталкиваются*, и притомъ такъ стремительно, что толчки, и самые жестокіе, никогда не могутъ быть напередъ разчитаны.

Теперь посмотримъ на тѣ важнѣйшія совершившіяся въ послѣднее время измѣненія въ характерѣ Нижегородской ярмарки, какія мы могли вывести изъ нашихъ наблюденій и сообщенныхъ намъ свѣдѣній. Заявимъ прежде всего, что тщательное соображеніе и сличеніе всѣхъ извѣстныхъ намъ данныхъ не оправдало въ нашихъ глазахъ ни одного изъ двухъ рѣшительныхъ мнѣній,—ни того что Нижегородская ярмарка вообще возрастаетъ, ни того что она падаетъ. Да и не думаемъ чтобы можно было сдѣлать какое-либо *рѣшительное* заключеніе, въ виду недостатка полныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ. О недостовѣрности цифръ относительно количества привоза и распродажи товаровъ мы уже говорили. Единственныя точныя цифры относительно ярмарочнаго движенія, позволяющія сдѣлать нѣкоторыя выводы, заключаются въ свѣдѣніяхъ о доходахъ, получаемыхъ казной съ ярмарки. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о количествѣ лавокъ (нумеровъ), розданныхъ для торговли на ярмаркѣ, начиная съ

1824 г. Изъ нихъ оказывается, что съ 1824 по 1864 г. включительно количество нумеровъ почти удвоилось (возросло съ 3.294 до 5 907); но это возрастаніе было весьма неравномѣрно, такъ что, раздѣляя весь сорокалѣтній періодъ на десятилѣтія, находимъ, что количество розданныхъ казною лавокъ возросло.

Съ 1824 по 1834 г. на 17½%.
„ 1834 „ 1844 „ „ 28%.
„ 1844 „ 1854 „ „ 5½%.
„ 1854 „ 1864 „ „ 13½%.

Итакъ, на основаніи этихъ данныхъ, десятилѣтіе съ 1834 по 1844 г. было бы эпохой самаго сильнаго возрастанія Нижегородской ярмарки, а десятилѣтіе съ 1844 по 1854 г. самаго слабаго. Затѣмъ въ послѣднее истекшее десятилѣтіе, если основываться на этихъ данныхъ, ярмарка стала возрастать въ гораздо сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе. Къ этому мы могли бы еще присовокупить, что сверхъ казеннаго гостинаго двора построены, въ самое послѣднее время, огромные частные каменные ряды, заступившіе мѣсто временныхъ ярмарочныхъ помѣщеній, и что вообще ярмарка во своемъ внѣшнемъ видѣ значительно возрасла въ послѣдніе годы. Это бросается въ глаза кто не былъ на ярмаркѣ пять лѣтъ, тотъ едва можетъ узнать ее. При этомъ, однако, не мѣшаетъ замѣтить, что значительно измѣнили видъ ярмарки пожары, заставившіе перестроить сызнова цѣлые кварталы и разнести на большое пространство то что прежде тѣснилось на одномъ мѣстѣ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что число людей, торгующихъ на ярмаркѣ, также какъ и вообще посѣщающихъ ее, возросло и возрастаетъ. Это доказывается и приведенными выше цифрами: въ десятилѣтіи съ 1854 по 1864 годъ, отдѣльно взятомъ, быстрѣйшее возрастаніе было съ 1857 г. по 1859 г., что соотвѣтствуетъ всеобщему коммерческому нашему возбужденію этого времени; затѣмъ съ 1861 г. количество розданныхъ лавокъ даже уменьшается и снова начинаетъ возрастать лишь съ 1864 г. Въ этихъ частныхъ колебаніяхъ мы видимъ не столько общее движеніе ярмарки, сколько дѣйствіе временныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ торговли. Увеличеніе числа торгующихъ доказывается еще и возрастаніемъ наемной платы за лавки и такъ - называемаго

вкупа—передачи лавокъ другимъ лицамъ, съ надбавкой сверхъ полавочнаго казеннаго сбора.

Но возрастаніе числа лавокъ и торгующихъ, хотя бы и вполнѣ доказанное, еще далеко не можетъ служить окончательнымъ доказательствомъ усиленія самой ярмарки, то-есть, усиленія ея дѣятельности и ея значенія въ отношеніи къ промышленности и торговли Россіи. Вопервыхъ, съ общимъ возрастаніемъ народонаселенія Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ отраслей ея экономической дѣятельности, ярмарка *численно* по необходимости должна нѣсколько возрастать, если только она рѣшительно не падаетъ, чего, кажется, никакъ нельзя предполагать. Вовторыхъ, ярмарочная торговля происходитъ не въ однѣхъ лавкахъ, ни лавки ни даже наличные запасы товаровъ, и вообще никакія вещественныя принадлежности ярмарки, не изображаютъ сами по себѣ всѣхъ коммерческихъ ея оборотовъ и ея внутренней экономической силы. Въ одной лавкѣ, черезъ посредство которой запасаются какимъ-нибудь товаромъ цѣлые края Россіи, могутъ производиться обороты неизмѣримо болѣе обширные и болѣе важные для общихъ интересовъ нашего народнаго хозяйства нежели въ 50-ти лавкахъ, торгующихъ единственно для снабженія товаромъ сосѣдней съ ярмаркою мѣстности или для потребленія на самой ярмаркѣ. Наконецъ, множество людей пріѣзжаетъ и закупаетъ товаръ, вовсе не имѣя для него помѣщеній; а между тѣмъ именно эти-то городовые покупатели и составляютъ главный нервъ ярмарки. Опредѣлить размѣръ ихъ оборотовъ по поголовному ихъ числу нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они самыхъ разнообразныхъ калибровъ, отъ покупателей на сотни рублей, до покупателей на сотни тысячъ. Каждый изъ нихъ можетъ занимать одинаково грязную и тѣсную каморку въ гостиницѣ. Только сличеніе множества самыхъ разнородныхъ внѣшнихъ признаковъ ярмарочной жизни, послѣ продолжительнаго изученія каждаго признака, можетъ дать нѣкоторое понятіе объ оборотахъ ярмарки и ея движеніи. На это потребовались бы годы работы, за которую никто еще у насъ не принимался.

На основаніи существующихъ данныхъ, мы должны отказаться отъ всякаго опредѣленія размѣровъ коммерческихъ оборотовъ, происходящихъ на Нижегородской ярмаркѣ, а потому и отъ опредѣленія значительности этихъ оборотовъ въ отношеніи къ оборотамъ всей внутренней торговли Рос-

сіи, а затѣмъ и отъ всякаго разрѣшенія вопроса насколько это отношеніе измѣнилось и измѣняется въ пользу или въ ущербъ ярмарки. Мы можемъ только указать на нѣкоторыя явленія, замѣченныя нами по разнымъ отраслямъ ярмарочной торговли и дающія приблизительное понятіе объ измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствахъ ярмарки.

Мы въ особенности замѣтили во всѣхъ отрасляхъ торговли, съ которыми успѣли ознакомиться на ярмаркѣ, и въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ, одно явленіе, составляющее значительное измѣненіе въ ея ходѣ. Это явленіе принадлежитъ именно къ тому кругу операцій, въ которыхъ мы видимъ важнѣйшую роль ярмарки, и поэтому оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Мы говоримъ о сильномъ возрастаніи *среднихъ* и *мелкихъ* мѣстныхъ торговцевъ-покупателей, при неувеличивающемся или даже сокращающемся числѣ крупныхъ гуртовщиковъ. Количество пріѣзжающихъ на ярмарку городовыхъ купцовъ средней руки, ведущихъ розничный торгъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ оптовымъ, а также и мелочниковъ, занимающихся только розничною или лавочною торговлей, чрезвычайно возросло въ послѣднее время и постоянно возрастаетъ. Въ этомъ мы убѣдились по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, и въ этомъ же смыслѣ слышали отзывы многихъ купцовъ. Въ особенности, кажется, падаетъ дѣятельность первостатейныхъ *мѣстныхъ* гуртовщиковъ, которые въ прежнее время, получая на ярмаркѣ запасы всякихъ товаровъ мѣстнаго потребленія, снабжали ими мѣстныхъ розничныхъ торговцевъ цѣлаго края: теперь послѣдніе стали сами ѣздить на ярмарку. Это явленіе замѣчается въ особенности въ отношеніи ко всему поволжскому краю, сблизившемуся съ ярмаркой посредствомъ пароходства. Вмѣсто того чтобы быть въ зависимости отъ мѣстнаго гуртовщика, самый мелкій торговецъ тратитъ 3 р. с. за проѣздъ до ярмарки и самъ запасается на ней товаромъ. Многіе мѣстные гуртовщики, чтобы не прекратить своей торговли, должны были завести подлѣ оптовой розничную. Въ этомъ отношеніи, кажется, напримѣръ, въ особенности потерпѣла Казань, которая черезъ посредство Макарія снабжала товарами весь сѣверо-восточный край. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается сокращеніе всякаго рода кочующихъ торговцевъ-покупателей (офеней), въ особенности крупныхъ людей этой категоріи, снабжавшихъ товаромъ цѣ-

лые отдаленные края; мѣсто разнощиковъ стали все болѣе и болѣе занимать осѣдлые торговцы.

Таково наше главное замѣчаніе относительно измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствъ Нижегородской ярмарки. Не знаемъ, не то ли хотѣли выразить и нѣкоторые писатели, говоря что ярмарка дѣлается болѣе и болѣе *народною*. Во всякомъ случаѣ, выраженіе это, въ приложеніи къ Нижегородской ярмаркѣ, не совсѣмъ для насъ понятно. Народною, въ смыслѣ явленія важнаго для коммерческихъ и промышленныхъ интересовъ всего нашего народа, Макарьевская ярмарка была съ незапамятныхъ временъ нашей исторіи. Если же подъ этимъ выраженіемъ, произносимымъ съ обычною у насъ въ подобныхъ случаяхъ торжественностью, хотятъ дать понять, что въ ярмарочной торговлѣ сталъ нынѣ болѣе принимать участіе простой, рабочій народъ, на мѣсто прежнихъ высшихъ и достаточныхъ классовъ, что ярмарочная торговля дѣлается *простонародною*, или такъ-называемою крестьянскою, то это рѣшительно несправедливо; и еслибы произошло подобное явленіе, доселѣ ничѣмъ инымъ не подтверждающееся, какъ развѣ нѣсколько усилившимся числомъ крестьянъ и рабочихъ, прибывающихъ на ярмарку изъ самыхъ ближнихъ мѣстъ для работъ или просто для гульбы, то это явленіе, конечно, означало бы окончательное паденіе ярмарки. Такія народныя ярмарки разсѣяны въ безчисленномъ множествѣ по всему пространству Имперіи.

Развитіе путей сообщенія, способствующее нынѣ увеличенію посѣтителей ярмарки и какъ будто расширяющее пока географическій районъ ея дѣятельности, должно, однакоже, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ повести къ инымъ, противуположнымъ результатамъ, и ярмарка дѣйствительно можетъ мало-по-малу утратить свое нынѣшнее значеніе. Разрѣшеніе великаго вопроса о соединеніи центра Россіи и Волги съ юго-западомъ и Чернымъ моремъ не пойдетъ въ прокъ собственно Нижегородской ярмаркѣ, несмотря на то что этотъ желанный путь чрезвычайно расширитъ область того движенія товаровъ, въ которомъ эта ярмарка есть, конечно, самое бойкое мѣсто, но въ которомъ душой является Москва.

Въ какой степени Москва всесильна въ дѣлѣ снабженія мануфактурными товарами и предметами роскоши городовой торговли, составляющей нынѣ главную функцію

Нижегородской ярмарки, и въ какой степени всякое облегченіе путей къ Москвѣ дѣлаетъ ненужными связи съ ярмаркой, служитъ доказательствомъ Украинскій ярмарочный рынокъ. Шоссейная дорога соединяетъ его съ Москвой, и можно сказать, что онъ не имѣетъ нынѣ ничего общаго съ Нижегородскою ярмаркой; весь Украинскій рынокъ, какъ съ получаемыми, такъ и съ отсылаемыми имъ товарами, совершенно оторванъ нынѣ отъ Макарія; коммерческіе дѣятели того и другаго совершенно различные. Между тѣмъ въ воспоминаніяхъ торговцевъ-старожиловъ Украйны (восточной, въ области Харькова) еще сохранилась память о связяхъ съ Макаріемъ, о неизбѣжныхъ ежегодныхъ поѣздкахъ къ Макарію черезъ Воронежъ, которыхъ нынѣ кажется, простылъ и слѣдъ. Украйнѣ нужна одна только Москва.

Но безъ Москвы и Нижегородской ярмарки нечего было бы дѣлать: она главное складочное мѣсто для всей нашей внутренней торговли; да и иностранными товарамивнутреннiе наши рынки снабжаются почти исключительно чрезъ посредство Москвы Городовые купцы всегда увѣрены, что найдутъ въ Москвѣ всякій товаръ во всякое время; этой увѣренности они никогда не могутъ имѣть относительно какой бы то ни было ярмарки, даже относительно Нижегородской. Множество мѣстныхъ торговцевъ поѣзжаютъ до Макарія Москву, гдѣ больше выбора, и часто уѣзжаютъ съ товаромъ въ свои мѣста, минуя ярмарку, на которую оказывается уже излишнимъ ѣздить. И послѣ ярмарки ѣздятъ въ Москву добирать товаръ, не попавшійся на ярмаркѣ. Остатки непроданныхъ товаровъ большею частію отправляютъ изъ Нижняго въ Москву, какъ мы уже говорили. Почти всѣ сколько-нибудь значительные наши фабриканты имѣютъ въ Москвѣ магазины, склады, или коммиссіонеровъ для постоянной продажи своего товара. Самые грузные товары, и въ особенности прибывшіе въ Нижній водою, какъ, напримѣръ, желѣзо, хотя и остаются тамъ еще послѣ ярмарки, но самый торгъ продолжается въ Москвѣ, куда товаръ и перевозится, по мѣрѣ надобности: желѣзная дорога чрезвычайно облегчила эти сдѣлки. Независимо отъ прямыхъ отношеній Москвы къ Нижегородской ярмаркѣ, ея давнее коммерческое значеніе вообще чрезвычайно усилилось въ послѣднее время и съ каждымъ днемъ усиливается еще болѣе, какъ это можно слышать и видѣть въ каждомъ уголкѣ Россіи. Намъ уже не разъ приходилось

говорить объ этомъ значеніи Москвы въ разныхъ отношеніяхъ, и здѣсь нѣтъ надобности болѣе о немъ распространяться. Но полному проявленію коммерческаго могущества Москвы, окончательному вступленію въ прямую связь съ нею всѣхъ внутреннихъ нашихъ рынковъ, которые къ ней издавна тяготѣютъ, препятствуютъ слишкомъ медленные и плохіе шаги наши въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ; въ системѣ нашихъ сообщеній мы еще до сихъ поръ, подобно первобытнымъ временамъ нашей исторіи, вынуждены держаться направленія рѣчныхъ бассейновъ и подчинять ему историческія и духовныя влеченія народонаселеній Россіи. Господствующая у насъ сила водяныхъ сообщеній сказывается до сихъ поръ и въ Нижегородской ярмаркѣ; мы слышали отъ множества городовыхъ купцовъ, пріѣзжающихъ за товаромъ на ярмарку изъ весьма отдаленныхъ краевъ, связанныхъ съ нею водяными путями, что безъ относительныхъ удобствъ этихъ путей они непремѣнно стали бы закупать товары въ самой Москвѣ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее. отправка товара отъ Нижняго Волгой до Царицына можетъ стоить 15 к. съ пуда, тогда какъ зимнимъ путемъ туда же изъ Москвы—отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Вотъ какая огромная разница въ фрахтахъ падаетъ всею своею тяжестью на Москву. Множество торговцевъ готовы были бы заплатить вдвое и втрое за перевозку (но не въ десятеро же), лишь бы покупать въ Москвѣ Въ такой же степени затруднителенъ и дорогъ личный проѣздъ въ Москву сухимъ путемъ, хотя бы онъ былъ вдвое и втрое короче чѣмъ Волгой, Камой или Окой. Удивительно ли послѣ этого, что каждый мѣстный торговецъ, имѣющій надобность быть въ Москвѣ, пользуется тѣми днями, когда Москва съ своими товарами и капиталами перекочевываетъ на Волгу, въ важнѣйшее средоточіе всѣхъ ея сообщеній съ остальною Россіей. Между тѣмъ закупка товара въ самой Москвѣ и заключеніе сдѣлокъ прямо съ нею, безъ посредничества ярмарки, до такой степени удобнѣе и выгоднѣе, что мы не разъ слыхали соображенія о необходимости на будущее время заказывать товары заблаговременно въ Москвѣ, съ тѣмъ чтобъ они перевозились водой тотчасъ по открытіи навигаціи. Ярмарочный ходъ дѣлъ оказывается уже для многихъ тягостнымъ и несовмѣстимымъ съ правильною торговлей, и желаніе какъ-нибудь избѣжать ярмарки, со всѣми ея коммерческими случайностями, какъ нельзя болѣе

естественно. Многаго должно ждать отъ желѣзныхъ дорогъ. Уже желѣзные пути, протянувшіеся изъ Москвы, безъ всякой связи съ общею государственною сѣтью, до сихъ поръ не рѣшенною даже въ самыхъ основныхъ своихъ линіяхъ, оказываютъ свое вліяніе; но они не окончены, только-что вступили въ конкурренцію съ водяными путями и гужевою перевозкой, и дѣйствіе ихъ сопровождается явленіями, которыя никакъ нельзя назвать нормальными. Такъ, напримѣръ, нынѣ провозъ гужомъ изъ Шуи, значительной участницы Макарьевскаго торга, до Москвы (300 верстъ) обходится съ пуда зимой 25 к., лѣтомъ 30 к., а до ближайшей станціи Московско-Нижегородской желѣзной дороги (50 верстъ) 15 к., да по желѣзной дорогѣ до Москвы 22 к., всего 37 к., не считая неудобствъ двойной перегрузки товаровъ. Отъ Шуи до Нижняго гужомъ обходится 25 к., Волгой — 21 к. (съ подвозомъ), а желѣзною дорогой — 33 к. (въ томъ числѣ 15 к. подвозъ), то-есть дороже. Эти примѣры объясняютъ, почему до сихъ поръ множество товаровъ идетъ на ярмарку не по желѣзной дорогѣ, а прежними путями. Боковые подвозные пути, извозничество и самый тарифъ на желѣзныхъ дорогахъ должны еще претерпѣть многія преобразованія, чтобы желѣзныя дороги приловчились ко всѣмъ потребностямъ нашей торговли. Коломенская дорога также отчасти послужила къ приближенію Нижегородской ярмарки къ Москвѣ, въ особенности для грузныхъ товаровъ, которые могутъ идти до Коломны водой. Продолженіе этой дороги до Рязани и дальнѣйшее развитіе ея въ юго-восточномъ направленіи должны возбудить между Москвой и всѣмъ бассейномъ Оки, а въ послѣдствіи и всѣмъ восточнымъ центральнымъ краемъ (приблизительно расположеннымъ между Окой, Волгой и Дономъ), непосредственное коммерческое движеніе, которое минуетъ Оку, Волгу и съ ними ярмарку. Еще болѣе могущественное дѣйствіе на установленіе прямыхъ сношеній мѣстныхъ рынковъ съ Москвой, съ первыми руками, путемъ правильныхъ не ярмарочныхъ сношеній, должны имѣть желѣзные пути, которые соединятъ Москву съ Днѣпромъ, южными и западными окраинами, наконецъ, съ дальнимъ сѣверомъ и востокомъ (если только позволено когда-нибудь ожидать продолженія Троицко-Ярославской и Нижегородской линій). Такимъ образомъ въ главной роли Нижегородской ярмарки, въ передачѣ то-

варовъ изъ первыхъ рукъ въ розничныя и снабженіи мѣстныхъ рынковъ, московскій торгъ рано или поздно долженъ поглотить въ себѣ макарьевскій. Такое поглощеніе было бы только торжествомъ правильной, осѣдлой торговли надъ кочевою и ярмарочною,—торжествомъ, къ которому клонятся всѣ экономическіе успѣхи времени. Но, очевидно, не одни только пути сообщенія могутъ ускорить такой ходъ вещей; ему должно содѣйствовать усиленіе главныхъ рычаговъ коммерческаго движенія. возрастаніе капиталовъ и въ особенности кредита, безконечно усиливающаго дѣятельность капиталовъ и парализирующаго ярмарочную торговлю; развитіе банковыхъ учрежденій, которыя для обращенія товаровъ то же что̀ желѣзныя дороги для ихъ перевозки; наконецъ, умственные успѣхи въ торговомъ классѣ, безъ которыхъ невозможно въ наше время никакое господство въ торговлѣ. Но усиленіе Москвы, какъ послѣдствіе успѣховъ народнаго хозяйства, не есть, конечно, ея исключительное преобладаніе надъ внутренними нашими рынками, а только усиленіе ея значенія, какъ главнѣйшаго центра внутренней торговли: съ усиленіемъ Москвы, въ связи съ нею, непремѣнно усилятся и другія средоточія торговли, и на первомъ планѣ Харьковъ и Кіевъ. Московско-Харьковская желѣзная дорога должна закончить на Украинскомъ рынкѣ процессъ превращенія ярмарочной торговли въ осѣдлую и биржевую. Харьковъ, сдѣлавшись складочнымъ мѣстомъ для всей юго-восточной Россіи, долженъ поглотить въ себѣ всю систему украинскихъ ярмарокъ.

Мимоходомъ должны мы упомянуть объ одномъ особомъ обстоятельствѣ, важномъ для будущности какъ Нижегородской ярмарки, такъ и всего коммерческаго движенія, насъ занимающаго. Нынѣ ввозная иностранная торговля такъ слаба на югѣ Россіи, особенно въ азовскихъ портахъ, что вся юго-восточная Россія, до самыхъ крайнихъ своихъ оконечностей въ Азовскомъ морѣ и Кавказѣ, снабжается фабричными произведеніями отечественными, отчасти и иностранными, и вообще предметами роскоши съ сѣвера, черезъ посредство Москвы, Харькова и Нижегородской ярмарки. Причинъ этому странному явленію много; здѣсь не мѣсто ихъ разсматривать, и достаточно только упомянуть объ одной изъ нихъ,—о нашей покровительственной таможенной системѣ. Вопросъ о таможенныхъ пошлинахъ и вообще не безразличенъ для будущ-

ности Нижегородской ярмарки, на которой обращаются по преимуществу отечественные мануфактурные товары. Развитіе ввоза иностранныхъ товаровъ не можетъ не отозваться на ярмаркѣ; ясно, что эти товары скорѣе будутъ распространяться по внутреннимъ рынкамъ черезъ Москву чѣмъ черезъ ярмарку. Но успѣхи иностранной торговли на югѣ, въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, должны вообще нѣсколько ограничить географическую область сбытовъ фабричныхъ произведеній всего примосковскаго края. Въ этомъ отношеніи, какъ складочное мѣсто иностранныхъ товаровъ, можетъ значительно подняться Кіевъ, при томъ развитіи путей сообщенія и коммерческаго движенія на югѣ, о которомъ мы упомянули выше. Кіеву, котораго коммерческая дѣятельность такъ упала, пора же наконецъ подняться. Все это, однако, нисколько не можетъ ослабить развитія нашей отечественной фабричной промышленности и внутренней торговли, которыя съ успѣхами международной торговли и усовершенствованіемъ путей сообщенія откроютъ новые для себя пути и рынки. Иностранная торговля не можетъ возрастать безъ усиленія внутренней торговли и отечественнаго производства; это нынѣ не только аксіома науки, но и фактъ, повторяющійся во всѣхъ государствахъ Европы.

Мы выставили, насколько могли, всѣ тѣ сложныя обстоятельства, которыя обусловливаютъ развитіе Нижегородской ярмарки въ настоящемъ и могутъ обусловливать въ будущемъ. Мы могли это сдѣлать только приблизительно, какъ и сказали выше; но мы воздержались отъ всякаго рѣшительнаго приговора, который въ нынѣшнее переходное время былъ бы очень труденъ. Мы полагаемъ, что при очевидномъ возрастаніи ярмарки въ послѣдніе годы и значительномъ увеличеніи массы ея посѣтителей, трудно говорить о близкомъ концѣ ея, какъ дѣлаютъ многіе, впрочемъ, большею частію тѣ, которые судятъ о ней заглазно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ кажется, что это видимое возрастаніе и оживленіе ярмарки не есть еще ручательство за дальнѣйшее продолженіе этого развитія въ будущемъ. Мы говорили о замѣченной нами главной причинѣ этого оживленія, объ увеличеніи массы среднихъ и мелкихъ рукъ, участвующихъ въ ярмаркѣ. Тѣ же условія, отъ которыхъ зависѣло это явленіе, и которыя нами были описаны, могутъ въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ имѣть и обратное дѣйствіе на ярмарку: съ успѣхами мѣстной го-

родовой торговли и съ усовершенствованіемъ способовъ сообщеній мѣстные торговцы могутъ болѣе и болѣе обращаться за товаромъ къ первымъ источникамъ, помимо ярмарки, къ мѣстамъ производства, къ портовымъ городамъ и, наконецъ, къ Москвѣ, какъ къ господствующему центру и главному складочному мѣсту нашей внутренней торговли.

Результатомъ нашихъ разсужденій о ярмаркѣ уже не разъ было указаніе на постепенное поглощеніе макарьевскаго торга въ великомъ московскомъ торгѣ. Такой переходъ Нижегородской ярмарки въ Москву былъ бы только послѣднимъ актомъ ея историческаго движенія съ востока на западъ, и уже потому этотъ переходъ можетъ представляться самымъ естественнымъ и вѣроятнымъ. Начиная со временъ Великой Болгаріи и ея торжища около устья Камы, весь этотъ восточный рынокъ постепенно раздвигался въ обѣ стороны къ западу — къ Казани, Макарьеву, Нижнему-Новгороду, Москвѣ, и на востокъ — къ Перми, Ирбити, Тюмени. Москва есть послѣдній предѣлъ передвиженія Макарьевской ярмарки на западъ. Намъ кажется, что это передвиженіе уже началось и обнаруживается въ томъ оживленіи Московскаго рынка, которое бываетъ послѣ ярмарки. Это оживленіе можетъ въ будущемъ постепенно усиливаться. Съ другой стороны, ярмарочныя операціи, и именно по снабженію товарами городовыхъ купцовъ, могутъ болѣе и болѣе производиться въ Москвѣ, въ теченіе цѣлаго года. Въ этомъ только смыслѣ понимаемъ мы переходъ Нижегородской ярмарки въ Москву и рѣшаемся какъ будто его предсказывать. Само собою разумѣется, что о переходѣ ярмарки въ Москву, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи.

V.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ мы обѣщали сообщить нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ другой, не коммерческой, сторонѣ Нижегородской ярмарки, къ кругу нравственныхъ и вообще бытовыхъ ея явленій. Исполняемъ теперь это обѣщаніе, но просимъ не позабыть общей оговорки уже разъ нами сдѣланной. Мы никакъ не можемъ представить полной нравственной характеристики Макарьевскаго торга; наши личныя впечатлѣнія не только весьма отрывочны, но и значительно обусловлены напоромъ нравственныхъ и ум-

ственныхъ движеній нашего времени. Поэтому, по необходимости, многое, въ иное время не существенное, выдвигалось для насъ на ярмаркѣ на первый планъ, а другое, можетъ-быть, болѣе существенное, представлялось намъ не такъ выпуклымъ и легко могло быть упущено изъ виду.

Уже учитель Петра Перваго, Н. М. Зотовъ, говорилъ будущему великому преобразователю Россіи: „Макарьевская ярмарка есть зѣло важное сходбище,—о немъ всегда думать надлежитъ.“ * Этими словами, по всей вѣроятности, указывалось значеніе Макарьевскаго торга, какъ важнаго средоточія русской жизни, какъ великой встрѣчи людей всякаго племени и рода на Русской землѣ.

Съ этой точки зрѣнія Макарьевскій торгъ, нынѣ происходящій хотя и на другомъ, но еще болѣе значительномъ географическомъ и государственномъ пунктѣ Россіи чѣмъ во времена Зотова, конечно заслуживаетъ особеннаго вниманія и попеченія.

Здѣсь, въ мѣстѣ соединенія Окскаго и Волжскаго бассейновъ, столь важномъ въ этнографической и политической исторіи русской государственной территоріи, ежегодно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сходятся сотни тысячъ людей всякихъ языковъ, всякихъ вѣроисповѣданій и всякихъ цивилизацій. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь бойко бьется пульсъ русской народной жизни, и очевидно къ нему необходимо прислушиваться съ величайшимъ вниманіемъ. Въ біеніяхъ этого пульса нельзя не ловить признаковъ движеній, происходящихъ на разныхъ концахъ Русской земли и въ разныхъ закоулкахъ русскаго общества, откуда народная жизнь прибиваетъ такою стремительною волной въ это средоточіе, чтобъ изъ него, не менѣе стремительною возвратною волной, разнести по всѣмъ путямъ Русской земли накопляющіеся, перемѣшивающіеся и растворяющіеся въ этомъ общемъ резервуарѣ наносы самыхъ разнообразныхъ породъ и качествъ. Нельзя наконецъ всячески не оберечь чистоты такого важнаго средоточія народной жизни. Въ этомъ смыслѣ позволительно понимать слова завѣщанныя Зотовымъ своему царственному ученику, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что потомство всегда по своему понимаетъ слова предковъ.

* См. рѣчь П. И. Мельникова, изъ которой мы приводимъ слова Зотова (*Современная Лѣтопись* 1864 г. № 36, „Десять дней на Нижегородской ярмаркѣ“ г. Павловскаго).

Въ чемъ же въ особенности проявилось наше попеченіе объ этомъ „зѣло важномъ сходбищѣ“ русскихъ людей, и чѣмъ преимущественно привлекало оно до сихъ поръ наше вниманіе?

Въ понятіяхъ массы не коммерческой публики Нижегородская ярмарка нерѣдко представляется единственно какъ мѣсто гулянья и кутежа; по крайней мѣрѣ, въ разговорахъ публики о Макарьѣ обыкновенно преобладаютъ разказы о скандалахъ и куріозахъ купеческаго разгула, какъ будто въ этомъ разгулѣ заключается главный умственный и нравственный, или какъ нынѣ выражаются, *соціальный* интересъ этого великаго сходбища русскихъ людей. Журнальная литература ярмарки, когда не касается извѣстій о коммерческихъ оборотахъ ярмарки (о томъ какъ касается она этого предмета намъ случалось уже говорить въ началѣ нашего труда *),—также почти исключительно вращается около увеселительныхъ ея заведеній. Не мудрено что въ воображеніи значительной части не коммерческой публики средоточіемъ всего интереса Макарьевскаго торга сдѣлалось знаменитое село *Кунавино*. Между тѣмъ эта кунавинская точка зрѣнія на ярмарку, даже въ самомъ тѣсномъ смыслѣ ярмарочнаго разгула, оказывается нынѣ совершенно невѣрною, ибо даже въ спеціальной исторіи развращенія нравовъ на Нижегородской ярмаркѣ иныя ея области далеко опередили Кунавино.

Сложившимся о ярмаркѣ понятіямъ болѣе или менѣе соотвѣтствовали и самыя отношенія о ней государства. Охрана этого важнаго средоточія народной жизни со стороны государства всегда заключалась главнымъ образомъ въ самомъ наружномъ полицейскомъ и даже воинскомъ надзорѣ. Спѣшимъ оговориться, съ тѣмъ чтобы наши слова не дали повода къ недоразумѣніямъ. Полиція, конечно, есть спеціальнѣйшее призваніе государства, и мы не имѣемъ никакого особеннаго расположенія къ развитію дѣятельности государства, по отношенію къ торговлѣ, за предѣлы этого самаго безспорнаго его призванія. Прибавимъ, что усиленіе вниманія на военную сторону полицейскаго надзора за Нижегородскою ярмаркою, какъ это было въ послѣднее время (съ 1862 года), принесло свою долю пользы, оградивъ мирныхъ коммерче-

* Пользуемся этимъ случаемъ чтобы сказать упомянуть о добросовѣстныхъ изысканіяхъ относительно оборотовъ ярмарки г. Овсянникова, продолжавшихся и въ 1865 г. (въ *Ярмарочномъ листкѣ*). Труды г. Овсянникова мы всегда отличали отъ другихъ газетныхъ статей.

скихъ людей отъ того смятенія въ умахъ, которое распространялось у насъ за пожарами и польскимъ возстаніемъ. Въ какой степени эти экстренныя военныя мѣры необходимы и теперь, это другой вопросъ, котораго мы не желаемъ здѣсь касаться. Но какъ бы ни была важна полиція для народной жизни, и какъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ни были полезны даже самыя наружныя ея принадлежности, все-таки существенная роль полиціи не заключается въ однѣхъ только полицейскихъ декораціяхъ и вооруженіяхъ, способныхъ охранять публику развѣ только отъ людей пугающихся видомъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Очевидно, что задача полиціи не можетъ еще быть признана окончательно разрѣшенною, когда напримѣръ, какъ мы видѣли на Нижегородской ярмаркѣ, у пороговъ всѣхъ увеселительныхъ заведеній и гульбищъ разставлены, въ полномъ комплектѣ, представители полицейскаго надзора: регулярная или гражданская полиція, жандармы, казаки, и наконецъ, даже самыя экстренные полицейскіе сикурсы—строевые воинскіе чины. Даже еслибы стражи порядка были разставлены не только у входовъ на танцовальные вечера, но и въ самыхъ танцовальныхъ залахъ, къ каждому райку (панорамщику) на площади приставленъ былъ казакъ, и казаки ни на минуту не переставали бы разъѣзжать по мосту, махая нагайками и крича безустанно: „тише ѣхать,“ даже когда на мосту нѣтъ ни одного экипажа,—и тогда цѣль полиціи нельзя было бы признать окончательно достигнутою. Усиленіе полицейской стражи въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ приводитъ нерѣдко къ одному только вѣрному результату—къ усиленію состава служителей этихъ заведеній (такъ жандармы отбираютъ и считаютъ билеты на танцовальныхъ вечерахъ), и превращается нѣкоторымъ образомъ въ правительственную субсидію. Такая субсидія заключается уже въ томъ увеличеніи числа потребителей увеселительныхъ ярмарочныхъ товаровъ, которое естественно сопровождаетъ усиленіе численности полицейскихъ дѣятелей: полиція, какъ и вся сфера административныхъ лицъ, производитъ даже самый оживленный спросъ на эти товары. * Нерѣдко даже такое правительственное со-

* Какъ ни странною можетъ показаться эта мысль о превращеніи при извѣстныхъ условіяхъ полицейскаго надзора и вообще государственной охраны въ прямую субсидію увеселительнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, но она между тѣмъ справедлива. Весь личный составъ государствен-

дѣйствіе увеселительнымъ ярмарочнымъ промысламъ выходитъ за предѣлы свободнаго содѣйствія и обращается въ насильственное покровительство тому или другому потребленію: такъ казакъ, приставленный къ панорамщику, заставляетъ его насильно, по требованію окружающей толпы, показывать самыя секретныя картинки, * которыя даже панорамщикъ, отчаянный, забубенный гуляка, замялся показывать, примѣтивъ у стеклышка своей панорамы несовершеннолѣтнюю крестьянскую дѣвушку. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы новѣйшими мѣрами полицейскаго надзора были окончательно устранены на Нижегородской ярмаркѣ самыя грубыя нарушенія порядка, хотя можетъ-статься и достигнуты нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ давно прошедшимъ временемъ. Мы сами были еще свидѣтелями печальныхъ кровопролитій на улицахъ среди бѣлаго дня,—однажды чуть-чуть не дошедшихъ до убійства,—несмотря на многочисленныхъ казаковъ, мчавшихся одинъ за другимъ мимо побоища для исполненія спѣшныхъ приказаній начальства; были и открытые грабежи посреди улицы наполненной народомъ; были и покушенія на тайныя убійства, остановленныя случайно проходившими мирными гражданами; было ежедневное, сопряженное съ большою опаностію столпленіе судовъ на окской переправѣ ночью (когда разводится мостъ).

Указывая на эти факты, мы чужды всякаго желанія давать практическія наставленія, и намъ дѣлается даже страшно, чтобы наши слова не внушили мысли о необходимости еще бо́льшаго расширенія ярмарочной полицейской дѣятельности и еще бо́льшаго чѣмъ нынѣ вторженія администраціи въ частную жизнь. Зная какъ трудно разрѣшается задача полиціи за предѣлами наружнаго полицейскаго надзора, и какъ плодомъ самаго благороднаго усердія администраторовъ на этой почвѣ является обыкновенно только стѣсненіе народной жизни, безъ всякихъ благъ полицейской охраны,—зная все это, мы конечно готовы предпочесть нынѣшнее по-

---

лой администраціи составляетъ въ государствѣ классъ потребителей по преимуществу и даже въ особенности предметовъ роскоши и разсѣянія.

* Изображенія на этихъ картинкахъ достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ безстыдства и несомнѣнно служатъ къ самому наглядному и общепонятному распространенію въ малолѣтномъ поколѣніи простаго народа, тысячами окружающаго райки на площадяхъ, свѣдѣній о вещахъ, которыя ему и присниться не могутъ въ его сельскомъ захолустьѣ.

ложеніе вещей на Нижегородской ярмаркѣ всякому дальнѣйшему развитію на ней полицейскаго дѣла. Грубые, такъ-сказать механическіе, пріемы полицейской системы, которая господствовала тамъ до сихъ поръ, имѣли, по крайней мѣрѣ, своимъ несомнѣнно-полезнымъ послѣдствіемъ свободное и естественное развитіе ярмарки. Съ усиленіемъ полицейской дѣятельности мы можемъ потерять и это благо, не пріобрѣтя никакого новаго. Задача полиціи, за предѣлами наружной полиціи, какъ бы такая задача ни казалась необходимою и въ извѣстной степени удобоисполнимою, неизмѣримо труднѣе задачи наружнаго и военнаго полицейскаго надзора. Охрана народной жизни и народнаго воспитанія, совершающагося на улицахъ и гульбищахъ болѣе чѣмъ въ школѣ, охрана отъ нравственнаго насилія и соблазна, цѣлесообразная и не стѣснительная для частныхъ лицъ, — такая охрана требуетъ предварительнаго, тщательнаго изученія народной жизни; сверхъ того, она обусловливается въ своемъ исполненіи способами и орудіями дѣйствій, которыя не всегда находятся въ распоряженіи власти. Такія орудія полиціи сами являются плодомъ успѣховъ народнаго воспитанія и не могутъ быть созданы по желанію власти. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе затронутой нами государственной задачи, мы позволимъ себѣ только сообщить нѣсколько наблюденій и размышленій, почерпнутыхъ нами на Нижегородской ярмаркѣ и возбужденныхъ фактами, обнаруживающими господствующее здѣсь, по нашему мнѣнію, ошибочное, или лучше, весьма узкое пониманіе цѣлей какъ ярмарочной, такъ и всякой полиціи.

Разказы о разгулѣ на Макарьевской ярмаркѣ положительно преувеличены, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ настоящему времени; они основаны на фактахъ давно минувшей старины. Во всякомъ случаѣ, то что̀ дѣйствительно есть въ увеселительной сферѣ Нижегородской ярмарки самаго оскорбительнаго для нравственнаго чувства и самаго опаснаго для народной нравственности, заключается не столько въ циническихъ проявленіяхъ грубаго разврата, сколько въ иныхъ гораздо менѣе уловимыхъ явленіяхъ.

Прежде всего должно замѣтить, что молодое поколѣніе торговаго класса, если не обманываютъ насъ всѣ наши наблюденія, почерпнутыя однако изъ продолжительныхъ и тѣсныхъ сношеній съ представителями всѣхъ слоевъ этого

класса, — молодое поколѣніе (собственно возмужалое, а не самое юное, еще стоящее въ сторонѣ отъ дѣла) значительно остепенилось въ сравненіи съ старымъ поколѣніемъ. Въ поколѣніи средняго возраста замѣтны рѣшительные успѣхи семейной жизни и отвращеніе отъ кочевой, составляющей сущность нашего ярмарочнаго быта; усовершенствованіе путей сообщенія позволило женамъ сопровождать своихъ мужей на Нижегородскую ярмарку, и можно уже замѣтить нѣкоторые признаки столь желаннаго вступленія нашей купеческой женщины въ свои естественныя права. Начинается превращеніе ея изъ *хозяйки* и затворницы въ подругу и участницу жизни мужа. Конечно, на этомъ пути еще многаго остается пожелать, и можетъ-быть, въ особенности того, чтобъ и наша, такъ-называемая, *купчиха*, добиваясь какъ можно скорѣе прогресса, не шагнула, подобно нѣкоторымъ своимъ соотечественницамъ, въ столь соблазнительные закоулки *эмансипаціи*... Какъ бы то ни было, заповѣдный кочевой разгулъ принадлежитъ кажется нынѣ по преимуществу старому поколѣнію торговыхъ людей; молодые люди положительно не поспѣваютъ за стариками. Въ настоящее время оказывается слабою не столько нравственная, сколько умственная сторона нашего купеческаго люда; между тѣмъ успѣхи образованія, и именно школьнаго, составляютъ одинъ изъ первостепенныхъ вопросовъ нашей отечественной торговли, которая несомнѣнно находится и внутри Россіи, и на всемірныхъ рынкахъ, въ унизительномъ положеніи, подчиненномъ господству иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ. Сколько бы ни кричали о таможенномъ тарифѣ, это иностранное господство главнымъ образомъ происходитъ отъ превосходства умственнаго образованія иностранныхъ торговыхъ людей надъ русскими; а такое превосходство не можетъ измѣниться ни отъ какихъ тарифовъ. По истинѣ надо удивляться, — какъ и удивляются иностранцы, — природной даровитости русской натуры, и именно исторической даровитости къ коммерческому дѣлу, когда видишь какъ самородные наши торговцы, едва умѣющіе разобрать купеческій счетъ и подписать вексель, справляются съ этими иностранцами, большею частію прошедшими, до конторы, полный курсъ наукъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спѣшимъ замѣтить, что успѣхамъ школьнаго образованія нашего купечества нынѣ препятствуетъ

не ихъ добрая воля, а то плачевное направленіе, которое приняли у насъ школы въ послѣднее время мы можемъ положительно засвидѣтельствовать, и въ особенности послѣ всего того что̀ слы̀шали среди купечества торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ, какъ сильно озабочиваетъ этотъ классъ вопросъ о необходимости образованія дѣтей. Но виновато ли купечество въ томъ, что школьное образованіе представляется ему съ нѣкоторыхъ поръ единственно въ видѣ отрицанія всего что̀ составляетъ, даже по безсознательному инстинкту самаго необразованнаго человѣка, нравственную основу, достоинство и лучшую красу человѣка? Виновато ли купечество, когда его сыновья возвращаются къ домашнему очагу съ единственнымъ вновь пріобрѣтеннымъ убѣжденіемъ, что вся наука, до сихъ поръ существовавшая у образованныхъ народовъ, и всѣ придуманные ими для человѣческаго общежитія порядки—совершеннѣйшій вздоръ, долженствующій въ одинъ прекрасный день быть уничтоженнымъ? Въ какомъ бы отчужденіи отъ западно-европейскаго образованія ни жило наше купечество, но оно никакъ не можетъ примириться съ такимъ *послѣднимъ результатомъ* современнаго нашего школьнаго образованія, и никакъ не можетъ повѣрить, чтобы молодые люди, воротившіеся изъ школы съ подобнымъ *послѣднимъ словомъ*, были дѣйствительно образованнѣе старыхъ. Какъ ни свято хранилъ нашъ купеческій классъ обряды и старину народнаго быта, посреди всеобщей ломки, но онъ вовсе не имѣетъ тѣхъ китайскихъ понятій о западно-европейскомъ образованіи и западно-европейскихъ общественныхъ порядкахъ какъ нѣкоторые наши мыслители и писатели. Самое послѣднее или самое прогрессивное купеческое поколѣніе, только-что сошедшее съ школьной скамейки, отпугиваетъ купечество отъ школы, практическимъ результатомъ которой являются презрѣніе къ занятію отцовъ и отчужденіе отъ своего ремесла. Въ старые годы купеческая молодежь лѣзла въ чиновничество и дворянство, теперь лѣзетъ въ соціальные реформаторы и прогрессисты. Впрочемъ такъ-называемая у насъ прогрессивная или лучше недозрѣлая современная литература входитъ въ соприкосновеніе съ купеческою средой и не на одной только школьной скамьѣ; на Нижегородской ярмаркѣ мы видали скороспѣлыя русскія изданія Бокля, Дарвина, Фогта, въ рукахъ уже весьма возмужалыхъ людей. Понятно, какое смущеніе въ

умахъ, чуждыхъ доселѣ всякой книги и всякой школы, способна производить эта литература, въ особенности благодаря нелѣпымъ устнымъ ея истолкованіямъ, которыя носятся въ воздухѣ и съ каждымъ переходомъ отъ одного необразованнаго человѣка къ другому постепенно превращаются въ понятія едва вѣроятныя по своему крайнему невѣжеству и безобразію. Что̀ могутъ, напримѣръ, вынести изъ книгъ Бокля—о ходѣ всемірной цивилизаціи и Дарвина—о превращеніи видовъ люди, никогда не читавшіе ни одной книги историческаго или естественно-историческаго содержанія, не имѣющіе никакихъ, самыхъ даже элементарныхъ, понятій о томъ что̀ такое цивилизація и что̀ такое видъ? Какой туманъ долженъ возникнуть въ ихъ головахъ изъ подобнаго чтенія? Но чтеніе въ дѣйствительности происходитъ весьма рѣдко, въ чемъ мы положительно убѣдились. * Дѣло ограничивается тѣмъ, что Бокль, съ разрѣзанными страницами, выкладывается на показъ, подлѣ купеческихъ счетовъ, и обладатель этого сокровища объявляетъ каждому встрѣчному, то торжественно, то съ сокрушеніемъ сердца (смотря по личному характеру), что вотъ, дескать, явился на свѣтъ Бокль, разрушившій въ концѣ всѣ старыя системы философіи и всѣ религіозныя вѣрованія своимъ великимъ открытіемъ,—*открытіемъ въ человѣкѣ фосфора вмѣсто души!* Эти невѣроятныя слова приводятся нами съ буквальною точностію; мы ихъ слышали отъ людей произносившихъ ихъ не на вѣтеръ, а съ глубокимъ душевнымъ содроганіемъ; эти люди бывали счастливы, когда намъ удавалось убѣдить ихъ очевидными доказательствами, что Бокль не только никогда не дѣлалъ подобнаго открытія, но что въ его трудахъ нѣтъ даже ничего сколько-нибудь подходящаго къ анализу химическаго состава человѣческихъ мозговъ. Не легка бывала для насъ задача въ такихъ бесѣдахъ съ читателями Бокля (или лучше съ адептами его толкователей),—бесѣдахъ, принимавшихъ иногда весьма драматическій характеръ, уничтожавшій для насъ всякій комизмъ положенія; но не было недостатка и въ комизмѣ, особенно когда какой-нибудь обучающійся юноша прибѣгалъ на помощь къ провравшемуся, по его мнѣнію, дядинькѣ со сло-

* Намъ извѣстно, напримѣръ, что около 2.000 подписчиковъ на одно изъ русскихъ изданій Бокля, заплатившихъ спо̀лна деньги за два тома, не явились за полученіемъ втораго тома, когда онъ вышелъ.

вами „не фасфоръ, а фасфорныя соединенія, дядинька!“ Бокль открывающій фосфоръ въ человѣческомъ мозгѣ—вотъ самый характеристическій, взятый нами прямо изъ жизни, образцикъ результатовъ того новѣйшаго распространенія свѣта науки въ темныхъ массахъ русскаго народа, которымъ заняты и наивные, и ненаивные служители отечественнаго просвѣщенія. Хорошъ также и другой изъ оставшихся у насъ въ памяти образцковъ прогрессивныхъ купеческихъ воззрѣній, возбуждающихъ негодованіе стараго поколѣнія „Нѣтъ добра и зла; нѣтъ честнаго и безчестнаго занятія: всякій промыселъ хорошъ, который только выгоденъ. Чѣмъ нашъ купеческій промыселъ лучше промысла женщины торгующей своею честью? Если она умѣетъ заработать деньги, то она полезнѣе для государства чѣмъ купецъ и фабрикантъ неумѣющій нажиться.“ И такія рѣчи не разъ случалось намъ слышать въ купеческихъ кругахъ, умѣющихъ отлично примирять у насъ теорію Фогта и Молешотта съ теоріей азіятскихъ нравовъ. Когда толкуешь о такихъ результатахъ современнаго образованія съ разумными стариками, съ такъназываемыми бородачами стараго покроя, приходящими въ ужасъ отъ науки сыновъ и готовыхъ произнести ей анаѳему на всѣхъ соборахъ, когда стараешься всячески вразумить ихъ, что единственное спасеніе отъ этого умственнаго разврата, производимаго литературой въ ихъ неучившихся сынахъ, есть школа, а не бѣгство отъ науки, — они побѣдоносно указываютъ вамъ на внуковъ, на этихъ молодцовъ уже произошедшихъ въ разныхъ коммерческихъ академіяхъ и университетахъ всѣ безъ изъятія науки. Когда ихъ въ такомъ случаѣ убѣждаешь воздержаться только отъ высшихъ школъ, сбивающихъ съ толку ихъ молодежь, и ограничиться пока низшими школами, въ которыхъ все-таки не преподается такое великое количество знаній, способствующихъ умственному разстройству учениковъ, тогда эти напуганные нашею наукой люди напоминаютъ вамъ что̀ дѣлается въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, какъ и тамъ набиваются головы всякимъ хламомъ рѣшительно ни для кого не нужнымъ, ни для мелкаго уѣзднаго торгаша, ни для первостепеннаго европейскаго коммерсанта; напоминаютъ, какъ, напримѣръ, въ уѣздныхъ училищахъ учители исторіи (чему мы и сами лично были свидѣтелями) читаютъ 9—12 лѣтнимъ мальчикамъ, ели-ели умѣющимъ читать по складамъ, лекціи

объ исторіи древней Индіи, объясняютъ значеніе санскритскаго языка для сравнительной филологіи, догматы буддизма, и т. д. Послѣ всего этого по неволѣ станешь въ тупикъ передъ купечествомъ, не желающимъ обучать своихъ дѣтей.

Возвращаемся къ вопросу о развращеніи нравовъ на Нижегородской ярмаркѣ. Понятіе о немъ еще въ томъ отношеніи невѣрно, что самая опасная для нравовъ сторона макарьевской гульбы вовсе не та которую видитъ большинство публики, а съ нею и высшая полиція; эта опасность, также какъ и самые оскорбительные для нравственнаго чувства элементы увеселеній Макарія заключаются вовсе не въ ихъ дикихъ и безобразныхъ проявленіяхъ, принадлежащихъ отживающей старинѣ, а напротивъ, въ ихъ утонченіяхъ и облагораживаніи, принадлежащихъ новѣйшему времени. Увеселительная часть Макарьевской ярмарки есть настоящая энциклопедія увеселеній всѣхъ временъ и народовъ; сюда съѣзжаются *показывать* свое искусство или свои рѣдкости художники изъ всѣхъ концовъ Россіи и Европы. Здѣсь есть, какъ выражаются простые люди, рѣшительно все что̀ надобно для „русскаго расположенія и веселія.“ Нѣтъ нужды говорить, что весь этотъ увеселительный товаръ самаго плохаго качества, кромѣ, однако, балета, отлично поставленнаго, въ недавнее время, петербургскими балетмейстерами и пользующагося просвѣщеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. Очевидно, что цѣлыя народонаселенія Россіи почерпаютъ въ развлеченіяхъ Нижегородской ярмарки свои понятія объ изящномъ и прекрасномъ и разносятъ ихъ по Россіи. Съ этой точки зрѣнія русскій театръ могъ бы получить здѣсь громадное значеніе; но такое значеніе, безъ сомнѣнія, не можетъ принадлежать балету, менѣе всего способному въ народномъ воображеніи явиться школою изящнаго. „Пляска Иродіады!“ говорили старообрядцы, когда одинъ особенно покровительствуемый балетъ былъ съ особеннымъ торжествомъ поставленъ въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Какъ ни разнообразна энциклопедія увеселеній и развлеченій Нижегородской ярмарки, но въ ихъ развитіи можно, кажется, замѣтить двѣ струи, текущія съ двухъ противуположныхъ сторонъ: изъ нашей сѣверной столицы и чрезъ нее изъ-за моря, и изъ Москвы и чрезъ нея изъ коренной внутренней Россіи. Петербургъ насаждаетъ утонченія макарь-

евскаго веселья и высылаетъ къ Нижегородской ярмаркѣ всѣхъ просвѣтителей этого рода, въ томъ числѣ и передовыхъ двигателей балета и *мабилей*, прозванныхъ здѣсь *тушкарадами*; послѣдніе не могли бы устроиться безъ ватаги обоего пола, выплываемой изъ Питера. Между тѣмъ эти утонченія разврата, совершенно недоступныя грубымъ понятіямъ коренныхъ русскихъ людей, удивительнымъ образомъ стушевываютъ ту рѣзкую черту, которая отдѣляла въ старое время область разврата и область увеселенія, заведенія перваго и втораго порядка, посѣтителей тѣхъ и другихъ. По общему и нашему личному замѣчанію, въ прежніе и даже весьма недавніе годы, развратъ былъ гораздо болѣе сосредоточенъ на Нижегородской ярмаркѣ; онъ былъ даже географически (въ слободѣ Кунавинѣ) разграниченъ съ обыкновенною гульбой. Нынѣ онъ разлился, хотя и въ болѣе приличныхъ формахъ, по всей ярмаркѣ. Солидные люди, даже изъ среды весьма пріобыкшихъ къ трактирной жизни великороссійскихъ купцовъ, * должны были употребить большія усилія, чтобы замкнуть двери нѣкоторыхъ трактировъ отъ этой всепроникающей струи утонченныхъ увеселеній: по строгому уговору обычныхъ посѣтителей съ хозяевами нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) трактировъ, именуемыхъ вслѣдствіе этого коммерческими, въ нихъ безусловно не впускаютъ женскій полъ, подъ какимъ бы то ни было титуломъ. арфистокъ, пѣвицъ и проч. Извѣстно, что географическое сосредоточеніе разврата заведено во многихъ столицахъ и многолюдныхъ городахъ Европы, и именно тѣхъ, которые отличаются наименьшею порчей нравовъ, какъ напримѣръ въ Лондонѣ; это сосредоточеніе составляетъ, кажется, весьма важный вопросъ благоустройства и благочинія, и несомнѣнно чрезвычайно облегчаетъ полицейскій надзоръ, какъ бы съ перваго взгляда ни сгущались отъ этого наружныя проявленія безнравственности.

Надо признаться, что русскій человѣкъ никакъ не умѣетъ облагораживать развратъ, какъ его этому ни обучаютъ въ Парижѣ и Петербургѣ; эта черта, нисколько, впрочемъ, неогорчительная для нашего національнаго самолюбія, какъ полагаютъ многіе, происходитъ, можетъ-быть, дѣйствительно отъ нашей отсталости на пути современной цивилизаціи,

* На малороссійскихъ армаркахъ вовсе нѣтъ трактирной жизни.

а можетъ-быть и отъ нѣкоторыхъ племенныхъ, нисколько не плачевныхъ, нашихъ свойствъ. * Эта черта въ особенности ярка на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ эти танцовальные вечера, затѣваемые съ самыми благими намѣреніями и долженствующіе ознакомить русскаго человѣка съ невѣдомыми ему утонченіями новѣйшей европейской вакханаліи, быстро превращаются подъ его рукой въ самыя отвратительныя питейныя и иныя публичныя заведенія. Замѣчательно, что кромѣ выписныхъ и наемныхъ танцоровъ, въ танцахъ принимаютъ участіе исключительно только иностранцы (Французы и Нѣмцы) и только *мертвецки пьяные Русскіе*, а между тѣмъ русскій народъ отличается особеннымъ дарованіемъ и любовью къ танцовальному искусству. Всѣ эти мабили на берегахъ Оки гибнутъ отъ господствующаго на нихъ пьянства и отъ такъ-называемыхъ *каморокъ*, привлекающихъ туда публику гораздо болѣе чѣмъ танцы. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что весь, сколько-нибудь солидный, ярмарочный людъ (въ томъ числѣ и самый юный) посѣщаетъ эти зрѣлища лишь изрѣдка, и ради куріоза, „ради безобразія.“

Мы вовсе не заражены демократическою идеализаціей низшихъ классовъ, но должны высказать здѣсь несомнѣнный для насъ результатъ всѣхъ нашихъ наблюденій на Нижегородской ярмаркѣ, что чѣмъ ниже спускаешься по общественной лѣстницѣ гульбы и увеселительныхъ заведеній, тѣмъ менѣе встрѣчаешь нравственнаго цинизма и тѣмъ менѣе оскорбленій для естественныхъ чувствъ стыдливости и человѣческаго достоинства. На простонародныхъ гульбищахъ (напримѣръ, на самокатахъ, гдѣ распахивается самая непринужденная русская веселость, и гдѣ самодѣльный рожокъ и *трянакъ* являются въ формахъ гораздо болѣе свободныхъ нежели облагороженные русскіе хоры и подмалёванныя представленія волжской разбойничьей ватаги на танцовальныхъ вечерахъ) и въ увеселительныхъ заведеніяхъ самаго низшаго разбора, харчевняхъ и кабакахъ, народное веселье обезображивается только пьянствомъ, которое у насъ все обезображиваетъ. Кромѣ пьянства вы не замѣтите здѣсь никакого посягательства на ваше нравственное чувство. Мы были по-

* Азіятцы, напримѣръ Китайцы и Турки, умѣютъ же утончать и рафинировать разврат, несмотря на свое невѣжество и грубость нравовъ.

ражены нравственною пристойностію всего нами здѣсь видѣннаго (въ особенности во взаимномъ обращеніи обоихъ половъ), по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ увеселеніями высшаго сорта. Такъ, во всѣхъ самодѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыя намъ удалось слышать, даже въ самыхъ секретныхъ, было неизмѣримо менѣе циническихъ выраженій, нежели въ усовершенствованныхъ романическихъ и сочиненныхъ пѣсняхъ этого рода въ высшихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Къ тому же, простонародная публика рѣшительно не спрашиваетъ ихъ и услаждается (даже пьяная) преимущественно пѣснями чувствительнаго содержанія. Только посреди гульбы самыхъ бѣдныхъ классовъ ярмарочнаго народонаселенія и простаго народа можно было примѣтить слѣды нѣкоторыхъ элементовъ поэзіи и идеализма, которые никогда вовсе не покидаютъ человѣка посреди какой бы то ни было обстановки. Такъ единственное поэтическое воспоминаніе, оставленное въ нашей памяти макарьевскимъ весельемъ, была удивительная по своеобразности русская пѣсня (*Ваничка*), которую намъ впервые довелось слышать въ одной изъ самыхъ грязныхъ харчевенъ Нижегородской ярмарки; эта пѣсня плясовая (сопровождаемая *казачкомъ*) и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-унылая (въ минорномъ тонѣ) производитъ, несмотря на пронзительные и сильные женскіе голоса, поразительное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ мрачномъ закаулкѣ макарьевскаго разгула приходилось отводить душу высшими, идеальными ощущеніями.

Здѣсь мы уже коснулись другой струи въ увеселеніяхъ Макарьевской ярмарки, противуположной потоку съ сѣвера,— струи народнаго духа. Этотъ русскій народный духъ проникаетъ собою весь разгулъ и весь бытъ ярмарки; его можно замѣтить подъ всякимъ иностраннымъ лоскомъ, даже и въ самыхъ заморскихъ зрѣлищахъ, получающихъ, несмотря на чужестранное происхожденіе, свой особенный національный отпечатокъ, подобно пріобщенію русскихъ пѣсенниковъ даже къ программѣ танцовальныхъ вечеровъ, устроенныхъ по парижскому образцу. Какъ въ торговой, такъ и въ нравственной сферѣ Нижегородской ярмарки представительницей и даже можно сказать владычицей этой русской стихіи является Москва. Москва, какъ мы уже не разъ говорили, всесильная уставщица Нижегородской ярмарки. На всякомъ шагу, во всемъ широкомъ разгулѣ, во всѣхъ принадлежностяхъ трак-

тирной жизни, замѣчаешь здѣсь московскій отпечатокъ, московскій обрядъ. „Такъ дѣлается, такъ заведено въ Москвѣ“—всерѣшающія слова на ярмаркѣ, противъ всякихъ порицаній тѣхъ или другихъ порядковъ. „Такъ заведено въ Петербургѣ“—еще ничего не рѣшаетъ, еще не есть нравственный авторитетъ заставляющій подчиняться, а только слова могущія возбудить любопытство послушать и посмотрѣть какъ это заведено у нихъ тамъ, въ Питерѣ, или что̀ все равно, у иноземцины. Этотъ московскій обрядъ, что̀ бы ни говорили, по преимуществу и единственный въ своемъ родѣ,—*всероссійскій*. Хотя Москва не вся Россія, но въ Москвѣ главнымъ образомъ собираются и обобщаются всѣ разнообразные областные и мѣстные элементы русскаго быта, всѣ его нравы и обычаи, и отсюда, такъ или иначе обдѣланные, расходятся по всѣмъ концамъ Россіи. Въ видѣ примѣра, впрочемъ, маловажнаго, хотя и довольно характеристическаго, укажемъ на рожокъ, играющій такую замѣтную роль на народныхъ гульбищахъ Нижегородской ярмарки. Рожковая музыка, въ своемъ родѣ прекрасная, исполняется нѣсколькими хорами крестьянъ изъ одной мѣстности Владимірской губерніи, славящейся этимъ мастерствомъ; но нынѣ рожки эти фабрикуются въ Москвѣ, у одного мастера музыкальныхъ инструментовъ, и вытѣсняютъ первобытную самодѣльщину, даже въ рукахъ самихъ ея изобрѣтателей. Этотъ рожокъ можетъ, кажется намъ, служить образцомъ развитія и перерожденія не только всякой подобной самодѣльщины, но и вообще самородныхъ нравовъ и обычаевъ народной жизни, такъ видоизмѣняющихся при безпрерывныхъ встрѣчахъ съ усовершенствованіями искусства и науки въ большихъ городахъ. Этими немногими словами хотѣли мы отвѣтить мимоходомъ и на общій вопросъ, часто возбуждаемый, о степени самородности и безыскусственности тѣхъ или другихъ нравовъ и обычаевъ народнаго быта. Намъ не разъ приходилось слышать, что всѣ, повидимому, природныя и характерныя проявленія русскаго народнаго духа на Нижегородской ярмаркѣ искусственны и нисколько не самородны, что, напримѣръ, русская пляска и русская пѣсня на ярмарочныхъ самокатахъ * и сами эти самокаты не русскіе и не народные, что все это

* Самокаты-качели (на подобіе каруселій) приводимые въ движеніе людьми и лошадьми находящимися подъ поломъ.

искажено передѣлкой, подражаніемъ и обученіемъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ понятій, что все это, наконецъ, не таково какъ оно въ русской деревнѣ, удаленной отъ городовъ, ярмарокъ и всякихъ промышленныхъ перепутій. Что на Нижегородской ярмаркѣ, какъ и на всякой ярмаркѣ, нельзя изучить русской деревни, это не подлежитъ сомнѣнію; но также точно нельзя сомнѣваться и въ томъ, что народный бытъ слагается не изъ одной только деревни и сельскаго быта. Этого мало; такое великое сходбище людей, какъ Нижегородская ярмарка, не остается безъ могущественнаго вліянія (оставляя даже въ сторонѣ чисто экономическое ея значеніе) и на деревню, на самое разобщенное съ промышленностію и городскою жизнію сельское захолустье. Новыя тканн для простонародной одежды, разныя новыя принадлежности и украшенія наряда и цѣлые готовые наряды, точно также и самыя понятія о жизни и ея веселіи быстро расходятся съ Нижегородской ярмарки по всѣмъ путямъ и тропинкамъ народной жизни и незамѣтно водворяются въ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда, напримѣръ, какой-нибудь мѣстный деревенскій щеголь заноситъ ухватки и воззрѣнія, пріобрѣтенныя въ увеселительныхъ заведеніяхъ Макарія, или научаетъ цѣлую деревню пѣть какую-нибудь пѣсню на новый манеръ, такъ какъ ее пропѣли тамъ московскіе пѣсенники. Сколько разъ мы слыхали отъ крестьянъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, что и у нихъ есть свои *моды* какъ у господъ. А что̀ такое мода какъ не перемѣна обычая?

Но кто же не знаетъ, что народный бытъ и всѣ его проявленія безпрерывно видоизмѣняются, что они подобно языку ни на минуту даже не останавливаются въ своемъ движеніи? Въ потокѣ этого движенія смѣшиваются и претворяются, какъ и въ языкѣ, въ однородное цѣлое самые чуждые другъ другу элементы, — претворяются подъ дѣйствіемъ, конечно, одного народнаго начала, которое налагаетъ на всѣ элементы одинъ извѣстный народный или племенной типъ. Разгадать внутреннюю сущность этого народнаго типа, а съ нимъ и его причину — тайну народнаго генія, опредѣлить коренныя основы народнаго начала, едва ли есть какая-нибудь человѣческая возможность; всѣ самыя тщательныя изслѣдованія народной жизни могутъ только позволить уловить наружныя черты и проявленія народнаго типа, господствующія силы и условія его движенія.

Точно также нѣтъ никакой возможности различить въ дѣйствительности такъ-называемые *естественные* элементы народнаго быта, самородные, созданные самопроизвольнымъ творчествомъ самой жизни отъ *искусственныхъ* элементовъ, водворенныхъ въ жизни творчествомъ личной изобрѣтательности, личнаго произвола и фантазіи, или обрядомъ какой-нибудь мѣстности. Единственнымъ мѣриломъ степени естественности или искусственности можетъ служить только степень водворенія того или другаго обычая въ жизни. Одно принялось, привилось, другое не принялось или только еще начинаетъ приниматься; одно сочинено и навязывается жизни на нашихъ глазахъ, другое можетъ-быть и было точно также когда-то сочинено и даже навязано прихотью отдѣльныхъ личностей, но претворилось и вошло въ жизнь. При этомъ одна мѣстность обладаетъ силою распространять свои обряды въ другихъ соплеменныхъ мѣстностяхъ, а другая нѣтъ. Есть средоточія по преимуществу воспринимающія въ себя множество самыхъ различныхъ областныхъ токовъ народной жизни; въ нихъ происходитъ безпрерывный обмѣнъ всѣхъ нарѣчій и провинціализмовъ народа, въ нихъ поэтому возникаютъ и самые обобщающіе народные элементы. Такова у насъ Москва. Въ этомъ смыслѣ мы и понимаемъ господство московскаго обряда въ народномъ житейскомъ обиходѣ Нижегородской ярмарки; само-собою разумѣется, что это господство не исключаетъ притока къ Макарію и всѣхъ областныхъ русскихъ элементовъ и обратнаго дѣйствія на Москву обычаевъ и нравовъ слагающихся здѣсь въ вихрѣ великаго макарьевскаго сходбища. Но мы, кажется, не ошибаемся, говоря, что русская стихія является здѣсь дѣйствующею, по преимуществу съ московскимъ отпечаткомъ. Этотъ отпечатокъ лежитъ и на самодѣльномъ рожкѣ, усовершенствованномъ московскимъ мастеромъ, и на русскихъ пѣсенникахъ, изощрившихъ свое самодѣльное искусство въ московскихъ трактирахъ, и на разныхъ принадлежностяхъ русской кухни, солянкахъ, разстегаяхъ, ухѣ и пр., преобладающихъ между ярмарочными яствами и также получившихъ нынѣшній свой улучшенный видъ подъ рукою московскихъ поваровъ,—на всей, наконецъ, трактирной ярмарочной жизни, сложившейся по преимуществу въ Москвѣ и подъ московскимъ началомъ. Какими бы обольстительными соблазнами ни былъ вооруженъ потокъ мабилей и канкановъ,

обрушившихся на Нижегородскую ярмарку изъ Петербурга и Парижа, всѣ эти соблазны скользятъ пока на поверхности народной жизни, не принимаются, не усваиваются ею и не имѣютъ для народа другаго значенія кромѣ иноземныхъ куріозовъ, — въ лучшемъ случаѣ, — и какой-нибудь пляски Иродіады — въ худшемъ. Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что струя народнаго духа, приносящая съ собою тѣ питательныя вещества, которыя усваиваются по всѣмъ частямъ и оконечностямъ народнаго организма и переходятъ въ его плоть и кровь,—притекаетъ въ нравственную атмосферу макарьевскаго сходбища изъ Москвы.

Эту струю, какъ бы ни были иной разъ бурливы, грязны и дики ея разливы, все-таки можно признать облагораживающимъ нравственнымъ элементомъ нашего сходбища: ея высшее общественное и политическое значеніе, дѣйствительно принадлежащее этому великому теченію народныхъ чувствъ, мыслей, вѣрованій и преданій, находящему въ Москвѣ свое главное и коренное средоточіе, а въ макарьевскомъ сходбищѣ важнѣйшій періодическій свой изливъ, — увидимъ въ послѣдствіи. Пока останемся въ кругу разсматриваемыхъ нами увеселеній и гульбы Нижегородской ярмарки. Мы уже отчасти указали на облагораживающіе, поэтическіе мотивы народной увеселительной стихіи Нижегородской ярмарки. то что̀ есть въ ней грязнаго и циническаго не только не усиливается, но даже, какъ мы сказали, само собой уступаетъ успѣхамъ времени. Нынѣ просто немыслимы дикія проявленія купеческаго разгула, какія описываются въ чуть-чуть не миѳическихъ преданіяхъ героическаго періода ярмарки, и въ которыхъ баня, эта восточная примѣсь нашего народнаго быта, играетъ кажется господствующую роль; не мыслимо, напримѣръ, употребленіе шампанскаго вмѣсто воды для мытья, житье въ банѣ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ въ какомъ-то одичаломъ, не человѣческомъ состояніи и проч. Къ этой же категоріи дикихъ забавъ можно, кажется, отнести и бросанье нѣсколькихъ сотенъ рублей на тарелки арфистокъ, хотя этотъ видъ забавы выражаетъ собою иную область инстинктовъ, невѣжественнаго тщеславія и какой-то страсти къ разрушенію нажитаго, — мотивовъ также не мало участвовавшихъ въ ярмарочныхъ развлеченіяхъ стараго времени. Но не было кажется никакой исторической необходимости, чтобы мѣсто всѣхъ этихъ дикихъ утѣхъ на ярмаркѣ засту-

пили утонченныя развлеченія нашего прогрессивнаго сѣвера, да они нисколько его и не заступили: первыя упразднились сами собою, а нисколько не подъ вліяніемъ вторыхъ, которыя никакъ не удовлетворяютъ потребностямъ русской натуры, или какъ здѣсь выражаются, „русскаго расположенія,“ искавшаго себѣ простора въ кунавинскомъ раздольѣ. Ни танцовальные ярмарочные вечера, ни балетъ, нисколько не въ силахъ замѣнить собою это раздолье, еслибы даже и можно было ошибочно признать за ними какое-нибудь нравственное превосходство, или даже бо́льшую наружную благопристойность въ сравненіи съ Кунавинымъ. Скорѣе танцовальные вечера способны переродиться въ увеселительныя заведенія Кунавина, безъ тѣхъ однако важныхъ преимуществъ, которыми, какъ мы уже упоминали, отличался этотъ знаменитый пригородъ Нижняго: безъ его географическаго обособленія, связаннаго съ тѣмъ вмѣстѣ полицейскаго и врачебнаго надзора опредѣленностію разграничительной черты, за которую каждый посѣтитель ярмарки былъ воленъ переступать и не переступать. Для прекрасной же половины ярмарочнаго народонаселенія эти различія неисчислимы: переступая границу Кунавина, она знала и обязана была знать что́ она переступаетъ; на танцовальномъ же вечерѣ, куда уже попадали по ошибкѣ иногородные отцы съ семействами, женщина не знаетъ и не обязана знать гдѣ она. Итакъ, даже и въ этомъ отношеніи нельзя признать увеселительный прогрессъ настоящимъ прогрессомъ, и нѣтъ кажется никакого побужденія оказывать ему особое покровительство въ ущербъ увеселеніямъ старины. Старина отвратительная своею дикостью падаетъ отъ времени сама собою, а новизна прикрытая лоскомъ, въ особенности же новизна привилегированная и чуждая народнымъ нравамъ, способна къ дальнѣйшему искусственному развитію и преуспѣянію. Что́ является пока только чуждымъ народной почвѣ куріозомъ, скользящимъ на поверхности общества заморскимъ скандаломъ,—то способно въ соединеніи съ болѣзненными соками самой почвы, рядомъ неожиданныхъ превращеній, привести къ послѣдствіямъ инымъ нежели тѣ, которыя эти явленія имѣли въ своемъ отечествѣ, за моремъ. Таковъ, въ другой области, нашъ отечественный нигилизмъ, самый неожиданный и чудовищный выродокъ теорій, возникшихъ на чужой почвѣ.

Струя народнаго духа особенно ощутительна въ одномъ явленіи новѣйшаго времени: это господство на ярмаркѣ *русской пѣсни*. Хоры русскихъ пѣсенниковъ сдѣлались необходимою принадлежностью всѣхъ трактировъ отъ высшихъ до самыхъ низшихъ; безъ нихъ не можетъ обойдтись никакое пиршество. Они изгоняютъ арфистокъ и всякихъ заѣзжихъ иноземныхъ музыкантовъ, и почти совсѣмъ уже изгнали прежде владычествовавшіе здѣсь цыганскіе таборы. Во главѣ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ стоятъ московскіе хоры, изъ коихъ нѣкоторые дѣйствительно достигли музыкальности способной удовлетворить знатоковъ. Мы не можемъ видѣть въ этомъ явленіи случайность, напротивъ видимъ въ немъ естественное отраженіе знаменательныхъ патріотическихъ движеній нашего времени. Въ послѣднее наше посѣщеніе Нижегородской ярмарки (1864 г.) требованіе со стороны публики на русское пѣніе было сильнѣе чѣмъ на всякое другое разсѣяніе, а четыре года тому назадъ, когда мы были на ярмаркѣ (1860 г.), о русскихъ пѣсенникахъ не было и помину. Трактиръ, прославившійся лучшимъ московскимъ хоромъ, привлекаетъ наибольшее количество посѣтителей, несмотряна сравнительно лучшее устройство другихъ трактировъ. Русская пѣснь по преимуществу обладаетъ тѣмъ нравственнымъ и облагораживающимъ вліяніемъ, которое принадлежитъ народному элементу посреди макарьевскаго веселья· мы сами были свидѣтелями какъ толпы трактирной публики съ восторгомъ и цѣлыя ночи на-пролетъ окружали пѣсенниковъ упиваясь ихъ концертами и предавая забвенію и вино, и всякія иныя утѣхи. То же самое бывало въ старину и съ цыганскими таборами. Но дѣйствіе той и другой музыки на слушателей, нравственное настроеніе возбуждаемое тою и другою, совершенно различны. Это настроеніе такъ же различно какъ заунывная, зараждающая глубокое раздумье и душевную тоску, русская пѣсня и раздражающій нервы, вызывающій чувственность цыганскій вопль. Упомянемъ кстати, что наслажденія цыганскаго табора невозможны безъ нѣкотораго опьяненія, а русское пѣнье гонитъ вино даже изъ среды самыхъ закоренѣлыхъ забулдыгъ. Въ нашемъ цыганскомъ пѣньѣ, сложившемся на основномъ мотивѣ той же русской пѣсни, какъ будто выходятъ наружу азіятскія, чужеядныя примѣси русскаго быта. Эти русскіе мотивы цыганскаго пѣнья,

невольно напоминаютъ о степяхъ нашего юга, гдѣ кочевья азіятскихъ варваровъ нашли такъ много для себя простора и съ трудомъ могли быть осилены русскою, то-есть европейскою стихіей нашей исторіи. Русская стихія, знаменуемая русскою пѣсней, властвуетъ нынѣ на этомъ великомъ сходбищѣ народовъ Азіи и Европы, которое вѣковыми усиліями русской цивилизаціи на сѣверѣ превращено изъ восточнаго караванъ-сарая въ одно изъ важнѣйшихъ средоточій европейской торговли. Но возвратимся къ исходной точкѣ нашихъ размышленій— къ полиціи, о которой намъ необходимо сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Излишне, кажется, было бы настаивать на необходимости наружной полицейской охраны, обезпеченій внѣшняго порядка и тишины, собственности и личности, отъ всякаго матеріальнаго насилія; эта первая задача полиціи сознается всѣми, хотя нельзя сказать, чтобъ она была окончательно разрѣшена на Нижегородской ярмаркѣ. Между тѣмъ удовлетворительное разрѣшеніе одной этой задачи было бы великимъ благомъ, получивъ которое участвующія въ Макарьевскомъ торгѣ народонаселенія, конечно, готовы были бы освободить полицію отъ всякихъ иныхъ попеченій и заботъ. Если же полицейская администрація желаетъ простирать свои заботы далѣе обязанностей наружной полиціи, желаетъ, по весьма естественному, впрочемъ, побужденію, не лишить своихъ обезпеченій и самые народные нравы противъ всякаго соблазна, то задача полиціи чрезвычайно усложняется. Мы уже видѣли, что нѣкоторыя благонамѣренныя начинанія на этомъ трудномъ пути оказываются пока не совсѣмъ успѣшными. Позволимъ себѣ указать бѣгло на главную и коренную причину непрактичности полицейской системы нравственной охраны, дѣйствующей какъ на Нижегородской ярмаркѣ, такъ можетъ-быть и повсемѣстно у насъ. Наша цѣль была бы достигнута, еслибы наши немногія слова могли послужить людямъ, болѣе насъ чувствующимъ призваніе къ полицейскому поприщу, поводомъ къ размышленіямъ небезплоднымъ для выхода изъ избитой колеи нашей полицейской рутины. Дѣло состоитъ въ томъ, что общее направленіе всѣхъ полицейскихъ усилій къ упомянутой цѣли заключалось у насъ до сихъ поръ главнымъ образомъ въ томъ чтобъ охранять отъ разврата самый развратъ, а не тѣ сферы общественной жизни, которыя непричастны ему; бо́льшая часть этихъ усилій была на-

правлена къ охраненію отъ соблазна самихъ соблазнителей, а не соблазняемыхъ. Отсюда, кажется намъ, происходитъ вся эта стѣснительная для свободы жизни и безуспѣшная въ противодѣйствіи злу механическая регламентація проявленій разврата,—регламентація можетъ-быть гораздо болѣе суровая нежели въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и только потому еще сколько-нибудь сносная у насъ, что главная сила ея остается на бумагѣ и не находитъ на нашей почвѣ достаточно строгихъ для себя исполнителей. Съ другой стороны, изъ этой же системы происходитъ и то, что сферы народной жизни, не тронутыя нравственною порчей,—подрастающія поколѣнія, женщины по преимуществу нуждающіяся въ защитѣ, наконецъ, вся *посторонняя публика* остаются беззащитны противъ ухищреній разврата и самыхъ наглыхъ оскорбленій нравственнаго чувства, приличія и стыдливости. Что видимъ мы, напримѣръ, на Нижегородской ярмаркѣ? Полицейскія предписанія здѣсь чрезвычайно заботливы относительно всѣхъ наружныхъ проявленій веселія, и не только на такъ-называемыхъ танцовальныхъ вечерахъ, но даже внутри тѣхъ заведеній, куда конечно не попадаютъ люди нуждающіеся въ защитѣ отъ соблазна; между тѣмъ въ то самое время какъ даже тѣлодвиженія и самыя сокровенныя принадлежности туалета танцующихъ подвергаются полицейской регламентаціи, полиція остается совершенно безучастною зрительницей посѣщенія такихъ *bals Mabiles* дѣтьми, остается даже равнодушною зрительницей участія дѣтей въ самыхъ дикихъ танцахъ. Эту беззаботность трудно объяснить чѣмъ-либо кромѣ общаго духа нашей полицейской охраны, потому что спасеніе дѣтей отъ подобнаго растлѣнія нравовъ не сопряжено ни съ малѣйшими затрудненіями: для этого достаточно одного простаго преграждения имъ входа во всѣ увеселительныя заведенія подозрительныхъ категорій. Очевидно, что сила такого воспрещенія не можетъ останавливаться даже передъ волей родителей и родственниковъ, которыхъ права на подрастающее поколѣніе нельзя считать безграничными. Мы упоминаемъ объ этомъ, потому что дѣти являются въ ярмарочныя увеселительныя заведенія большею частію съ родственниками, и это, по мнѣнію многихъ, парализуетъ дѣйствіе полиціи. Одно механическое преграждение подобнаго зла уже было бы весьма благодѣтельно, и освободило бы публику отъ оскорбленій нравственнаго

чувства, гораздо болѣе тягостныхъ нежели какія бы то ни было тѣлодвиженія танцующихъ взрослыхъ людей.

И замѣчательно, что въ то время какъ у насъ никого не удивитъ вторженіе полицейской власти въ тайны домашняго очага, для того чтобы получить, при малѣйшемъ подозрѣніи и предлогѣ, доказательства, не совершается ли чего-нибудь безнравственнаго между взрослыми пріятелями, которые никому, кромѣ самихъ себя, не вредятъ своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, обыгрывая, напримѣръ, другъ друга въ тихомолку въ азартную карточную игру;—многихъ изумило бы и, можетъ-статься, привело бы въ негодованіе самое скромное требованіе, чтобъ азартныя игры и лотереи были строго преслѣдуемы въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ съ алчностью бросаются на нихъ уже не записные игроки и шулера, а толпы дѣтей и крестьянъ, впервые узнающихъ на ярмаркѣ о существованіи этихъ игръ и не имѣющихъ понятія о связанныхъ съ ними мошенническихъ продѣлкахъ. Соблазнительныя картинки преслѣдуются въ самыхъ аристократическихъ магазинахъ, куда пойдутъ покупать ихъ только утонченные развратники; между тѣмъ картинки несравненно болѣе циническія показываются въ райкахъ, на площади, тысячамъ простаго народа всякаго возраста и всякаго пола. Подчинивъ каждый шагъ общества опекѣ,—хотя и ограничивающейся обыкновенно одною бездушною бюрократическою формой и буквой закона, но тѣмъ не менѣе весьма стѣснительною,—мы не требуемъ одной изъ тѣхъ необходимыхъ для общества охранъ, именно охраны отъ противузаконнаго обмана, отъ противузаконныхъ нарушеній общественнаго довѣрія. Но и эта охрана наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута не путемъ опеки надъ публикой, подвергающейся обману, а преслѣдованіемъ обнаружившагося обмана законною силой власти. Здѣсь между прочимъ мы обратимъ особенное вниманіе на одно обстоятельство, которое у насъ постоянно упускается изъ вида: у насъ всякая вещь и всякій поступокъ могутъ избѣгнуть дѣйствія относящагося къ нимъ закона, *единственно назвавшись именемъ, по закону имъ не принадлежащимъ*. Такъ, напримѣръ, подъ названіемъ трактирныхъ заведеній и со всѣми законными правами присвоенными такимъ заведеніямъ существуютъ публичныя заведенія, принадлежащія совершенно къ иной категоріи и подчиненныя

по закону совсѣмъ иной системѣ. То же самое можно сказать и о такъ-называемыхъ танцовальныхъ вечерахъ. А это явленіе не малозначительно у насъ, и между прочимъ на Нижегородской ярмаркѣ; оно разомъ уничтожаетъ всю разумную предусмотрительность закона. Между тѣмъ, сосредоточивъ усилія на томъ только, чтобы кабакъ назывался кабакомъ, а не штофною лавочкой, танцовальные вечера, предназначенные исключительно для холостыхъ людей, не назывались семейными вечерами, развратный домъ не назывался трактиромъ, и т. д., уже однимъ этимъ вы дадите публикѣ гораздо болѣе охраны отъ посягательства на ея нравы нежели когда будете регламентировать тѣлодвиженія на танцовальныхъ вечерахъ посредствомъ жандармовъ, раздающихъ на нихъ билеты, или когда будете, посредствомъ запрещенія не совсѣмъ приличныхъ пѣсенъ въ развратныхъ домахъ, охранять добрые нравы ихъ жительницъ.

Но мы не любимъ подобной системы дѣйствій. насъ гораздо болѣе интересуетъ крѣпость вина употребляемаго горькими пьяницами, и мы заботливо наблюдаемъ за тѣмъ чтобъ эта крѣпость была никакъ не слабѣе того градуса, который мы признали необходимымъ. Мы заботливо охраняемъ всѣми правительственными способами каждый уголокъ обширной Россіи отъ недостатка или дороговизны этого благодѣтельнаго напитка, и заготовляемъ казенные винные запасы.Все это интересуетъ насъ гораздо болѣе нежели то, чтобы подъ наименованіемъ штофныхъ лавочекъ не заводились кабаки, или чтобы сельскія общества и землевладѣльцы были охранены отъ насильственнаго навязыванія услугъ хозяевами всѣхъ этихъ общеполезныхъ заведеній. Не проявляется ли во всемъ этомъ то что̀ мы замѣтили выше: чрезвычайная заботливость о людяхъ творящихъ общественный соблазнъ и полная безпечность о публикѣ подверженной соблазну.

То или другое направленіе полицейской дѣятельности, какъ бы оно ни было желательно, не зависитъ однако отъ одного произволенія власти законодательной или административной: самыя лучшія намѣренія власти обусловлены окружающими обстоятельствами, и между прочимъ зависятъ въ своемъ осуществленіи отъ орудій ис-

полненія. Это въ особенности примѣнимо къ полиціи, которая, чтобы выполнить какую-либо задачу, должна сознательно проникнуться ею во всемъ своемъ составѣ, д послѣдняго будочника и сторожа. Всякій знаетъ въ какой степени это у насъ удобоисполнимо. Такое затрудненіе болѣе чѣмъ гдѣ-либо замѣтно, для самаго поверхностнаго взгляда, на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ къ обыкновенному еврейскому элементу состава нашихъ низшихъ полицейскихъ чиновъ присоединяется еще новый — *азіятскій*. Этотъ *азіятскій* элементъ (Оренбургское казачье войско, составленное изъ Башкиръ, Тептеряковъ и т. д.) господствуетъ въ сонмѣ блюстителей порядка и благочинія на ярмаркѣ. по странной волѣ судебъ, призваніе водворять европейское государственное благоустройство на этомъ сходбищѣ Азіи, просвѣщаемомъ Россіей, выпало нынѣ на долю самихъ Азіятцевъ. Эти истые Азіятцы, только-что введенные Россіей въ семью европейскихъ народовъ, едва получившіе первое государственное клеймо,—казенный военный мундиръ ихъ есть единственный европейскій признакъ,—являются охранителями европейской нравственности, поставлены налагать узду цивилизаціи на страсти. Не глубокая ли иронія судьбы въ этомъ явленіи?

Надо вообще замѣтить, что низшій личный составъ полицейской службы находится у насъ въ полномъ небреженіи: а между тѣмъ на самыхъ низшихъ исполнителяхъ полицейской власти, на самомъ послѣднемъ стражникѣ, солдатѣ, будочникѣ, часовомъ, подчаскѣ, даже разсыльномъ,—на всѣхъ этихъ людяхъ доставляющихъ гражданамъ полицейскую охрану не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности,— *зиждется вся система полиціи*. Если гдѣ возможенъ порядокъ при хорошихъ исполнителяхъ и плохихъ распорядителяхъ и невозможенъ въ обратномъ случаѣ, то это именно въ полицейской службѣ. Какъ бы ни проста казалась, однако, эта истина, она нисколько у насъ не сознается. Мы постоянно видимъ, что всякаго рода заботы, прилагаемыя у насъ къ улучшенію полиціи, обращены преимущественно, если даже не исключительно, на устройство высшихъ полицейскихъ властей. Это направленіе весьма рельефно отразилось въ послѣднее время въ преобразованіи уѣздной полиціи. Сколько упованій было соединено съ переименованіемъ земскихъ исправниковъ и городничихъ въ уѣздныхъ исправниковъ, а меж-

ду тѣмъ въ низшихъ полицейскихъ этажахъ, тамъ гдѣ эти исправники являются уже не въ видѣ гладкой бумаги ими подписанной и измѣняющей положеніе вещей только въ казенныхъ шкапахъ, а гдѣ они являются дѣйствующею силой (какъ напримѣръ въ лицѣ инвалидной команды и сотскихъ),— все осталось неизмѣнно, въ прежнемъ положеніи. Законъ тщательно опредѣлилъ права и обязанности власти исправника, правительство употребило всѣ старанія къ возможно-лучшему выбору лицъ облеченныхъ ею, но для проявленія своихъ правъ и обязанностей у этой власти нѣтъ въ полномъ и неотъемлемомъ распоряженіи ни одного полицейскаго стражника, даже не вооруженнаго; чтобъ исполнять добросовѣстно полицейскую охрану, уѣзднымъ исправникамъ ничего не остается больше дѣлать какъ буквально дѣйствовать *собственными руками*, какъ нѣкоторые изъ нихъ сами выражались намъ. Думали усилить полицейскую дѣятельность уѣздныхъ исправниковъ, переименовавъ ихъ въ уѣздныхъ начальниковъ, и это лучше всего характеризуетъ направленіе нашихъ полицейскихъ мѣропріятій. При заботахъ о возвышеніи званія главной уѣздной полицейской власти, мы не слыхали ни о какихъ серіозныхъ соображеніяхъ относительно устройства полицейской стражи, которая у насъ, можно сказать, не существуетъ и безъ которой нѣтъ настоящей полиціи. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что если дѣйствительно случается, что одно присутствіе генералъ-губернаторской власти водворяетъ нѣкоторый порядокъ и усиливаетъ полицейскую охрану, то это происходитъ собственно потому что эта власть обладаетъ, болѣе всякой другой, возможностью увеличивать численный составъ низшей полицейской службы и въ случаѣ надобности призываетъ для этой цѣли строевые воинскіе чины. Такъ было и на Нижегородской ярмаркѣ. У насъ составилось издавна удивительное понятіе, что для низшей полицейской службы всякій годенъ, что для этого дѣла даже нѣтъ негоднаго человѣка. И такое понятіе живетъ рядомъ съ противоположнымъ понятіемъ, связывающимъ особенный государственный почетъ съ высшими полицейскими должностями. У насъ, какъ-то по преданію, составъ полицейскихъ командъ обыкновенно пополнялся всякимъ военнымъ сбродомъ, тогда какъ наоборотъ для этой службы слѣдовало бы брать только лучшихъ и отборныхъ людей.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе относительно полиціи, съ которою намъ давно пора покончить. Одна особенная черта свойственна у насъ всѣмъ видамъ администраціи и всѣмъ сортамъ административныхъ дѣятелей: они чрезвычайно любятъ заниматься чужимъ дѣломъ. Отъ этой наклонности происходятъ, въ лучшемъ случаѣ, разсѣяніе силъ администраціи и отвлеченіе ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей къ косвеннымъ и даже большею частію къ совершенно постороннимъ. Такъ, представители полицейской власти нерѣдко сосредоточиваютъ у насъ гораздо болѣе усилій и любви на покровительствѣ промышленности, торговлѣ, даже художествамъ и наукамъ, нежели на полицейскомъ порядкѣ. Въ полицейской сферѣ Нижегородской ярмарки намъ случалось не разъ быть свидѣтелями высшихъ соображеній о способствованіи торговлѣ и промышленности, о разныхъ финансовыхъ мѣрахъ, о таможенной политикѣ государства, о статистическомъ изслѣдованіи ярмарки, объ устройствѣ ея художественныхъ увеселеній, о театрѣ и музыкѣ и т. д., и всего менѣе приходилось слышать предположеній объ улучшеніи полицейскаго надзора, и вообще даже разговоровъ о такихъ вещахъ какъ охрана собственности и личности, необходимость которой представляется нѣкоторымъ изъ нашихъ полицейскихъ дѣятелей какою-то мечтательною теоріей праздныхъ мыслителей.

Невольно припоминаемъ при этомъ, какъ одинъ изъ полицейскихъ дѣятелей, показывавшій по наружности, вслѣдствіе необходимостей новѣйшаго прогрессивнаго времени, свое пренебреженіе къ полиціи, былъ чрезвычайно удивленъ и въ то же время восхищенъ, когда узналъ отъ насъ, что не только мы, по нашему слабому разумѣнію, но и знаменитѣйшіе политическіе мыслители западной Европы не признаютъ возможнымъ упразднить полицію въ государствѣ. Впечатлѣніе, какое произвела въ этомъ случаѣ наша бесѣда, мы можемъ сравнить съ изумленіемъ и восторгомъ, какіе ощутилъ одинъ молодой раскольникъ,—котораго рьяные прогрессисты успѣли убѣдить, что всѣ его понятія—грубѣйшее невѣжество, и что нынѣ нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, вѣрующаго въ Бога,—когда узналъ отъ насъ, что не всѣ образованные и ученые люди держатся такого мнѣнія. Надо сознаться, что у насъ вошло въ обычай между полицейскими

служителями всѣхъ категорій какъ будто стыдиться своихъ полицейскихъ обязанностей; они всячески заботятся о томъ, чтобы публика позабыла что на нихъ лежатъ эти обязанности, и особенно любятъ внушать всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ уважаютъ, убѣжденіе, что они занимаются полиціей нехотя, кое-какъ, скрѣпя сердце, спустя рукава, что въ сущности они заняты совсѣмъ другимъ, болѣе благороднымъ дѣломъ. Какъ все это должно дѣйствовать успокоительно и на публику, и на нарушителей общественнаго порядка!

Болѣе благородное дѣло полицейскихъ властей заключается напримѣръ въ *регулированіи* торговли, о которомъ мы такъ много слыхали и у Макарія, и въ другихъ мѣстахъ. Это регулированіе, то-есть „направленіе торговли, вопреки своекорыстнымъ интересамъ торгующихъ, къ высшимъ государственнымъ цѣлямъ,“ занимало между прочимъ умы на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г., когда купечество выразило желаніе пріобрѣсти въ свою собственность казенныя лавки. Какъ ни очевидно выгодна была бы эта операція для казны, которая освободилась бы отъ весьма дорогаго ремонта, отъ разваливающагося ярмарочнаго гостинаго двора и также отъ горькихъ жалобъ на него со стороны купечества; какъ ни значительна была бы помощь, которую правительство могло бы посредствомъ этой прибыльной для себя операціи оказать ярмарочной торговлѣ, страдающей отъ плохихъ помѣщеній,—несмотря на все это, мы слышали однако (и не на одной Нижегородской ярмаркѣ) глубокомысленныя разсужденія о необходимости удержанія гостинаго двора въ рукахъ казны для „регулированія“ производящейся въ немъ торговли. Къ счастію, это регулированіе остается мечтой, и въ дѣйствительности ограничивается только зависимостію торгующихъ отъ ярмарочной конторы, при ежегодной раздачѣ лавокъ. Нельзя не пожелать, чтобъ и эта зависимость прекратилась, чтобы съ отчужденіемъ лавокъ изъ казны насталъ болѣе правильный и болѣе свободный экономическій порядокъ въ пользованіи этою собственностію, и чтобы, наконецъ, она не утратила съ удержаніемъ ея въ распоряженіи казны всякую цѣнность. Но, къ несчастію, подобное содѣйствіе успѣхамъ торговли и сбереженію народнаго богатства мало пользуется у насъ сочувствіемъ, и не только въ бюрократическихъ, но даже въ коммер-

ческихъ сферахъ. Наши коммерсанты, сами того не понимая, готовы усердно помогать тому утѣсненію торговли, которое такъ характеристически называется нѣкоторыми ея регулированіемъ. Вмѣсто того чтобы настойчиво стремиться къ столь полезной мѣрѣ какъ продажа имъ казеннаго гостинаго двора, * коммерсанты уже позабыли о своемъ столь недавнемъ и столь горячемъ желаніи, и предпочитаютъ вести на Нижегородской ярмаркѣ агитацію въ пользу усиленія таможенныхъ тарифовъ.

Мы слишкомъ бы удалились отъ нашего предмета, еслибы стали говорить здѣсь подробно о протекціонистскомъ движеніи, которое никакъ не покидаетъ нѣкоторыхъ слоевъ нашего коммерческаго класса и можетъ-быть заслуживаетъ особое вниманіе, какъ единственное пока въ этой средѣ движеніе соприкасающееся съ государственными вопросами и съ политическою нашею жизней. Купечество не разъ, и довольно шумно,** заявляло себя на Нижегородской ярмаркѣ въ пользу усиленія таможеннаго покровительства, и потому для нравственной характеристики ярмарочнаго міра необходимо, хотя вскользь, выставить здѣсь самыя крупныя черты этого движенія. Движеніе это, какъ и все на Нижегородской ярмаркѣ, — московское, но надо признаться, что ему недостаетъ того что́, въ глазахъ русскаго человѣка, придаетъ столько почтеннаго и столько политически существеннаго всѣмъ московскимъ движеніямъ: ему недостаетъ почвы и жизненности, этого полновѣснаго элемента общественныхъ движеній нашей первопрестольной столицы. Это движеніе можно назвать до нѣкоторой степени даже опаснымъ для купечества, и вотъ почему. Во-первыхъ, оно способно внести смущеніе въ умы какъ въ коммерческихъ сферахъ, такъ и въ правительственныхъ. Смущеніе умовъ неизбѣжно, потому что все это движеніе на ярмаркѣ,—въ значительной степени *напускное*, а не натуральное, — не чистый и ясный голосъ дѣйствительныхъ и практическихъ потребностей торговли, а голосъ идей искусственно ей навязываемыхъ. Вся эта агитація напущена на торговый людъ дѣя-

* Продажа гостинаго двора можетъ быть произведена въ разныхъ видахъ, и не въ пользу одного только ярмарочнаго купечества, а напримѣръ, его можетъ пріобрѣсти городъ. Къ кому бы ни перешло это имущество, всякое въ немъ хозяйство будетъ лучше казеннаго.

** См. между прочимъ *Ярмарочный листокъ* за 1864 и 1865 годы.

тельностію лицъ стремящихся удовлетворить посредствомъ ея гораздо болѣе своимъ литературнымъ, умственнымъ и всякимъ инымъ потребностямъ, нежели потребностямъ промышленнымъ и коммерческимъ, которыхъ они или вовсе чужды, или которыя сказываются въ нихъ весьма слабо. Между тѣмъ понятно, что подобныя домогательства со стороны промышленныхъ классовъ могутъ имѣть цѣну и значеніе только въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно суть голосъ самой жизни, самихъ промышленныхъ интересовъ; въ такомъ голосѣ, какъ бы онъ ни былъ подъ часъ односторонненъ и своекорыстенъ, дѣйствительно нуждается наша бюрократія, не пріобыкшая и не долюбливающая справляться въ своихъ смѣлыхъ мѣропріятіяхъ съ интересами жизни. Такой голосъ былъ бы для всѣхъ насъ истинною благодатью, хотя бы онъ и исходилъ изъ сферы весьма односторонннихъ интересовъ. Но въ таможенной агитаціи преобладали на ярмаркѣ голоса литературствующихъ коммерсантовъ, проповѣдующихъ о нуждахъ русскаго народнаго хозяйства по книжкамъ Листа и Кери, и столь же мало представляющихъ собою интересы науки какъ и интересы торговаго міра. Нѣтъ надобности прибавлять, что и эти книжки изучены ими самымъ поверхностнымъ образомъ, на досугѣ, между дѣломъ. Но такими голосами мы преизобилуемъ и безъ макарьевскихъ таможенныхъ агитацій; ими переполненъ нашъ журнальный міръ, и они имѣютъ единственнымъ вѣрнымъ своимъ результатомъ — смущеніе общественнаго мнѣнія. Таковъ результатъ и всѣхъ бывшихъ на Нижегородской ярмаркѣ движеній въ пользу усиленія таможенной запретительной и покровительственной системы: * по нимъ, конечно, невозможно судить чего желаетъ и къ чему стремится нашъ торговый и фабричный міръ, но точно также по нимъ невозможно судить и чего желаютъ общественные интересы, чуждые таможнямъ. Купечеству между прочимъ и потому неудобно признать ярмарочныя таможенныя демонстраціи за выраженіе своихъ мнѣній и чувствъ, что къ этимъ демонстраціямъ примѣшиваются элементы, не совмѣстные

* Чтобы повѣрить справедливость нашихъ словъ о таможенной агитаціи на Нижегородской ярмаркѣ, мы предлагаемъ просмотрѣть *Ярмарочный листокъ* за 1864 и 1865 гг., и между прочимъ, въ особенности циркуляры, рѣчи и статьи предсѣдателя ярмарочнаго биржеваго комитета, преимущественно отличающіеся своимъ не практическимъ и не коммерческимъ характеромъ.

съ достоинствомъ и независимостію, подобающими какъ всему купеческому сословію, такъ и въ особенности столь обширной его отрасли каково купечество торгующее на Нижегородской ярмаркѣ. Языкъ * глашатаевъ этихъ движеній преисполненъ лести и подобострастія передъ офиціальнымъ міромъ: это какъ бы условныя фразы, которыя, по общепринятымъ у насъ понятіямъ, ничего собою не выражаютъ и ни къ чему не обязываютъ. Еслибъ онъ былъ скроменъ, то пришлось бы признать представителей цѣлой почтенной корпораціи лишенными способности произносить независимое сужденіе какъ о публичныхъ дѣлахъ и дѣятеляхъ, такъ и о собственныхъ своихъ интересахъ. Тѣнь офиціальной лести, не вынужденной къ тому же никакими исключительными обстоятельствами, не можетъ не уничтожать, и передъ общественнымъ мнѣніемъ, и передъ правительствомъ, силу заявленій со стороны какихъ бы то ни было интересовъ. Но пока довольно объ этомъ.

Какіе бы любопытные нравственные и государственные вопросы ни связывались съ купеческимъ веселъемъ и разгуломъ, съ полиціей, таможенными движеніями и проч. на Нижегородской ярмаркѣ, — во всемъ этомъ еще не главный ея интересъ. Онъ даже не въ ея торговыхъ оборотахъ, какъ ни громадно ихъ вліяніе на народное хозяйство всего государства. Всеобъемлющее значеніе этой ярмарки, зачавшейся въ доисторическія времена нашего государства и развивавшейся рука объ руку со всѣми историческими судьбами нашего народа, — опредѣляется именно тѣмъ выраженіемъ, которое уже не разъ было прилагаемо къ ярмаркѣ здѣсь *встрѣча* людей и народовъ.

На Макарьевской ярмаркѣ съ давнихъ поръ встрѣчаются, *какъ нигдѣ на Русской землѣ*, люди и понятія, племена, вѣрованія и цивилизаціи, какъ вошедшія въ составъ нашей народности, нашей государственно-этнографической единицы, такъ и обусловливавшія собою наше историческое развитіе. Здѣсь, на макарьевскомъ сходбищѣ, одинъ изъ самыхъ горячихъ моментовъ того тренія племенныхъ и бытовыхъ стихій, изъ которыхъ слагается историческое развитіе народной жизни. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе стихіи племенъ и цивилизацій во-

* Въ видѣ примѣра укажемъ на завтракъ 25-го іюля 1865 года (*Ярмарочный Листокъ*, № 10).

шедшихъ въ составъ историческаго быта народа, тѣмъ, кажется, могущественнѣе его историческій ростъ, и тѣмъ благороднѣе его національный типъ, переработавшій въ себѣ и претворившій въ себя всю разнородную смѣсь племенныхъ элементовъ. Поэтому такъ и важны сходбища подобныя Макарьевскому торгу; въ особенности же они важны для народа, который долженъ былъ воспринять и объединить столько племенныхъ элементовъ, и претворить ихъ въ народный типъ изумляющій своею *однородностью*, на государственной территоріи, не имѣющей, къ тому же, по своей величинѣ, ничего себѣ подобнаго. Для такого колоссальнаго историческаго и этнографическаго процесса сліянія народностей были, можетъ-статься, особенно необходимы временные и мѣстные толчки, ускоряющіе его движеніе.

Поводъ, по которому происходитъ макарьевское сходбище, — торгъ, коммерческая сдѣлка, — обладаетъ свойствами *по преимуществу соединяющими и примиряющими* различія и противоположности племенъ и обычаевъ; этотъ поводъ примиряетъ быстрѣе и понудительнѣе всякаго иного случая встрѣчи: нужно во что бы то ни стало продать и купить. Здѣсь поневолѣ, за стаканомъ чая, за бутылкою вина, подъ шумъ трактирнаго веселья, приравниваются другъ къ другу высокомѣрный московскій первостатейный купецъ и не менѣе высокомѣрный у себя дома и неизмѣнный здѣсь Бухарецъ; по цѣлымъ часамъ тягаются они между собою, выдвигая каждый всѣ баттареи своихъ коммерческихъ хитростей, запугивая одинъ другаго крайними послѣдствіями несовершенія сдѣлки: съ одной стороны, обратное шествіе по среднеазіятскимъ степямъ, съ грузомъ ни на что негоднаго для соплеменниковъ хлопка и безъ наличныхъ денегъ, безъ которыхъ не сдѣлаешь ни шагу въ части свѣта еще не познавшей кредита и банковъ, въ заключеніе можетъ-статься палочное наказаніе на площади въ награду отъ начальства за плохую торговлю, а съ другой стороны, обратный путь по рельсамъ, хотя и несравненно болѣе краткій и усовершенствованный, но также съ не совсѣмъ пріятными ощущеніями, при мысли о фабрикѣ безъ сыраго матеріяла и съ запасами сработаннаго товара, годнаго лишь для чужой части свѣта, и о карманѣ безъ наличной денежной поживы, не совсѣмъ излишней какъ подспорье къ массамъ процентныхъ бумагъ, не идущихъ съ рукъ, и къ коммерческимъ оборотамъ,

замявшимся внутри отечества. Съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ въ торгующихся головахъ свои неудобства и стѣсненія отъ несостоявшейся сдѣлки, борются между собою, прилаживаются, и наконецъ обѣ стороны что-нибудь уступаютъ другъ другу; одна сторона обыкновенно уступаетъ больше: ея обратный путь несравненно длиннѣе, и коммерческія обстоятельства гораздо круче; Европа осиливаетъ Азію. Какъ ни стоекъ Бухарецъ, Москвичъ сможетъ выдержать борьбу долѣе, и обѣ стороны все-таки сходятся, и *по русскому обычаю* бьютъ по рукамъ, хотя Бухарцу и придется заѣхать еще разъ на поклонъ и за деньгами въ Москву. *

Самая крупная противоположность этнографическихъ элементовъ, властвовавшая доселѣ на Макарьевской ярмаркѣ, проявляется, разумѣется, между Азіей и Европой, изъ встрѣчи коихъ и образовался этотъ торгъ; борьба этихъ двухъ элементовъ составляла, конечно, важнѣйшее историческое содержаніе Макарьевскаго сходбища. Который изъ двухъ элементовъ одолѣлъ, это слишкомъ ясно по всѣмъ даже наружнымъ признакамъ историческаго и географическаго развитія ярмарки. Хотя нынѣ значеніе Нижегородской ярмарки для внутренней торговли Россіи далеко преобладаетъ, какъ мы говорили (въ IV главѣ), надъ ея ролью въ нашей азіятской торговлѣ, встрѣча народовъ Азіи и Европы все-таки здѣсь продолжается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе полнаго господства здѣсь русской, европейской стихіи, нигдѣ, можетъ-статься, не обнаруживается сильнѣе чѣмъ здѣсь нравственное и умственное вліяніе Россіи на Азіятцевъ. На всѣхъ другихъ окраинахъ и пограничныхъ пунктахъ, куда распространилась торговля наша съ Азіей, русскіе элементы еще пришлые и слишкомъ слабые.

Другой, болѣе органическій, процессъ борьбы и сліянія племенъ происходилъ съ особенною живостью именно въ той области и на томъ пути, по которымъ шло развитіе Макарьевскаго торга. Мы говоримъ о сліяніи племенъ финскихъ и славянскихъ. Внутреннее развитіе ярмарки, конечно, не могло оставаться чуждымъ и этому этнографическому процессу, столь важному въ нашей исторіи, но отношеніе его къ ярмаркѣ было, повидимому, косвенное, по крайней мѣрѣ въ бли-

* Мы были свидѣтелями такихъ переговоровъ, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ дней.

жайшемъ историческомъ прошедшемъ: финскія племена, и доселѣ еще сохранившіяся во всей чистотѣ на Волгѣ и въ близкихъ къ ярмаркѣ мѣстахъ (въ Нижегородской, Казанской, Рязанской губ.), уже давно чужды коммерческому и промышленному духу, воодушевившему съ особенною силой русскую народность, именно въ этой области. Нынѣ участіе въ ярмарочной торговлѣ всѣхъ этихъ финскихъ обрывковъ — Черемисъ, Чувашъ, Мордвы—вовсе даже не замѣтно. Присутствіе финскихъ племенъ въ географической области Макарьевской ярмарки скорѣе важно въ томъ отношеніи, что взаимодѣйствіемъ и сліяніемъ ихъ съ славянскими племенами возрастала здѣсь мощь русской стихіи для ея борьбы съ Азіей, если только можно вообще допустить ту справедливую, какъ намъ кажется, мысль, что поглощеніе въ русской стихіи финскихъ племенъ славянскими было явленіемъ чрезвычайно благопріятнымъ для развитія русской стихіи (въ такъ-называемой велико-россійской ея области). Макарьевская ярмарка, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовала ходу этого этнографическаго процесса: здѣсь русскій народъ изъявилъ рѣшительное господство своего коммерческаго и промышленнаго духа надъ всѣми первобытными племенами своей территоріи, въ томъ числѣ и надъ финскими, которыя, если вѣрить историческимъ извѣстіямъ, играли первостепенную роль въ первобытномъ Макарьевскомъ торжищѣ, въ Прикамской области, въ Болгарскомъ царствѣ. * Въ тѣ времена финскія племена представляли собою Западъ и Европу насупротивъ Востока и Азіи, а нынѣ они снизошли передъ русско-славянскою стихіей до того подчиненнаго положенія, какое занимаетъ въ бассейнѣ Волги городъ Чебоксары, въ насмѣшку именуемый столицею Черемисъ, передъ Нижнимъ-Новгородомъ и Москвой.

Въ средѣ самой русской народности ярмарка является по преимуществу и даже исключительно средоточіемъ для Великороссіянъ и остается чуждою (теперь, можетъ-быть, даже болѣе чѣмъ прежде) южной (лучше юго-западной) и западной Россіи. Это обстоятельство, нынѣ устраняющее встрѣчу на ярмаркѣ малороссійскаго и бѣлорусскаго нарѣчій съ великороссійскимъ, можетъ измѣниться съ проведеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Теперь же группа украинскихъ ярмарокъ, возникшихъ вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, совер-

* См ссылки въ 1-й главѣ.

шенно разъединила малороссійскій рынокъ съ великороссійскимъ.

Но не одни только племенныя различія и противоположности встрѣчаются на Нижегородской ярмаркѣ; на ней сталкиваются разнообразныя нравственныя и умственныя теченія русской жизни, воззрѣнія, нравы и обычаи всѣхъ слоевъ и географическихъ группъ русскаго общества. Въ этомъ отношеніи уже не мало было сдѣлано нами указаній читатели могли достаточно судить по разнымъ разбросаннымъ въ нашихъ очеркахъ фактамъ, какія крайности понятій и вкусовъ русскихъ людей ищутъ для себя удовлетворенія въ ярмарочномъ мірѣ, какой оживленный обмѣнъ чувствъ и мыслей происходитъ здѣсь рядомъ съ обмѣномъ товаровъ. И этотъ обмѣнъ понятій играетъ здѣсь не одну только подчиненную роль, по необходимости только сопровождая коммерческое движеніе: Макарій служитъ сборнымъ мѣстомъ для двигателей многихъ идей, вращающихся въ нашемъ народномъ быту, и средствомъ пропаганды, для которой прямо и наѣзжаетъ сюда всякій людъ изъ разныхъ краевъ Россіи. Между умственными движеніями, сосредоточивающимися у Макарія, въ особенности важна дѣятельность раскольничьихъ толковъ. Какъ бы ни хотѣлось намъ сообщить здѣсь нѣкоторыя наблюденія по этому предмету, но затрогивать мимоходомъ такую важную сторону духовной жизни нашего народа было бы легкомысленно. Именно здѣсь на Нижегородской ярмаркѣ раскрылась для насъ та важная роль, которую играетъ расколъ въ умственныхъ движеніяхъ нашего народа.

Тутъ, посреди искреннихъ бесѣдъ и почти уличныхъ преній, сказались намъ органическія, нравственныя и бытовыя связи раскола съ народною жизнью; тутъ особенно ощутительнымъ сдѣлалось для насъ, посреди пропаганды, производящейся нынѣ всѣми видами нашихъ сектаторовъ, отсутствіе свободной дѣятельности православнаго духовенства, непосредственно встрѣчающагося съ расколомъ лишь въ качествѣ представителя государственной и принудительной его власти.

. . . . . .

Дворянство принимаетъ самое ничтожное участіе въ оборотахъ Нижегородской ярмарки, и даже съѣздъ сосѣдняго дворянства на ярмарку значительно сократился въ послѣднее время. Поэтому это сходбище сотенъ тысячъ людей всего

менѣе имѣетъ значенія для умственныхъ движеній въ высшемъ и образованномъ нашемъ классѣ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной характеристической особенности новѣйшаго времени,—о нѣсколькихъ дворянахъ, сидящихъ въ разныхъ рядахъ ярмарки и собственноручно продающихъ въ лавкахъ свои товары. Всѣ эти лица принадлежали не къ числу какихъ-нибудь исхудалыхъ представителей нашего высшаго сословія, нерѣдко послѣ разоренія бросающихся на разныя общественныя поприща; напротивъ, это люди состоятельные и даже съ видными родовыми связями. Они затѣяли сами торговать, просто, чтобы дѣлать это лучше нежели чрезъ посредство прикащиковъ; можетъ-быть они это затѣяли, сами того не сознавая, отчасти и ради угожденія духу времени, въ видахъ сліянія сословій. Не беремся сказать, въ какой степени эта затѣя коммерчески удалась, знаемъ только, что ловкіе купцы далеко не прочь торговать съ дворянами. Такіе хозяева даже пріятнѣе купцамъ чѣмъ господскіе прикащики, хотя и съ послѣдними торговать удобнѣе чѣмъ съ своимъ братомъ купцомъ. При этомъ мы вспоминаемъ подобный случай на ярмаркѣ 1860 года, когда на горизонтѣ показались первыя тучи эманципаціи, и когда съ ними связывались во многихъ умахъ ожиданія превращенія дворянъ въ людей обязанныхъ, по нашимъ законамъ, *избрать для себя родъ жизни.* Нѣсколько дворянъ-фабрикантовъ поспѣшили тогда упредить угрожавшій прогрессъ и появились съ своимъ товаромъ въ ярмарочныхъ палаткахъ; нѣкоторые изъ нихъ заболѣли отъ стужи (вслѣдствіе воспрещенія топить ярмарочныя строенія) и бѣжали съ ярмарки, кинувъ товаръ на произволъ судьбы. Это случилось именно на той ярмаркѣ, на которой въ послѣдній уже разъ продавался особенный дворянскій товаръ, и въ послѣдній разъ раздавались звуки оркестра, составленнаго помѣщикомъ изъ крѣпостныхъ людей. Желаемъ, чтобы нынѣшняя дворянская попытка была удачнѣе, хотя и знаемъ какъ важна въ торговлѣ, особенно русской, извѣстная унаслѣдованная коммерческая рутина.

Чрезвычайное разнообразіе понятій, нравовъ и обычаевъ было для насъ самымъ любопытнымъ предметомъ наблюденія на Нижегородской ярмаркѣ. На всякомъ шагу можно встрѣтить здѣсь крайнія противоположности человѣческой цивилизаціи, изумительнымъ образомъ умѣющія уживаться одна подлѣ другой. Таковы въ особенности контрасты поня-

тій христіанскаго міра и мусульманскаго, имѣющаго здѣсь столь многочисленныхъ представителей. „Женщина не человѣкъ, женщина не имѣетъ никакихъ высшихъ человѣческихъ побужденій, а только скотскіе и плотскіе инстинкты,“ говорилъ намъ образованный Татаринъ и старался доказать свою варварскую тему разсужденіями, изобличавшими нѣкоторое умственное развитіе и знакомство съ требованіями европейской цивилизаціи. „Мы не признаемъ въ женщинѣ человѣческой души, и потому не допускаемъ ее въ наши храмы,“ продолжалъ онъ. А въ христіанской семьѣ, обокъ живущей съ палаткой этого Татарина, не разъ приходилось намъ видѣть женщину уже однимъ только присутствіемъ своимъ воздерживающую мужа отъ ярмарочнаго разврата; приходилось также не разъ видѣть въ ней единственную хранительницу вѣрованій и обрядовъ отцовъ, посреди кощунства мужской половины семьи, потрясенной въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ пропагандой нигилизма и бросившейся, подобно всѣмъ новообращеннымъ, во всѣ крайности новаго ученія. Въ то время какъ мусульмане, покидая всякія дѣла на ярмаркѣ, съ необыкновеннымъ усердіемъ наполняли мечеть въ часы назначенные для общественныхъ молитвъ, и ихъ женщины могли въ эти часы приближаться къ мечети лишь на нѣкоторое разстояніе, — въ это время православный соборъ посѣщался по преимуществу женщинами, такъ какъ мущины были отвлекаемы коммерческими дѣлами. Но женщину молящуюся, женщину—хранительницу чистоты семейныхъ нравовъ, всего менѣе видитъ Татаринъ на ярмаркѣ, и потому не удивительно весьма характеристическое возраженіе, сдѣланное намъ тѣмъ же образованнымъ мусульманиномъ, когда мы выражали ему наше негодованіе противъ его взглядовъ на женщину. „Не доказываютъ ли ваши женщины лучше всего справедливость нашихъ понятій, что онѣ не люди и не могутъ пользоваться свободой людей? Неужели мы не видимъ здѣсь на всѣхъ этихъ маскарадахъ и въ разныхъ заведеніяхъ каковы ваши женщины, и неужели, посмотрѣвъ на нихъ, намъ не убѣдиться, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что запираемъ ихъ и не даемъ имъ воли?“ Таковъ былъ отвѣтъ мусульманина, и отвѣтъ совершенно искренній. Наши русскіе Татары еще могутъ получить, если только захотятъ, иныя понятія о нашей женщинѣ и вообще нашемъ христіанскомъ и евро-

пейскомъ бытѣ. Но каково же положеніе Среднеазіятцевъ, знакомящихся съ нашею цивилизаціей единственно въ ярмарочныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они проводятъ всѣ свои досуги на ярмаркѣ? Представьте себѣ Бухарцевъ и Коканцевъ попавшихъ прямо изъ своихъ степей на ярмарочные мабили и съ нихъ возвращающихся прямо въ степи. Каковы должны быть впечатлѣнія этихъ дикарей посреди невѣдомаго имъ дотолѣ европейскаго міра! Не мало занималъ насъ на ярмаркѣ вопросъ объ этихъ впечатлѣніяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Какъ бы ни были однако прискорбны для нашего европейскаго самолюбія представленія о цивилизаціи, увозимыя съ ярмарки Среднеазіятцами, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что ихъ поселяетъ на этотъ разъ въ воображеніи дикарей именно та иноземная струя утонченнаго макарьевскаго веселья, которую мы выше отличили отъ настоящей русской его стихіи; русское веселіе неспособно, при всѣхъ своихъ грязныхъ разливахъ, произвести на Азіятцевъ впечатлѣнія столь унизительныя для европейской цивилизаціи какъ весь этотъ парижскій развратъ, переложенный на русскіе нравы.

Но не менѣе противоположностей и неожиданныхъ встрѣчъ понятій заключаетъ внутри себя и сама русская цивилизація на ярмаркѣ. Съ одной стороны, старообрядцы отплевываются отъ балета и обзываютъ пляскою Иродіады спектакль, покровительствуемый властями въ видахъ облагораживанія русскихъ нравовъ; съ другой стороны, фельетоны мѣстной печати пускаются въ сентиментальности по поводу погибшихъ, но милыхъ созданій ярмарки, и возводятъ ихъ даже, по рецептамъ преподаннымъ прогрессивною столичною прессой, въ соціальный идеалъ! * Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ понятій... А между тѣмъ этотъ контрастъ не какой-нибудь исключительный фактъ; напротивъ того, съ каждою его стороной связанъ рядъ воззрѣній и влеченій, носящихся въ нравственной атмосферѣ на огромныхъ пространствахъ нашего отечества и въ цѣлыхъ слояхъ нашего общества. Такъ или иначе всѣ будущіе наши успѣхи обусловлены этими воззрѣніями, изъ которыхъ одни поднимаютъ въ нашемъ воображеніи всю картину до-петровской и даже до-никоновской русской старины, а другія рисуютъ намъ всю

* См. *Ярмарочный Листокъ* 1864 г.

современную, мнимо-передовую нашу новизну, всѣ эти наносы прибитые къ нашему берегу. Молодецъ изъ Ножевой линіи Московскаго гостинаго двора, проникнувшись до глубины сердца сказаніями объ эманципаціи женщины, перешедшими къ нему изъ устъ пріятеля знакомаго съ умными людьми, даже съ литераторами, убѣждается наконецъ, что настоящая эманципація осуществляется вполнѣ только на мабилѣ Нижегородской ярмарки, и съ воспріимчивостью русскаго человѣка краснорѣчиво доказываетъ вамъ, что отношенія между полами, возникающія на мабилѣ, самыя нормальныя и естественныя отношенія (sic). Послѣ такихъ слышанныхъ нами рѣчей, сближающихъ прогрессиста съ нашимъ Татариномъ, намъ было еще труднѣе убѣдить послѣдняго, что ярмарочныя увеселительныя заведенія еще не даютъ понятія о положеніи женщины въ нашемъ европейскомъ обществѣ; до него уже доходили слухи о прогрессистахъ, именно доказывавшихъ, что подобная женская эманципація есть самое послѣднее слово прогресса.

Не станемъ однако слишкомъ долго останавливаться на подобныхъ явленіяхъ: отдѣльный фактъ, вырванный изъ всей совокупности, можетъ вести къ весьма одностороннимъ заключеніямъ. Чтобы судить объ историческомъ и народномъ значеніи великой „встрѣчи“ русскихъ людей, какую представляетъ собою нижегородское сходбище, необходимо стать на нѣкоторое отъ нея разстояніе; необходимо, чтобы на этомъ разстояніи исчезло въ крупныхъ очертаніяхъ общей идеи все безобразіе нравственныхъ и умственныхъ явленій, замѣтное лишь вблизи, и замолкли всѣ дрязги текущаго времени, ощутительныя лишь для слуха наблюдателя-современника, взволнованнаго тревогами дня. Въ общей исторической идеѣ макарьевскаго сходбища народовъ безслѣдно пропадаетъ все это безобразіе и всѣ эти дрязги.

Идея, которая представляется намъ здѣсь господствующею, есть преобладаніе русской народной стихіи на этой встрѣчѣ народовъ Востока и Запада. Въ этой встрѣчѣ понятій и людей самыхъ противоположныхъ міровъ и цивилизацій выходитъ торжествующею надъ всѣмъ и надъ всѣми русская цивилизація, которая и накладываетъ окончательно на всѣ явленія свою печать, свой типъ. Подъ этимъ русскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ европейскимъ типомъ и всѣ азіятскіе, пришлые элементы мало-по-малу претворяются

въ русскіе и европейскіе. И самъ этотъ типъ, находясь какъ всякій живой народный типъ въ безпрерывномъ движеніи, вырабатывается и крѣпнетъ въ этой встрѣчѣ и въ этомъ треніи безконечно разнообразныхъ, иноплеменныхъ и областныхъ элементовъ, мало-по-малу слагающихся подъ русскимъ началомъ въ одну народную стихію. Какъ нѣкоторое олицетвореніе этой идеи осталась у насъ въ памяти одна живая картинка изъ ярмарочной жизни. Въ грязной харчевнѣ мальчикъ Татаринъ, въ своемъ мусульманскомъ колпачкѣ, бойко наигрываетъ на скрипкѣ русскія плясовыя пѣсни, и подъ эту музыку пляшетъ по-русски Полька; и Татаринъ, и Полька всячески стараются своимъ подпѣваньемъ русскихъ словъ и всѣми своими ухватками доказать засѣдающей въ харчевнѣ компаніи, что они вполнѣ прониклись духомъ русской пѣсни и пляски, что и они, несмотря на свою татарщину и свою польщизну, способны выкинуть настоящее русское колѣнцо. Дѣйствительно, это имъ и удается, и компанія, состоящая изъ торгашей низшаго сорта, всякихъ племенъ и нарѣчій (въ томъ числѣ даже Нѣмцевъ и Французовъ), и какъ всякая компанія у Макарія, старающаяся во что бы то ни стало быть или казаться русскою, приходитъ въ неописанный восторгъ. Мы долго любовались этою картиной, въ которой, несмотря на всю грязь декорацій, пробивался наружу внутренній смыслъ народныхъ движеній подобныхъ макарьевскому сходбищу.

Позволяемъ себѣ думать, что этою сценою, которая выхвачена нами изъ самаго вихря ярмарочнаго разгула, и изъ которой каждое дѣйствующее лицо, каково бы ни было его племя, религія и языкъ, вышло съ однимъ и тѣмъ же русскимъ припѣвомъ на устахъ, съ русскимъ мотивомъ въ душѣ и съ русскимъ настроеніемъ чувствъ и мыслей,—этою сценой мы могли нагляднѣе всего выразить идею, господствующую въ настоящемъ послѣднемъ нашемъ *Очеркѣ Нижегородской ярмарки.*

Мы можемъ сожалѣть обо многихъ мрачныхъ явленіяхъ на нашихъ народныхъ сходбищахъ, о томъ что въ качествѣ представителей просвѣтительныхъ европейскихъ началъ являются здѣсь съ одной стороны Башкиры-казаки, блюстители полицейскаго порядка, съ другой—создатели мабилей и наивные толкователи Бокля и Дарвина, но не можемъ отрицать, что русская жизнь движется впередъ на этихъ

великихъ сходбищахъ и коммерческихъ перепутьяхъ, и того движенія не могутъ остановить никакіе представители нашихъ *новшествъ*. На этихъ сходбищахъ вырабатывается *единство* русскаго быта и духа,—единство, которое уже само по себѣ составляетъ силу, хотя эта сила и могла бы до безконечности увеличиться отъ сочетанія съ другою силой, съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Пока успѣхи нашего научнаго и школьнаго образованія еще такъ слабы, и пока, съ другой стороны, недостатокъ матеріальныхъ удобствъ жизни и усовершенствованныхъ путей сообщенія еще не позволяетъ всѣмъ областямъ Россіи обмѣниваться между собою товарами и понятіями и поддерживать свое русское единство иначе какъ посредствомъ подобныхъ *встрѣчъ*,— будемъ радоваться, что это великое единство, безъ котораго ничто остальное немыслимо, сохраняется и преуспѣваетъ, хотя бы посредствомъ подобныхъ встрѣчъ и движеній.

